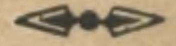
В. В. ВИНОГРАДОВ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК



ОГИЗ
ГОСЛИТИЗДАТ
1945

В. В. ВИНОГРАДОВ

ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1945

Редактор С. Петров

Подписано к печати 2/VII 1945 г. А13066.
Тираж 10 000 экз. 5$^{3}/_{8}$ печ. л. 6,75 уч.-авт. л.
Зак. №.1956.

1-я Образцовая тип. треста «Полиграфкнига»
Огиза при СНК РСФСР. Москва, Валовая, 28.

I

Язык один из существенных признаков нации. По определению товарища Сталина, «нация — это исторически сложившаяся устойчивая общность языка, территории, экономической жизни и психического склада, проявляющегося в общности культуры»[1].

Язык — не только мощное орудие культуры, не только важнейший фактор духовного развития нации, но и очень активная и выразительная форма национального творчества, национального самосознания.

«В языке своём, — писал К. Д. Ушинский, — народ в продолжение многих тысячелетий и в миллионах индивидуумов сложил свои мысли и свои чувства. Природа страны и история народа, отражаясь в душе человека, выражались в слове. Человек исчезал, но слово, им созданное, оставалось бессмертной и неисчерпаемой сокровищницей народного языка; так что каждое слово языка, каждая его форма есть результат мысли и чувства

---

[1] И. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Партиздат, 1934, стр. 6.

человека, через которые отразилась в слове природа страны и история народа»[1].

Национальный язык представляет собою своеобразный стиль национального выражения. Ещё Пушкин с предельной ясностью развил мысль о внутреннем единстве и индивидуальном своеобразии смысловой структуры национального языка. «Есть образ мыслей и чувствований, есть тьма обычаев и поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу». Для Пушкина народность языка определяется всем содержанием национальной русской культуры в её историческом развитии.

Пушкин учил, что народность языка нельзя смешивать с «простонародностью». Народность глубже и разнообразнее на более высоких ступенях культуры. Индивидуальное своеобразие речевой культуры народа всегда является признаком богатства его духовных сил, его самостоятельного развития. Духовное творчество тем глубже и народнее, чем более оно содействует культурному росту всей нации и чем больше оно опирается на исторический опыт всего человечества, отражённый в завоеваниях науки.

Великий наш лингвист А. А. Потебня заметил: «Литературно образованный человек своего народа имеет перед простолюдином то преимущество, что на последнего влияет лишь незначительная часть народной традиции, именно, почти исключительно устное предание одной местности, между тем как первый, в разной мере, приходит в соприкосновение с многовековым тече-

---

[1] О первоначальном преподавании русского языка. К. Д. Ушинский, Избранные педагогические сочинения, М., 1939, т. II, стр. 12.

нием народной жизни, взятым как в его составных частях, так и в конечных результатах, состоящих в письменности его времени»[1].

Гоголь в своей знаменитой статье о Пушкине так определяет сущность национально-языкового своеобразия: «Истинная национальность состоит не в описании сарафана, но в самом духе народа. Поэт даже может быть и тогда национален, когда описывает совершенно сторонний мир, но глядит на него глазами своей национальной стихии, глазами своего народа, когда чувствует и говорит так, что соотечественникам его кажется, будто это чувствуют и говорят они сами».

Русский язык, наряду с русской литературой,— это ценнейшее достояние и высокое достижение русской нации. «Народ, у которого такой язык,— народ великий», — говорил И. С. Тургенев[2]. Известна истина: «Чем более жизненной силы в языке, тем более жизненной силы образованности может быть и в обществе или народе, которому он принадлежит»[3].

Величие и мощь русского языка общепризнаны. Это признание глубоко вошло в сознание всех народов, всего человечества. Об эту истину сразу же разбиваются все измышления фашистов о неполноценности славянской расы, славянских культур.

В. И. Ленин в статье «Нужен ли обязательный государственный язык» так отвечал «господам либералам»: «Мы лучше вас знаем, что язык Тур-

---

[1] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 183.

[2] «Русский вестник», 1890, № 6, стр. 12. Воспоминания Н. Щербаня.

[3] И. И. Срезневский, Об изучении народного языка вообще и особенно в детском возрасте, СПБ, 1899, стр. 11.

генева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч» [1].

Эта ленинская характеристика русского языка напоминает о стихотворении Тургенева «Русский язык»:

«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык. — Не будь тебя, как не впасть в отчаяние при виде того, что свершается дома? — Но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Для Ленина величие и богатство русского языка были как бы синонимами его ясности, точности и понятности для широких масс. По свидетельству В. Д. Бонч-Бруевича, если Ленин видел, что изложение страдает отсутствием популярности, ясности, понятности, то всегда спрашивал: «Неужели по-русски вы не можете изложить свои мысли так, чтобы они были действительно доступны всем? Русский язык очень богатый» [2].

Ленин постоянно изучал словарь русского языка Даля, который стоял у него на этажерке возле стола [3]. По словам того же мемуариста, Ленин «высказывал своё восторженное изумление перед разнообразием эпитетов и других образных выражений русского языка» [4].

Разнообразие стилистических ресурсов русского языка, его мощь и самобытность поражали и Ф. Энгельса, который, как известно, был выдающимся лингвистом-полиглотом.

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XVII, стр. 180.

[2] В. Бонч-Бруевич, Как работал Владимир Ильич. «Читатель и писатель», 1928, № 2.

[3] Там же.

[4] В. Бонч-Бруевич, Ленин о поэзии. «На литературном посту», 1931, № 4.

По его мнению, русский язык «один из самых сильных и самых богатых живых языков» [1] мира. Своё восхищение русским языком Энгельс выражает в таких словах: «Какой красивый русский язык: все преимущества немецкого без его ужасной грубости» [2].

Эта общая восторженная оценка выразительных средств русского языка конкретизируется, наполняется разнообразным содержанием в более подробных, развёрнутых суждениях о русском языке, высказанных разными выдающимися общественными деятелями и писателями. Не все из этих отзывов равноценны и далеко не все основаны на подлинно глубоком проникновении в природу русского языка. Особенно нуждаются в поправках, в критическом анализе суждения лиц, мало знавших русский язык, плохо владевших им, хотя дань удивления и восторженной оценки отдали русскому языку такие классики западноевропейских литератур, как Сталь, Бальзак, Мериме, Флобер и др.

Гораздо более многозначительны, глубоки и интересны рассуждения о свойствах и особенностях русского языка, принадлежащие его созидателям и реформаторам, великим мастерам русского слова. Их знание языкового материала, из которого они сами строили вечные памятники искусства, великие литературные произведения, не может быть оспорено, их суждения о русском слове не могут быть отброшены. В основе этих оценок лежит чувство патриотической любви и гордости русского человека.

Наиболее широкие и обоснованные характери-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XV, стр. 239.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXVII, стр. 362.

стики русского языка опираются на сопоставление его с другими языками. В этих параллелях есть историческая преемственность. В период средневековья, в эпоху феодальной раздробленности, когда только ещё намечались основные центры объединения племенных восточно-славянских языков, русский язык наиболее дальновидным литературно-общественным деятелям славянского мира уже представлялся главной базой славянской культуры, её самой могущественной опорой. Так, один из крупнейших югославянских литераторов конца XIV — первой половины XV в. — серб Константин Костенчский—в своём грамматическом трактате заявлял, что русский язык — «тончайший и приятнейший» из славянских языков.

Любопытно, что у общественных деятелей славянства XV—XVII вв., принадлежавших к разным славянским народностям, крепко сложилось убеждение в способности русского языка стать языком «всеславянским» или общеславянским, в его наиболее ярком славянском колорите.

Польский публицист XVI в. Мартын Бельский в своей «Хронике всего света» (1550) писал о славянах: «И ныне разбросанные в мире все они имеют одну речь, хотя иные, живя между иноплеменниками, употребляют свой язык в несколько изменённом виде. Думаю, что между нами нет такого дурака, который считал бы речь русскую, московскую, сербскую, чешскую другою, чем нашу польскую: она одна, и после общего разделения недавно изменились в ней кое-где слова... Естественно, что мы перестаём употреблять одни славянские слова, а за другие хватаемся; *одни только русские и чехи мало или совсем не изменили способа выражения* (речи) в нашем языке» (tylko sami Rusacy

i Czechowie malo albo nic odmienili rzeczy w naszym języku)[1]. Замечательный польский богослов Симон Будный, издавая в Несвиже русский перевод протестантского катехизиса, называл русский язык «славным, здавна далеко расширенным словенским языком»[2].

Известный борец за единение славянства хорват Юрий Крижанич (род. в 1619 г., умер в конце XVII в.) мечтал образовать идеальный литературный язык всеславянский, который должен был принять имя «русского». По словам Крижанича, русское племя и имя — всех остальных славянских народов «вершина и кореника» (т. е. корень)[3].

С XVII—начала XVIII в., когда уже был прочно заложен твёрдый фундамент общенационального русского языка, фон для сравнения составляют развитые, достигшие высокой культуры национальные языки передовых западноевропейских государств.

Создание общего национального языка — важнейший этап в истории каждого народа. Только в таком языке нация получает средства для полного раскрытия своих духовных сил и возможностей и для широкого участия в мировом культурном движении. Только такой язык и может стать основой национальной науки и литературы. Он же содействует сплочению всех сил народа, укреплению политического могущества нации и росту её влияния среди других государств. Понятно, что национальный литературный язык, как общее достояние всего народа, становится его драго-

[1] Проф. И. Первольф, Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II, Варшава, 1888, стр. 115—116.

[2] Проф. И. Первольф, Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II, Варшава, 1888, стр. 152.

[3] См. «Граматично изказаниje об русском jeзику». «Чтения в Обществе истории и древностей российских», 1848, I; 1859, IV.

ценным сокровищем, служит предметом народной гордости, самого внимательного попечения и ухода.

Эта любовь к национальному русскому языку, вырываясь из глубины горячего сердца, рождает своеобразный религиозный гимн «природному русскому языку» у протопопа Аввакума. И она же, эта любовь к народному русскому языку, побуждает великого реформатора новой России — царя Петра Первого — заботливо содействовать формированию и росту национально-русских стилей научно-технического и государственно-делового языка. Заботясь о развитии лаконизма, реалистической точности, простоты и ясности русского литературного языка, Пётр Первый требовал от русских переводчиков, чтобы они выпускали ненужные разглагольствования оригиналов и избегали «праздной красоты» (т. е. пышной, но пустой фразеологии). Кудрявый и тёмный стиль немецких книг особенно претил национальному русскому вкусу Петра. «Понеже немцы обыкли многими рассказами негодными книги свои наполнять только для того, чтобы велики казались, чего кроме самого дела и краткого пред всякою вещью разговора переводить не надлежит». Выправив и сократив перевод немецкой книги о сельском хозяйстве, «вычерня негодное», Пётр учит, чтобы по этому образцу «книги переложены были без излишних рассказов, которые время только тратят и чтущим охоту отъемлют» [1]. «Вечный работник на троне» сам устраняет «погрешения и невнятности» в языке издаваемых сочинений [2].

В связи с этими указаниями Петра Первого понятны заботы литераторов и общественных деятелей того времени о том, чтобы русские книги

[1] Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 214, 300.

[2] Там же, стр. 227.

«были истинны, ясны и всякому вразумительны» [1], чтобы иноязычные сочинения были «зело хорошо и внятно переведены» [2].

«Вечный труженик», замечательный филолог В. К. Тредьяковский, призывал «больше всех других природный свой язык любить, чистить, к нему прилежать, о нём всегда помышлять» [3]. Говоря о «нашем наиславнейшем, наипонятнейшем и наихрабрейшем российском народе», он уверял: «Да приложит токмо труд, увидит, увидит он вскоре, колико его язык, который также есть и мой, и обилия, и сил, и красот, и приятностей имеет» [4]. Тредьяковский считал русский язык способным к воспроизведению и выражению всего, «что преизряднейшее, что полезнейшее, что достойнейшее в чужих языках» [5].

Горя к славяно-российскому языку «пламенным сердолюбием», Тредьяковский радовался превосходству, «первенству славянского языка перед тевтоническим».

Великий реформатор русского языка М. В. Ломоносов, бывший, по слову Пушкина, первым русским университетом, констатирует:

«Язык, которым Российская держава великой части света повелевает, по её могуществу имеет природное изобилие, красоту и силу, чем ни единому европейскому языку не уступает» [6].

И в другом своём лингвистическом исследовании; «Российская грамматика» (1755), Ломоносов углубляет и обосновывает эту мысль о пре-

---

[1] Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, стр. 219.

[2] Там же, стр. 227.

[3] Тредьяковский, Сочинения. Изд. Ал. Смирдина, т. III, 1849, стр. 571.

[4] Там же, стр. 580—581.

[5] Там же, стр. 584.

[6] М. В. Ломоносов, Риторика, 1748, стр. 82.

восходстве русского языка над всеми западноевропейскими языками:

«Повелитель многих языков, язык российский, не токмо обширностию мест, где он господствует, но купно и собственным своим пространством и довольством, велик перед всеми в Европе...

Карл Пятый, римский император, говаривал, что ишпанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но есть ли бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашел бы в нём великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатую и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков...

Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные, и вещь выражающие, речи... Кто отчасу далее в нём углубляется, употребляя предводителем общее понятие о человеческом слове, тот увидит безмерно широкое поле или, лучше сказать, едва пределы имеющее море» [1].

По мысли Ломоносова, превосходство русского языка перед всеми европейскими обязывает русскую интеллигенцию, русское общество не только к тщательной разработке всех природных богатств русского языка, но и к бережному, честному обращению с русским словом, к охране его от порчи, от иноземного сора.

В своей статье «О качествах стихотворца рассуждение» (1755) Ломоносов даёт такой завет рус-

[1] М. В. Ломоносов, Российская грамматика, 1755, стр. 9.

скому писателю: «Береги свойства собственного своего языка».

Итак, великий лингвист, поэт, мировой учёный, гениальный исследователь природы, реформатор русского литературного языка, на основе долголетних опытов, наблюдений и сравнительных изучений, приходит к выводу о неисчерпаемых богатствах и возможностях русского литературного языка в области научного познания и художественного творчества, о гармоническом синтезе в строе и составе русского языка всех тех выразительных элементов, которые односторонне проявляются в отдельных европейских языках.

В XVIII в. вопрос о месте русского языка в системе европейских языков, о его индивидуальном своеобразии в ряду этих национальных стилей европейской культуры и цивилизации сильно волнует русские передовые умы. К этому вопросу постоянно возвращаются великие русские писатели того времени.

Г. Р. Державин в своём «Рассуждении о лирической поэзии или об оде» заявляет, что русский язык «не уступает ни в мужестве латинскому, ни в плавности греческому, превосходя все европейские: итальянский, французский и испанский».

Для всех этих патриотических гимнов русскому языку характерно утверждение того, что русский язык, больше всего обязанный литературно-языковой культуре античности, всё же не уступает по своим стилистическим достоинствам даже греческому и латинскому языкам, оказавшим громадное влияние на развитие западноевропейских языков.

Кроме того, в XVIII в. горячо обсуждается вопрос о способах эмоционального выражения, свойственных русскому языку, о системе экспрессивных средств русского языка. В этой области за-

падноевропейские языки, особенно те их стили, которые культивировались в высших слоях общества, казались наиболее богатыми, гибкими и изощрёнными. Но великий лирик, в совершенстве владевший искусством сочетания экспрессивных красок русской речи, Державин, признал, что свойственные русскому языку «гибкость, лёгкость и вообще способность к выражению нежнейших чувствований... в других языках едва ли находятся». Та же оценка ещё раньше была высказана Д. И. Фонвизиным: «русского языка... богатства и красоты удобны ко всякому выражению».

Среди реформаторов русского литературного языка — после Ломоносова, Фонвизина, Державина — необходимо остановиться около историка, поэта и новеллиста Карамзина и прислушаться к его суждениям о русском языке.

Карамзин говорил: «Язык важен для патриота» («О любви к отечеству и народной гордости»)[1]. «Язык и словесность суть не только способы, но и главные способы народного просвещения» (Речь... в торжественном собрании Императорской Российской академии 5/XII 1818 г.)[2].

«Богатство языка есть богатство мыслей». Подойдя с этим критерием к русскому языку, Карамзин признал, что «язык наш выразителен не только для высокого красноречия, для громкой, живописной поэзии, но и для нежной простоты, для звуков сердца и чувствительности. Он богатее гармониею, нежели французский; способнее для излияния души в тонах; представляет более аналогических слов, то есть сообразных с выражаемым действием: выгода, кото-

---

[1] Н. М. Карамзин, Сочинения, 1820, т. VII, стр. 121.

[2] Там же, т. IX, стр. 267.

рую имеют одни коренные языки» («О любви к отечеству и народной гордости»)[1].

Культ родины и родного языка, восхищение национальной русской поэзией, вера в одарённость русского народа во всех областях творчества — особенно в области словесного искусства — типичны для идеологии декабристов. В. К. Кюхельбекер писал в своих показаниях следственной комиссии: «Взирая на блистательные качества, которыми бог одарил народ русский, народ первый в свете по славе и могуществу своему, по своему звучному, богатому, мощному языку, коему в Европе нет подобного, наконец, по радушию, мягкосердию, остроумию и непамятозлобию, ему перед всеми свойственному, я душою скорбел, что всё это подавляется, всё вянет и, быть может, опадёт, не принесши никакого плода в нравственном мире»[2].

За Карамзиным и декабристами в истории русской речевой культуры следует Пушкин, который по праву называется создателем нового русского литературного языка. Пушкин не устаёт твердить о глубокой самобытности русского языка, об индивидуальных особенностях русского национального стиля, резко отличающих его от «европейского жеманства и французской утонченности». Яркая оригинальность национально-русского стиля, не поддающегося европейскому обезличению, по мнению Пушкина, явилась следствием особых исторических условий развития русского языка. Такими условиями на заре существования русского письменного языка были преемственная связь с старославянским языком — первоначальным языком общеславянской литературы и

---

[1] Карамзин, Сочинения, т. VII, стр. 121.
[2] «Восстание декабристов», т. II, 1926, стр. 166.

цивилизации и культурное сближение с греческим, византийским языком. В своей статье «О предисловии г-на Лемонте к французскому переводу басен Крылова» Пушкин писал: «Как материал словесности, язык славяно-русский имеет неоспоримое превосходство перед всеми европейскими. В XI в. древний греческий язык вдруг открыл ему свой лексикон, сокровищницу гармонии, даровал законы обдуманной своей грамматики, свои прекрасные обороты, величественное течение речи... Сам по себе уже звучный и выразительный, отселе заемлет он гибкость и правильность».

По мысли Пушкина, неистощимый рудник русского языка нуждается в тщательной разработке. В нём заложены необъятные творческие силы. «Только революционная голова... может любить Россию так, как писатель только может любить её язык. Всё должно творить в этой России и в этом русском языке». В противоположность «механическим формам» французского языка, в котором «мы находим всё готовым», русский язык полон живого, кипящего движения. Это язык — «гибкий и мощный в своих оборотах и средствах», «переимчивый и общежительный в своих отношениях к чужим языкам» [1]. Народная русская речь несёт с собою в литературный язык «свежесть, простоту и, так сказать, чистосердечность выражений». В тесной связи литературного языка с народной речью Пушкин видел залог «свободы нашего богатого и прекрасного языка». Энергичность, живость и драматическая красочность, мужественный лаконизм и откровенная простота, — вот, по

---

[1] Подробнее о взглядах Пушкина на русский язык и его историю см. в моей книге «Язык Пушкина», «Academia», М., 1935.

Пушкину, характерные черты национального русского стиля.

Вопрос об отличительных свойствах национального русского стиля, возвышающих его над всеми западноевропейскими языками, больше всего интересовал и Гоголя. По мнению Гоголя, в сфере научного познания русскому языку особенно свойственны объективность, реалистичность и лаконизм («Учебная книга словесности»). Русский язык чужд «нарумянивании» и «подслащиваний». Русское слово способно «не описывать, но отражать, как в зеркале, предмет». Научный русский язык резко отличается от туманного, понятного лишь посвящённым, языка немецкой философии: «своим живым духом он станет доступен всем — и простолюдину и непростолюдину». В «Мёртвых душах» от лица автора даётся такая сравнительная характеристика русского языка: «Всякий народ, носящий в себе залог сил, полный творящих способностей души, своей яркой особенности и других даров бога, своеобразно отличился каждый своим собственным словом, которым, выражая какой ни есть предмет, отражает в выражении его часть собственного своего характера. Сердцеведением и мудрым познанием жизни отзовётся слово британца; лёгким щёголем блеснет и разлетится недолговечное слово француза; затейливо придумает своё не всякому доступное умно худощавое слово немец; но нет слова, которое было бы так замашисто, бойко, так вырывалось бы из-под самого сердца, так бы кипело и животрепетало, как метко сказанное русское слово». Меткость, лаконизм, разнообразие, самые смелые переходы от возвышенного до простого в одной и той же речи, гармония, простота и афористичность, богатство экспрессивных красок, — вот, по Гоголю, характерные свойства русского языка, «языка пол-

нейшего и богатейшего из всех европейских языков»[1].

Удивительное богатство и гибкость русского языка проявились в поразительно быстром расширении и углублении системы его выразительных средств в XIX в. Эта необычайная стремительность темпов внутреннего развития русского литературного языка в пушкинскую и гоголевскую эпохи была отмечена великим нашим критиком В. Г. Белинским.

В 1845 г. в рецензии на «Грамматические разыскания» В. А. Васильева Белинский писал, что «Пушкиным не кончилось развитие русского языка... Поэзия природы, поэзия чувств и мыслей, не ознаменованных ни печатью абстракции, ни печатью общественности, навсегда установились у нас Пушкиным, и язык для неё вполне выработался, — так что дальнейший прогресс для языка будет уже не столько со стороны формы, сколько со стороны содержания... Каждый вновь появляющийся великий писатель открывает в своём родном языке новые средства для выражения новой сферы содержания... В этом отношении, благодаря Лермонтову, русский язык далеко подвинулся вперёд после Пушкина». Однако Белинскому кажется, что русскому языку ещё предстоит сложный и великий путь развития, ещё много в нём неразвернувшихся возможностей «для выражения предметов науки, общественности, — словом, всего отвлечённого, всего цивилизованного, глубоко и тонко развитого, даже ежедневных, житейских отношений»[2].

---

[1] Подробнее о взглядах Гоголя на русский язык см. мою работу «Язык Гоголя». Сб. «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», Изд. Академии наук, 1937, вып. II.

[2] В. Г. Белинский, Сочинения, М., 1875, ч. X, стр. 120—121.

По словам Тургенева, в критических трудах самого Белинского «снова явился во всей своей мужественной и бесхитростной простоте русский язык, славный язык, ясный и здравый» («Литературные и житейские воспоминания»).

Если до Пушкина, Гоголя и Белинского уже ярко обнаружились природные богатства русского языка и его культурные достижения, то после этих гениальных преобразователей литературной речи мировое значение русского языка и литературы стало очевидно для всех.

Н. Г. Чернышевский, получивший солидную филологическую подготовку, в своём сочинении «О словопроизводстве в русском языке» (1854) пришёл к выводу о «решительном превосходстве русского языка над другими европейскими языками по богатству и разнообразию словопроизводства». По словам Чернышевского, «словопроизводство в русском языке, подобно словоизменению, отличается, сравнительно с той же стороною других новейших европейских языков, гораздо большим разнообразием. Можно даже сказать, что русский язык (подобно другим славянским наречиям) развил в себе много таких способов произведения слов, которые остались мало развитыми в греческом и латинском языках, по богатству словопроизводственных способов стоящих несравненно выше новых европейских языков». Н. Г. Чернышевский обратил особенное внимание на богатство «форм субъективной оценки» в русском языке (т. е. уменьшительных, ласкательных и т. д.) и на необыкновенное разнообразие в нём видовых значений глаголов. По мнению Чернышевского, из всех европейских языков только итальянский «выдерживает до некоторой степени соперничество с русским в образовании уменьшительных и увеличительных (обладая окон-

чаниями обоих разрядов, но с гораздо меньшим разнообразием, нежели русский)».

В глаголах же «наши виды и неразрывно с ними связанное сочетание глаголов с предлогами придают русскому глаголу такую живость и определённость оттенка в отношении к образу действия, какого не в состоянии выразить ни один язык из известных нам. Некоторое сходство с нашими видами представляют латинские начинательные и (особенно) учащательные глаголы, но их число невелико». «Нам кажется, — заканчивает свои заметки Н. Г. Чернышевский, — что эти бесконечно разнообразные изменения глаголов посредством видовых окончаний и предлогов с единственною целью определить способ, каким происходит действие, придают русской фразе живость и определённость, которая в большей части случаев не может быть выражена на других языках» [1].

Тургенев в своей речи о Пушкине заявил, что русский язык «по своему богатству, силе, логике и красоте формы признаётся даже иностранными филологами едва ли не первым после древнего греческого».

Сам Тургенев считал русский язык «кладом, достоянием, переданным нам нашими предшественниками, в челе которых блистает опять-таки Пушкин» [2]. Он завещал молодым литераторам: «Обращайтесь почтительно с этим могущественным орудием; в руках умелых оно в состоянии совершать чудеса».

С точки зрения основных свойств общерусского языка Тургенев подходит к оценке стиля отдель-

---

[1] «О словопроизводстве в русском языке». Неизданная статья Н. Г. Чернышевского. «Русский язык в школе», 1940, № 2, стр. 51—52.

[2] «Русский вестник», 1890, № 6, стр. 12.

ных русских писателей. О стиле С. Т. Аксакова он отзывался так: «Это настоящая русская речь, добродушная и прямая, гибкая и ловкая. Ничего нет вычурного и ничего лишнего, ничего напряжённого и ничего вялого — свобода и точность выражения одинаково замечательны».

В письме к гр. Ламберт Тургенев писал о русском языке: «Он удивительно хорош по своей честной простоте и свободной силе» [1].

Чрезвычайно знаменательны и глубоки суждения о русском языке, принадлежащие Ф. М. Достоевскому. Он не раз выражал своё восхищение «стихийной основной силой» русского языка, влияющей на склад русского мышления, и необыкновенной гибкостью, отзывчивостью и перевоплощаемостью русского слова. «Существует один знаменательный факт, — писал Достоевский, — мы, на нашем ещё неустроенном и молодом языке, можем передавать глубочайшие формы духа и мысли европейских языков: европейские поэты и мыслители все переводимы и передаваемы по-русски, а иные переведены уже в совершенстве. Между тем, на европейские языки, преимущественно на французский, чрезвычайно много из русского народного языка и из художественных литературных наших произведений до сих пор совершенно непереводимо и непередаваемо».

Далее Достоевский ссылается на комический французский перевод сочинений Гоголя, сделанный Виардо, мужем знаменитой певицы. «Вышла просто какая-то галиматья вместо Гоголя. Пушкин тоже во многом непереводим. Я думаю, если б перевесть такую вещь, как Сказание протопопа

---

[1] И. С. Тургенев, Письма к Ламберт, М., 1915, стр. 64.

Аввакума, то вышла бы тоже галиматья, или, лучше сказать, ровно ничего бы не вышло. Почему это так? Ведь, страшно сказать, что европейский дух, может быть, не так многоразличен и более замкнуто-своеобразен, чем наш, несмотря даже на то, что уж несомненно законченнее и отчетливее выразился, чем наш. Но если это страшно сказать, то, по крайней мере, нельзя не признать, с надеждой и с веселием духа, что нашего-то языка дух — бесспорно многоразличен, богат, всесторонен и всеобъемлющ, ибо в неустроенных ещё формах своих, а уже мог передать драгоценности и сокровища мысли европейской, и мы чувствуем, что переданы они точно и верно» [1].

Русский язык одинаково гибок и богат в самых разнообразных формах выражения — стиховых и прозаических.

В пятидесятых годах XIX в. Н. А. Некрасов (в рецензии на «Деревенский случай» Н. Д. Хвощинской) констатировал, что «уже выработалась в последнее время проза, способная передать все оттенки мысли, все изгибы психологического развития характеров» [2].

А. А. Фет заявлял И. С. Тургеневу (в письме от 5/III 1873 г.): «Не знаю выше наших поэтов: в мире нет. Для берегов (отчизны дальной). Это бесконечная линия, усыпанная гравием, словом, Средиземное море. Или

Русалка плыла по реке голубой;
Озаряема полной луной.

Ведь это черти! Правда, это есть у Гете, да много ли их!» [3]

---

[1] «Дневник писателя за 1876 г.» Полн. собр. соч. Ф. М. Достоевского, СПБ, 1888, т. X, стр. 258.

[2] «Современник», 1854, № 1, стр. 7.

[3] «Русские писатели о литературе», 1939, т. I, стр. 453.

Разнообразие гаммы выразительных средств русского языка удивляло мастеров искусства, смежного с поэзией, — музыкантов. П. И. Чайковский писал: «Русский язык, как справедливо заметил Тургенев... есть нечто бесконечно богатое, сильное и великое»[1]. О стихе Пушкина, в котором, по словам Белинского, проявилось всё акустическое богатство, вся сила русского языка, тот же русский музыкальный гений отозвался так:

«Пушкин силою гениального таланта очень часто врывается из тесных сфер стихотворчества в бесконечную область музыки. Это не пустая фраза. Независимо от сущности того, что он излагает в форме стиха, в самом стихе, в его звуковой последовательности есть что-то проникающее в самую глубь души. Это что-то и есть музыка» [2].

И в другом письме П. И. Чайковский, восторгаясь русской поэзией, музыкальностью русского стиха, писал:

«...Стихотворная форма, к которой прибегают поэты для выражения любви, уже есть узурпация сферы, принадлежащей безраздельно музыке. Слова, уложенные в форму стиха, уже перестают быть просто словами: они омузыкалились. Лучшим доказательством того, что стихи, пытающиеся выразить любовь, суть уже более музыка, чем слова, служит то, что очень часто подобные стихотворения (укажу вам на Фета, которого я очень люблю), будучи внимательно прочтены как слова, а не как музыка, не имеют почти никакого смысла. Между тем, смысл в них не

---

[1] См. статью Б. Асафьева (Игоря Глебова) «Чайковский» в «Правде» от 15 ноября 1943 г., № 282 (9418).

[2] П. И. Чайковский, Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. I, 1934, стр. 26.

только есть, но в них есть глубокая мысль, только не литературная, а чисто музыкальная»[1].

Обогащаясь разными жанрами и стилями, русский литературный язык не отрывался от живой народной устной речи. В её источниках он всегда находил обновление, её свежие соки переливались в него. Эту органическую связь литературного языка и живой народной речи глубоко чувствовал Л. Толстой.

Л. Толстой меняет свой стиль, когда восторженно говорит о народном русском языке. Его речь переполняется оценочными эмоциональными эпитетами: «удивительный по верности, красоте, разнообразию и силе народный язык», «настоящий сильный, где нужно — нежный, трогательный, где нужно — строгий, серьёзный, где нужно — страстный, где нужно — бойкий и живой»[2].

Об этом же горячо писал великий пролетарский писатель М. Горький:

«Язык создаётся народом. Деление языка на литературный и народный значит только то, что мы имеем, так сказать, «сырой» язык и обработанный мастерами. Первым, кто прекрасно понял это, был Пушкин; он же первый и показал, как следует пользоваться речевым материалом народа, как нужно обрабатывать его» («О том, как я учился писать»)[3].

«Начиная с Пушкина, наши классики отобрали из речевого хаоса наиболее точные, яркие, веские слова и создали тот «великий, прекрасный

---

[1] П. И. Чайковский, Переписка с Н. Ф. фон Мекк, т. I, 1934, стр. 205.

[2] П. И. Бирюков, Биография Л. Н. Толстого, 1923, т. IV, стр. 182.

[3] М. Горький, О литературе. Статьи и речи 1926—1936 гг., 3-е изд., 1937, стр. 220.

язык», служить дальнейшему развитию которого Тургенев умолял Льва Толстого. Не надо забывать, что наша страна разноязычна неизмеримо больше, чем любая из стран Европы» («О языке»)[1].

«Русский язык неисчерпаемо богат и всё обогащается с быстротой поражающей. Чтобы убедиться в быстроте роста языка, стоит только сравнить запасы слов — лексиконы — Гоголя и Чехова, Тургенева и, например, Бунина, Достоевского и, скажем, Леонида Леонова» («О том, как я учился писать»)[2].

«Наша речь преимущественно афористична, отличается своей сжатостью, крепостью» («Письма начинающим литераторам»)[3].

М. Горькому запомнились слова В. Г. Короленко:

«Русский язык достаточно богат, он обладает всеми средствами для выражения самых тонких ощущений и оттенков мысли».

Таких свидетельств много. Книга отзывов о русском языке составила бы целый том.

К отзывам великих мастеров русского слова можно было бы присоединить и суждения о русском языке, принадлежащие рядовым деятелям литературы. И они полны глубокого психологического и культурно-исторического интереса.

Даже те русские литераторы, которые преувеличивали роль западноевропейской языковой культуры в истории мировой цивилизации, — и те не могли отрицать многих преимуществ и своеобразия русского языка.

Так, переводчик и психолог П. Хохряков, автор книги «Язык и психология» (1889), поклонник

---

[1] М. Горький, О литературе. Статьи и речи 1926—1936, 3-е изд., 1937, стр. 146.

[2] Там же, стр. 220.

[3] Там же, стр. 308.

французской речевой культуры, находит в русском языке более значительное, чем в европейских языках неславянского корня, развитие живописного элемента, «способности воспроизводить колоритностью и пластичностью выражения, своим складом и строем и чрез это самое давать нам возможность осязательно сознавать живость и непосредственность чувств, ощущений, душевных движений и внешних проявлений воли». Вследствие этого свойства «русский язык обладает такими оттенками и особенностями, которые недоступны или мало доступны для передачи на другие европейские языки». И далее отсюда делается заключение о психическом складе характера русского народа, отражающемся в его языке: «Эти черты и особенности русского языка приобретают важность как признаки, как указания на обилие в русской натуре тех психических состояний, в которых накопляются, сохраняются живость, непосредственность и свежесть душевных чувств, ощущений, движений и проявлений. Подобные психические состояния играют капитальную роль в экономии душевной жизни и в развитии её, в смысле постоянного ресурса, запаса неиссякаемой душевной энергии. Язык у каждого народа и служит не только орудием для выражения этого запаса энергии, но и проводником для накопления её и средством для её сохранения. Русский язык, по означенным нами свойствам, является таким орудием, проводником и средством наиболее способным» [1].

Тот же автор признаёт русский язык как бы нарочно созданным органом поэзии.

«В самом деле, это — язык поэзии, par excellence поэзии, понимаемой в её первоначальном, суще-

---

[1] П. Хохряков, Язык и психология, стр. 54—55.

ственном значении, прежде всего как нечто непосредственно живое, подхватывающее и переносящее нас сразу же из обыдённой, прозаической сферы жизни в другую сферу высшего, более напряжённого нравственного существования, как нечто, обязательно и неотразимо действующее на нас своею прелестью, мелодией и гармонией, как нечто, дающее нам возможность осязательно сознавать красоту проявлений души и явлений внешней природы, а также и наше горе и страдание, в их внутренних, непосредственно возникающих и бьющих из глубины души, движениях и ощущениях и, наконец, томление и тоску неудовлетворённых потребностей и стремлений нашей нравственной натуры. Эта сторона поэзии сознаётся более или менее, без сомнения, всеми народами и выражается путём поэтических произведений, в форме и строе их языка, но ни у какого народа в такой степени, с такою обаятельностью формы выражения, как у русского, благодаря свойствам и особенностям его языка»[1].

Все эти характеристики — яркие исторические документы, основанные на живом и многообразном литературном опыте. Они наталкивают на следующие выводы:

1. Оригинальное своеобразие и выразительное богатство русского языка бросалось в глаза всем, кто самостоятельно и глубоко осознанно им пользовался.

2. Мысль о превосходстве русского языка перед языками западноевропейскими не только последовательно развивалась крупнейшими русскими писателями с XVIII в., но и разделялась передовыми представителями разных народов Западной Европы.

---

[1] П. Хохряков, Язык и психология, стр. 56.

3. Мощь и величие русского языка являются неоспоримым свидетельством великих жизненных сил русского народа, его оригинальной и высокой национальной культуры и его великой и славной исторической судьбы. Русский язык единодушно всеми признаётся великим языком великого народа.

4. Неисчерпаемые творческие ресурсы и жизненные силы русского языка, по мнению многих, ярче всего раскрываются в истории русского языка в связи с историей его носителя — русского народа.

II

Уже Ломоносов и Пушкин искали объяснения богатства и величия русского языка в истории русского народа, в условиях исторического развития его литературы и языка. Пушкин считал русскую языковую культуру близкой к «европейской системе», но готов был допустить для неё другую мысль, другую формулу, чем для европейского просвещения [1]. Отражая общие закономерности исторического процесса, русский язык в то же время складывается и развивается в особых условиях, по сравнению с многими западноевропейскими языками. Академик А. А. Шахматов заметил: «Русский литературный язык представляет явление глубокого культурно-исторического интереса. Едва ли какой другой язык в мире может быть сопоставлен с русским в том сложном историческом процессе, который он пережил» [2]. В самом процессе образования древнерусского письменного языка были заложены семена, обеспечившие быстрый и пышный расцвет русской язы-

---

[1] См. мою книгу «Язык Пушкина», стр. 14.

[2] Акад. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 1941, стр. 60.

ковой культуры. Правда, между Западной и Восточной Европой наблюдается параллелизм культурного и политического развития. «Как империя Карла Великого, — писал К. Маркс в «Секретной дипломатии XVIII в.», — предшествует образованию современных Франции, Германии и Италии, так империя Рюриковичей предшествует образованию Польши, Литвы, балтийских поселений, Турции и самого Московского государства». Но культура Киевской Руси, объединявшая различные течения азиатского Востока, Восточной и Западной Европы, была гораздо более сложна и многообразна. Это не могло не отразиться и на древнерусском языке. Язык Киева, этого «второго Константинополя», складывался и распространялся в сложной культурной обстановке — в тесном взаимодействии с языками не только соседних стран и народностей, но и в живом общении с наиболее богатыми, влиятельными и развитыми языками мира.

Академик А. А. Шахматов полагал, что «киевская интеллигенция X—XI вв. свободно владела старославянским языком или древнеболгарским языком в его литературной обработке»[1]. В среде русского духовенства, которое тогда претендовало на руководящую роль в области духовной культуры, было широко распространено и знание греческого языка. Вместе с тем письменная культура восточного славянства при зарождении своём оказывается органически связанной с народной речью. Восточно-славянская письменность является отростком общеславянского корня. Древняя Русь не знала употребления чужого языка в качестве письменного, как это было в

---

[1] Акад. А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, Петроград, 1916, стр. 81—82.

истории многих западноевропейских государств (например, германских). Древнерусский литературный язык складывался под живым воздействием языка старославянского, общелитературного языка славянства IX в. Как показали новейшие исследования (в частности, акад. В. М. Истрина, акад. С. П. Обнорского и проф. Л. П. Якубинского) [1], в образовании и истории русского письменного языка древнейшего периода громадную роль играли живые формы устной восточнославянской речи, её государственно-деловой и народно-поэтический стили. Ещё раньше те же мысли с большой смелостью развивал акад. В. И. Ламанский.

Относя зарождение русской письменности ко второй половине IX в., В. И. Ламанский находил, что язык и слог первых наших писателей XI в. говорят о широкой струе восточно-славянской народной речи в составе древнерусского письменного языка. «Простые писания на чисто русском языке новгородского архиепископа Луки Жидяты служат доказательством, что у нас в половине XI в. были люди, умевшие писать не только на языке славянском, по возможности обруселом, но и на чисто народном языке вполне хорошо и свободно». «Такая же выработка письменного, т. е. известное обрусение древнеславянского и

---

[1] Акад. В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола, Петроград, 1922, т. II, стр. 246 и след. Акад. С. П. Обнорский, Русская правда как памятник русского литературного языка («Известия Академии наук СССР. Отделение общественных наук», 1934, № 10). Его же, Слово о полку Игореве как памятник русского литературного языка («Русский язык в школе», 1939, № 4). Проф. Л. П. Якубинский, Очерки по истории древнерусского языка, 1945. См. также мои очерки «Основные этапы истории русского языка» («Русский язык в школе», 1940, № 3) и статью «Русский язык» (в «БСЭ», т. 49).

свободное и умелое овладение чисто русским, народным языком, несомненно указывает на целый ряд единичных опытов в старейших поколениях, т. е. не только отцов, но и дедов Упыря Лихого, переписчика Остромирова евангелия, Изборника Святославова (1073) и несколько более поздних Служебных миней новгородских и наших первых, до нас более или менее случайно дошедших писателей — Иакова, Нестора, Феодосия, Илариона, Луки Жидята. Эта опытность и известная лёгкость и самоуверенность в письме и языке заставляют нас возводить начатки русской письменности, как они дошли до нас от XI в., — не только к началу X в., а даже к исходу IX в.». По мнению В. И. Ламанского, Олег признавал славяно-русский, а не готский и не скандинавский язык, официальным языком своего княжества. Договоры Олега 907 и 911 гг., как и договоры Игоря (944—945 гг.) и Святослава с греками, имели два законных официальных текста: один греческий, а другой славянский, а не готский. «Договоры с греками с некоторыми лишь болгаризмами писаны чисто русским языком, и официальные переводы их с греческого были сделаны не болгарами, а русскими славянами, так как вполне ославянившихся варягов при Олеге, по крайности, допустить трудно»[1].

Академик В. М. Истрин указывал, что обработка словаря древнерусского языка «началась гораздо раньше появления письменности при устных переводах с греческого на русский и обратно, что было необходимо при постоянных сношениях рус-

---

[1] В. И. Ламанский, Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник, «Журн. Мин. нар. просвещ.», ч. CCCLI, 1904, январь, стр. 163—165.

ских с греками. Был даже как бы особый класс переводчиков — тиверцы»[1]. О высоком стиле восточно-славянской народной поэзии ретроспективно свидетельствуют такие мировые памятники словесно-художественного творчества древней Руси, как «Слово о полку Игореве». В языке «Русской правды» отчасти отражается до-письменная традиция деловой восточно-славянской речи.

Необыкновенно быстрый рост стилей древнерусского языка, высокий уровень, богатство и разнообразие речевой культуры Киевского государства обнаруживаются и в таких литературно-художественных достижениях XI—XII вв., как «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона, как замечательное по приёмам психологического изображения и по богатству красок «Сказание о князьях Борисе и Глебе», как «Поучение» Владимира Мономаха, как, наконец, летописные композиции XI—XII вв. По силе слова и яркости своей ораторский стиль Илариона не уступает лучшим образцам византийского церковного красноречия. «Слово о полку Игореве» по художественным качествам своего стиля, по богатству, разнообразию и остроте своих изобразительных средств едва ли не превосходит лучшие создания мирового героического эпоса. Во всяком случае ни одна из европейских литератур не может представить равноценного художественного сокровища из продукции той эпохи.

Старославянский литературный язык лишь обогащает и удобряет глубоко возделанную почву самобытной восточно-славянской речевой культуры. Но эта самобытность освоения старославянского

---

[1] Акад. В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола, т. II, стр. 246.

языка, эти быстро обозначившиеся методы его творческого сочетания с восточно-славянскими речевыми стилями дохристианской старины, сложившиеся на этой почве стилистическое разнообразие и словарное богатство древнерусского языка, свидетельствуя о высоте культуры Киевской Руси, нисколько не умаляют великого организующего значения старославянского языка в истории русского языка, его цивилизующей всеславянской миссии. Старославянский язык, древнейший литературный язык славянства, впитавший в себя культурные сокровища греко-византийского и отчасти латинского языков, — двух основных международных языков европейского средневековья, был не только символом самостоятельного выступления славянства на широкую арену мировой культуры, но и ярким выражением родства славянских народов, общности их интересов. Во второй половине IX в. общеславянский письменный язык рельефнее всего выражал единство славянской культуры и её будущее величие и историческое значение.

Многие учёные, особенно западноевропейские, пытались найти аналогию в судьбах старославянского и готского языков. Оба языка сложились в атмосфере византийской культуры и тяготели к восточно-христианской образованности. Но внешние черты сходства не затемняют существеннейших различий между этими языками.

Уже Ф. И. Буслаев в своём исследовании «О влиянии христианства на славянский язык» (1848) указывал на разницу культурно-идеологических основ, отражающихся в семантическом строе старославянского и готского языков. Старославянский язык евангелия, по Буслаеву, отличается большей глубиной выражения христианских понятий, чем готский. Готский перевод

библии, напротив того, «сохраняет все предания язычества для выражения христианских идей» [1]. В обоих языках были заложены жизненные силы разной степени и разной культурно-исторической ценности: готский письменный язык, зародившийся в IV в., едва успел обнять южные ветви германства, старославянский язык, сложившийся гораздо позднее, в IX в., получил общеславянское, а затем мировое значение.

«Период развития, или, лучше, прозябания готского языка в тесных рамках церковной письменности, без осязательных следов внутреннего движения и роста, длился не долее пяти-шести веков» [2], оставив после себя два-три кодекса. Между тем старославянский язык, дав жизнь и опору литературным языкам сербов, болгар и восточнославянских народов, пройдя через ряд жизненных метаморфоз, сыграл громадную культурную роль не только в истории славянства, но и в истории всего человечества. Его всемирно-историческую роль следует сравнивать не с ролью готского языка в судьбах германизма, а скорее с ролью средневековой латыни в истории романских народов и языков и вообще в мировой цивилизации.

Опираясь на фонетико-морфологическую базу древнеболгарского языка, отражая приёмы выражения, выработанные греко-византийской литературой, старославянский язык включал в свой словесный фонд и западно-славянские и юго-славянские элементы.

Знаменитый русский славист В. И. Григоро-

---

[1] Ф. Буслаев, О влиянии христианства на славянский язык, Москва, 1848, стр. 210.

[2] А. С. Будилович, Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, т. II, стр. 26—27.

вич в своём «Обзоре славянских литератур» писал: «...Точно ли называть славянскую письменность древнеболгарскою? Не совсем. Правильнее назвать её вообще славянскою, ибо при создании её, правда, на болгарской почве, участвовали все славянские братья, ученики... Кирилла и Мефодия. Болгария была только приютом славянского просвещения, как после сделалась этим приютом Сербия и потом Россия»[1].

Старославянский язык был международным языком славянской письменности. Включая в себя морфологические и лексические элементы разных славянских языков, старославянский язык отличался богатством синонимических средств выражения и тонко развитой семантической системой. Акад. Б. М. Ляпунов анализом значений слова бѣдьный и других, производных от корня бѣд — в старославянском языке показал, что в смысловой структуре одного и того же старославянского слова сочетались и объединялись значения и оттенки, присущие этому слову в разных западно- и южно-славянских языках [2].

Являясь литературным языком разных славянских народов, старославянский язык представлял разные варианты в зависимости от различий в языке пользовавшихся им славянских государств. Различиями в языке народов, среди которых распространился в IX в. старославянский язык как язык литературный, было вызвано существование двух главных вариантов этого языка: чешско-моравского и болгарского. В X—XI вв. возникает и начинает пышно и своеобразно

[1] «Филологические записки», 1879, вып. III, стр. 37.

[2] Ср. также статью M. Weingart «O slovniku jazyka staroslovenského в Symbolae grammaticae in honorem Joannis Rozwadowski. Vol. II, Cracoviae, 1928.

развиваться третий вариант этого литературного старославянского языка — восточно-славянский, русский.

Приобщение восточного славянства к культуре общеславянского письменного языка не только поднимало древнюю Русь на новую, высшую ступень политической жизни, но и углубляло культурные связи восточных славян с другими славянскими государствами. Вместе с тем оно обеспечило русскому литературному языку прочный народный фундамент. Оно вводило в русский государственный язык общие нормы выражения. Влияние старославянского языка ускорило и облегчило процесс образования древнерусского государственного языка. Если возможны колебания в вопросе о языке договоров Руси с греками (был ли письменным дипломатическим языком Русского государства X в. язык русский или же приходилось прибегать к посредству старославянского языка, имевшего юго-славянскую, македоно-болгарскую; основу), то нельзя сомневаться в чисто русском народном фундаменте языка «Русской правды» и государственно-деловых актов с XI—XII вв.

Вместе с тем единство грамматической и лексико-семантической системы старославянского языка, как образец и модель, не могло не повлиять на методы формирования общерусского письменного делового и литературно-художественного языка. Старославянское влияние сразу же придало русскому литературному языку разнообразие и широту стилистических вариаций. Оно неизмеримо увеличило богатство его выразительных средств. Словарное обилие древнерусского языка уже в XI в. было таково, что, например, по подсчету академика В. М. Истрина, русский перевод хроники Георгия Амартола по объёму

словаря почти соответствует своему греческому оригиналу. В последнем всех слов 8500, а в переводе 6800[1]. Это непосредственная преемственность культурного общеславянского наследия, эта тесная связь древнерусского литературного языка с языком старославянским, который никогда не был чужд русскому народу, как была чужда, например, германцам латынь, ставили историческое развитие русского литературного языка в иные, более выгодные, условия сравнительно с западноевропейскими языками. Как известно, литературным языком, языком науки, школы, религиозного культа, государственного делопроизводства и внешних политических сношений в странах средневековой Европы был язык латинский, совершенно чуждый, повторяем, германским народностям.

«Латинский язык выполняет в средневековой Европе важнейшие общественно-политические и культурные функции будущих национальных языков буржуазного общества» [2]. Со старославянским языком в древней Руси дело обстояло иначе. Академик А. А. Шахматов, ссылаясь на русские памятники XI в. (т. е. первого столетия по официальном принятии Русью христианства и вместе с ним старославянской письменности), приходил к выводу, что русские люди «обращались уже тогда с церковно-славянским языком, как со своим достоянием»[3].

В этом своеобразии культурно-языкового развития восточного славянства заключается одно

---

[1] Акад. В. М. Истрин, Хроника Георгия Амартола, т. II, стр. 227.

[2] Проф. В. М. Жирмунский, История немецкого языка, 1939, стр. 10.

[3] Акад. А. А. Шахматов, Очерк современного русского литературного языка, 1941, стр. 61.

из основных отличий истории греко-славянского мира от истории мира романо-германского.

С ранних времён принятия христианства и письменности у славянских народов, особенно тех, которые оказались в сфере влияния греко-византийской культуры, литературным, государственным и дипломатическим языком был язык славянский, т. е. близкий к народному (так же у других племён, находившихся в кругу того же византийского влияния, у армян — армянский, у грузин — грузинский). Между тем на Западе, не только в первые века (и вплоть до XIII—XIV вв.), но и долго после, семья романских и германских племён имела один общий церковный, культурный и дипломатический, хотя и мёртвый, язык, язык латинский.

Это важное обстоятельство много содействовало успехам наук и более быстрому и общему развитию образованности высших классов всей романо-германской Европы. Но оно не осталось без глубоких и вредных последствий, отразившись на культурном уровне народных масс. Этот разрыв между литературным и народным языками сильно препятствовал широкому, свободному распространению и укоренению начал христианской культуры и даже простому развитию грамотности [1].

Сравнительные параллели с историей немецкого языка особенно подчёркивают глубокое своеобразие русской языковой культуры.

В то время как у русских родная речь получила права литературного гражданства почти одновременно с возникновением письменности, у немцев народный язык скупо и медленно пробивается в литературу. «Развитие письменного древне-

---

[1] В. И. Ламанский, Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе, СПБ, 1871, стр 47—48.

верхнегерманского языка совершается под влиянием церковной латыни. Изучение латыни в монастырских школах сопровождалось усвоением более отвлечённых и сложных форм богословско-философского мышления. На древненемецких переводах латинской клерикальной прозы мы наблюдаем процесс развития примитивного языка, приспособляющегося для выражения более сложных понятий и отношений между понятиями»[1]. Только в XII в. в Германии впервые возникает светская литература на народном языке, зафиксированная в письменной форме[2]. Но и позднее, в период формирования национального немецкого языка, латинский язык медленно, с большим трудом сдаёт свои литературные позиции. «В 1570 году из общего числа напечатанных в Германии книг 70% принадлежали книгам, напечатанным по-латыни, только в 1681 г. впервые число немецких книг превысило число латинских; ещё в 1730 г. 30% падает на долю латинских книг, и только в конце XVIII в. латынь вымирает почти окончательно»[3].

Напротив, древнейшие памятники русского языка — государственно-делового — «Русская правда» и поэтического — «Слово о полку Игореве» — говорят о широте, глубине и силе проникновения народной восточно-славянской стихии в древнерусский литературный язык[4].

---

[1] В. М. Жирмунский, История немецкого языка, стр. 13.

[2] Там же, стр. 17.

[3] Акад. А. А. Шахматов, Курс истории русского языка, изд. 2-е, СПБ, 1910—1911, ч. 1—2, стр. 201.

[4] См. анализ теорий по вопросу о происхождении русского литературного языка в статье проф. С. И. Бернштейна «А. А. Шахматов как исследователь русского

Старославянский язык обогатил русскую книжную речь сложными конструкциями, быстро подвинув развитие синтаксического строя русского литературного языка. Ни одно из живых славянских наречий не могло ещё тогда иметь той синтаксической гибкости, той способности к самым тонким и разнообразным видам сложных предложений, того богатства оборотов и установленности терминологической, какие отражаются в языке старославянских текстов. Эти высокие достоинства языка и стиля указывают на высоту культурного развития общества, в среде которого выработался столь совершенный литературный орган.

Будучи языком религии, философии и науки, старославянский язык влил в русский язык мощную струю отвлечённой лексики и фразеологии. Он внедрил в русскую грамматическую систему разнообразные приёмы образования слов. Например, такие общие понятия, как *животное*, *растение*, *существо*, *существовать*, *существование*, *сущность*, *бытие*, *сознание*, *действие*, *содействие*, *понятие*, *воображение*, *представление*, *ощущение*, *восприятие*, *разум*, *рассуждение*, *время*, *пространство*, *зрение*, *осязание*, *обоняние*, *наблюдение*, *явление*, такие общественно-политические и экономические термины, как *государство*, *государственное единство*, *общество*, *страна*, *имущество* (ср. *преимущество*), *производство*, *производитель*, *потребитель*, *потребление*, *союз*, *брак*

литературного языка» в предисловии к «Очерку современного русского литературного языка» А. А. Шахматова, 1941, стр. 23—34.

(русская *свадьба*), такие термины естественных наук, как *тяготение притяжение*, *преломление*, *равновесие*, *равноденствие*, *млекопитающее*, почти вся грамматическая номенклатура: *имя существительное*, *прилагательное*, *глагол*, *предложение* и т. п. или унаследованы от старославянского языка, или созданы самостоятельно, но на его основе и с помощью нового синтеза и нового осмысления старославянских элементов. Густой слой этих элементов сохранился и в современном русском языке. Таким образом, синтез общеславянской или старославянской и восточно-славянской стихий создал мощную базу для широкого и свободного развития русского литературного языка.

В русском литературном языке под влиянием старославянской письменной культуры стали осознаваться и вырабатываться нормы орфографии, грамматической системы, словаря и фразеологии.

Дело в том, что в старославянском языке уже установилась известная норма, которой стремились следовать писатели, переводчики и писцы, писавшие на этом языке, и которую нельзя отождествлять с их индивидуальным языком или живым говором. Осознание общей нормы выражения — важнейший момент в истории формирования литературного языка. Это — залог его быстрого и разностороннего развития.

В русском литературном языке сразу же возникло несколько стилистических потоков, несколько стилистических систем, различия между которыми определялись степенью участия славянизмов и характером их сочетания с народными руссизмами. Ещё в XVIII в. Ломоносов разли-

чает три стиля русского литературного языка на основе принципов отбора и употребления славянизмов, а также смешения и объединения их с народными русскими словами и выражениями. И до сих пор стилистическое разнообразие русского языка, его богатая синонимика отчасти опираются на соотношение руссизмов и славянизмов.

Кроме того, старославянский фонд в составе русского литературного языка содействовал его единству, предохраняя от расчленения на феодально-областные письменные диалекты. «Литературные памятники, будучи южнорусскими, в большинстве случаев киевскими, по происхождению, в своей начальной жизни являлись памятниками «общерусскими» и тотчас же по своём возникновении расходились по всей тогдашней русской земле. Язык, на котором они были написаны, был общим литературным языком, который, если и получил своё начало в Киевской Руси, однако, был одинаково в употреблении у всех тогдашних книжников севера и юга и у всех высших слоёв, вроде княжеской дружины как у князей юга, так и северо-востока, а также и запада, как Новгород, Смоленск и др. Духовенство, говорившее и писавшее на этом языке, при своём распространении с юга на север, вместе с церковно-богослужебными книгами распространяло среди новых книжников и грамотеев и самый литературный язык, который становился, таким образом, общим литературным языком всей тогдашней образованной Руси» [1].

Таким образом, уже в XI—XIII вв. вполне определились основные, опорные элементы истории русского литературного языка как орудия и фор-

---

[1] Акад. В. М. Истрин, Очерк истории древнерусской литературы, Петроград, 1922, стр. 35.

мы художественного творчества и государственного единения: старославянское или древнее общеславянское литературно-языковое наследие, прочная база народной русской речи и народной поэзии и привходящие фонды разнообразных иноязычных культурных достижений, свободно воспринимаемых и усваиваемых преимущественно с запада и востока, а нередко и с севера (например, от скандинавов и финнов), и с юга (например, от разных яфетических языков Кавказа).

Отсюда можно видеть, насколько одностороння и ошибочна формула развития русского языка и русской культуры, укоренившаяся у нас под влиянием либеральных западников 40—60-х годов. По мнению, например, А. Н. Пыпина, в России будто бы «только в первой половине XVIII в. был поднят основной вопрос литературы, вопрос об ее орудии, который в западных литературах был решен гораздо раньше: у итальянцев в XIV в. с Данте, Петраркой и Боккачио; у англичан в XVI в. с Шекспиром; у немцев тогда же с Лютером; у французов в XV—XVI вв. с литературой Возрождения»[1].

Не надо забывать и о другом преимуществе, которым русская языковая культура также в значительной степени обязана языку старославянскому; при его посредстве древнерусский язык уже на заре своей исторической жизни впитал в себя многообразные элементы античности, образовавшие потом основной фонд интернациональных понятий, составившие главную базу междуна-

---

[1] А. Н. Пыпин, История русской этнографии, СПБ, 1890, т. I, стр. 172.

родной научной и общественно-политической терминологии [1].

Старославянский язык, например, принёс нам такие слова, как названия месяцев — январь февраль и т. п., дней недели (ср. суббота), религиозные термины: ад, ангел, престол, геенна, демон, евангелие, ересь, еретик, идол, икона, ипостась, магия, монастырь, монах и др.; обозначения разных явлений античной культуры и быта: олимпиада, аромат, варвар, диск, елей, хламида, хитон, хор и т. п.; общие культурные термины: грамота, ехидна, игемон, известь, кедр, кит, крокодил, лавр, легион, мастика, миндаль, пирамида, стадия, тетрадь, хартия; научные понятия в области филологии, философии и естествознания [2].

Старославянский язык был более чистым и свободным проводником античных понятий, чем средневековая латынь.

Как язык науки, права и официальных сношений, как язык нейтральный, устранявший поводы к племенному соперничеству и способствовавший единству европейской цивилизации, латынь, несомненно, сыграла огромную роль в истории западноевропейской культуры. Но невозможно отрицать и того, что в качестве могучего орудия мысли и духа она содействовала распространению и укреплению германо-романских влияний. Латынь обогатила европейскую культуру отражением античности, её стиля, духа и мировоззрения, однако, в романо-германской переработке. Поэтому для славянских народов принятие латинского языка как языка культа, политики и культуры всегда было симптомом отрыва от на-

---

[1] Т. Райнов, Наука в России XI—XVII вв., М.—Л., 1940, стр. 6—7.

[2] См. М. Р. Фасмер, Греко-славянские этюды, I—III.

родных основ и подчинения романо-германской цивилизации. Так, по признанию чешских историков, в Чехии «латинское образование вредило народности, отвлекая много сил от её развития... Употребление чужого языка в церкви, в отношениях юридических, в исторической книге (как это было у чехов) ставило народность на задний план, как ставили её потом немецкие обычаи и немецкий язык. Литературные отношения чешского языка с латынью и элементом немецким были только отражением целого исторического факта — отношений славянства к стоявшему в упор подле германо-романству. Была здесь выгода — в усвоении европейской образованности, была невыгода— в подчинении, которому подвергалась славянская народность и борьба против которого составила всю историю чешской национальности»[1].

Иную картину представляет духовная культура Руси, воспринявшая античность через посредство старославянского языка.

Т. Райнов в своём исследовании «Наука в России XI—XVII вв.» писал: «Не было времени, когда бы русская научная мысль в прошлом изолировалась от работы всего человечества. В отдалённые века первых проявлений научной русской письменности к нам довольно широкой волной прилили элементы античного естествознания. Правда, эти элементы оказались заключёнными в оболочку церковной догмы, которая позаботилась об их приспособлении к своим целям и нуждам, но всё-таки при этом не целиком вытравила из них драгоценное содержание работы научной мысли античности. С этими окристаллизованными остатками античной науки, с не менее важными

---

[1] А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович, История славянских литератур, СПБ, 1881, т. II, стр. 817.

остатками научной техники... мы получили то наследие античности, которое оплодотворило и умственную работу европейских и многих азиатских народов. Это наследие, бывшее в свою очередь конденсатом и дальнейшим развитием многотысячелетнего опыта человечества в странах Востока и в области Средиземного моря, приобщило нас ещё в отдалённые века к основному течению общечеловеческой культуры. И в последующие века научная мысль на Руси вовсе не замыкалась в рамки национальной ограниченности. Напротив, и в течение XIV—XVII столетий она приобщалась к разным типам и элементам развития западноевропейской, а через неё и общечеловеческой культуры, исходя при этом из своих внутренних потребностей и разрешая свои органически выраставшие задачи. Русская наука шла в этом отношении путём всех великих народов. Ни один из них не мог ограничиться в науке рамками своего узкого национального существования и опыта. Свободный ветер мировой истории веял повсюду, где мысль шла вперёд, увеличивая объём познаний человечества и степень его господства над природой. Порывы этого ветра колебали и встряхивали и умы наших предков... Изучение истории научной мысли на территории России приводит к признанию творческого участия русского народа в развитии мировой науки с самых давних времён. Русский народ не воспринимал и не усваивал уроков общечеловеческого опыта механически. Веяния научной мысли Запада и Востока перелагались на язык русского опыта и возможностей, облекаясь прежде всего в кровь и плоть русского литературного языка, сперва сильно проникнутого элементами древнего церковно-славянского, но всё более «русевшего» с веками. Они укладывались затем в рамки сложившихся на русской почве

понятий, деформируя последние, но и сами деформируясь под их влиянием...» В то же время, — и это также отразилось на развитии русского языка, — русский народ «делал гигантскую, отмеченную печатью массового народного гения работу по практическому овладению природой на огромной европейской и азиатской территории. Без такого овладения ею нельзя было обжить эти территории на суше, в степях, льдах и тундрах, на реках, морях и океанах, освоить их хозяйственно, организовать их политически...» [1]

Вопрос о роли греко-византийской культуры в истории русской образованности и в истории русского литературного языка имеет и ещё одну сторону. Можно думать, что многие элементы этой культуры проникали в Западную Европу через славян и, в частности, через русских. На это указывал академик В. И. Ламанский ещё на заре своей научно-литературной деятельности: «Есть возможность не только предполагать, но и доказать, что стихия византийская проникала в Западную Европу отчасти через славян» [2].

Будучи проводником идей христианской культуры и интернациональной науки, старославянский язык в то же время был символом и фактором культурного единства всех восточно-славянских государств, возникавших на территории Восточной Европы.

Ещё в середине прошлого столетия В. И. Григорович заметил: «В истории нашего просвещения не столько важен вопрос о влиянии церковно-славянского языка на русский, сколько обратно:

---

[1] Т. Райнов, Наука в России XI—XVII вв., Изд. Академии наук СССР, 1940, стр. 6—8.

[2] В. И. Ламанский, О славянах в Малой Азии, в Африке и в Испании, СПБ, 1859. Исторические замечания к сочинению, стр. 29.

о влиянии русского на церковно-славянский. Это именно характеризует значение его в просвещении нашем. Внесённый вместе с «священными книгами», он применялся к народному выговору, упрощивал свой состав, но, не принимая в себя ничего, что рознит русские наречия, усвоил то, что их соединяет... В этом состоит его значение в целом периоде образования нашего до Петра Великого. Он был связью племён, наречий, был символом единства России»[1].

Наконец благодаря старославянскому языку установилась особенно тесная и близкая связь между русским литературным языком и литературными языками других славянских народов. Эта связь в XIV—XV вв. выразилась в том широком культурно-историческом течении, которое известно в истории русской литературы и русского языка под именем «второго югославянского влияния». Это югославянское влияние сыграло большую роль в развитии русского литературного языка после потрясений от татарского ига.

В новых центрах северо-восточной Руси на великорусской этнографической основе складывалась новая система общерусского литературного языка. Она сохранила культурное преемство с литературным языком Киевской Руси и восприняла его достижения. Однако в организации этой новой системы общерусского литературного языка Московского государства ещё значительнее и активнее была роль народных среднерусских и северорусских элементов, а также «второго югославянского влияния». Писательские силы, прилившие сюда в конце XIV и в начале XV в. из Сербии и Болгарии, принимали живое участие в

[1] В. Григорович, Статьи, касающиеся древнего славянского языка, 1852, стр. 14—15.

выработке орфографических, лексико-фразеологических и стилистических норм русского литературного языка XV—XVI вв.

«Вообще русская школа церковно-славянского языка, русские изводы церковно-славянской письменности характеризуются неутомимым собиранием и разумной переработкой всего ценного и пригодного в прочих родственных изводах. Доказательством служат многочисленные русские списки всех почти важнейших произведений церковно-славянской письменности — болгарской, сербской, даже чешской редакций, а равно обилие инославянских рукописей и старопечатных книг в наших древнехранилищах»[1].

Русская языковая культура благодаря органической связи со старославянским языком впитала в себя все ценные приобретения славянской жизни и мысли. Вместе с тем церковно-славянский язык, теснее всего сжившийся с русским литературным языком, даже ещё до XVIII в. был главным культурным очагом и орудием славянской письменности. Славяно-русская письменность привлекала «всех согласующихся языку словенскому... людей» (Предисловие к Острожской библии 1581 г. и к Московской 1613 г.), в частности же, «болгар и сербов, мылтян (молдаван) и волохов» и «прочих народов пресладчайшего языка словенска», «его же широкость земли широкости равна»[2].

«Русин, либо сербин, либо болгарин, — говорится в одном полемическом сочинении начала

---

[1] А. С. Будилович, Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, т. II, стр. 152.

[2] Проф. И. Первольф, Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II, стр. 578.

XVII в.,—в разуме языка словенского ведает и разумеет, чем спастися может»[1].

Таким образом, славянский язык до XVIII в. считался органом образованности, духовной культуры всего восточного и южного славянства, подобно латинскому языку в странах Западной Европы.

III

По своему значению в истории новых славянских языков и литератур русский литературный язык с XVII—XVIII вв. становится наследником и преемником старославянского языка. К русскому литературному языку с его стремительным и пышным развитием обращаются мысли и надежды всех передовых общественных и литературных деятелей славянского мира. Русский литературный язык становится источником освежающих веяний для разных славянских языков в эпоху их национального самоопределения и возрождения.

Близкая связь русского языка нового времени с югославянскими языками выразилась в том сильном влиянии, которое оказал русский литературный язык на развитие национальных языков в Сербии и Болгарии[2].

Проф. П. А. Кулаковский в своём исследовании «Начало русской школы у сербов в XVIII в.» (очерк из истории русского влияния на югосла-

---

[1] П. И. Житецкий, Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII в., Киев, 1889, стр. 4.

[2] См. Iов. Скерлић, Српска књижевност у XVIII веку, Београд, 1909. Его же, Историjа нове српске књижевности. Београд, 1914. Т. Остоjић, Српска књижевност од велике — Сеобе до Доситиjа Обрадовића. Ср. Карловци. 1905. Т. Остоjић и В. Джорович. Српска грађанска лирика XVIII века. Београд, 1921 и др. под.

вянские литературы) так писал о сербской речевой культуре XVII—XVIII вв.: «В общем сознании сербов готово было укрепиться убеждение, что язык русской письменности XVII и даже XVIII в. есть именно тот литературный язык, которым должна пользоваться сербская письменность. Сомнения в этом почти не допускались» [1].

С упадком книжности в период турецкого ига к сербам шли книги из России. Теперь первые учители новых сербских школ были вызваны из Киева. Сербские книги XVII и XVIII вв., преимущественно церковного содержания, были отчасти просто перепечаткой славяно-русских книг или же были писаны славяно-сербским языком, вроде того славяно-русского, каким ещё писали у нас до Ломоносова. Сербским литературным деятелям того времени казалось, что их «славяно-сербский» язык и должен быть настоящим языком сербской книги. Это было ещё прямое продолжение средневекового литературного стиля.

Правда, слагавшийся в это время своеобразный славяно-сербо-русский язык, державшийся в науке и школах более ста лет, не имел прочной будущности вследствие своего смешанного состава, не претворённого в органическое целое крупным реформатором-поэтом [2].

Однако если просмотреть заглавия сербских книг от 1730 по 1830 г. у Шафарика (Geschichte der Südslavischen Literaturen, 1865, III, 362—476), то можно убедиться, что из 700—800 сочинений, вышедших до 1830 г., не наберётся и сотни написанных на народном сербском языке. Все

---

[1] «Известия отдел. русского языка и словесности Академии наук», 1903, т. XIII, кн. 2, стр. 247.

[2] Ср. Н о в а к о в и ћ, Историја српске књижевности, Београд, 1871, стр. 127 и след.

остальные книги составлены на славяно-русско-сербском языке.

Позднее, в конце XVIII и особенно в начале XIX столетий, русско-славянская струя в составе сербского литературного языка была оттеснена народной сербской. Но это обстоятельство нисколько не умаляет великой организующей роли русского языка и в последующей истории сербской культуры. «Если бы появился, — писал проф. П. Кулаковский в другом своём исследовании «Вук Караджич», — в сербской литературе законодатель языка, подобный Ломоносову и Карамзину в русской, нет сомнения, выработался бы определённый сербский книжный язык на той же основе, на которой развился русский, сербская литература не так бы разошлась с русскою, как это произошло после торжества реформы Караджича»[1].

Вук Караджич и Досифей Обрадович сблизили сербский литературный язык с языком народа, народной сербской поэзии. Но значение русского языка для сербской литературы и в XIX в. расценивалось очень высоко. Сербский писатель начала XIX в. Павел Соларич, сопоставляя свой родной язык с русским, заметил: «Всякому свой язык, будь он мягкий или грубый, кажется самым удобным и самым лучшим, — это естественно; но, говоря беспристрастно, как между коренными языками, так и между наречиями одного коренного языка, одно должно одержать победу над всеми другими. Между наречиями языка славянского российское в письменности самое совершенное, а сербское — самое мягкое»[2].

---

[1] Платон Кулаковский, Вук Караджич, его деятельность и значение в сербской литературе, М., 1882, стр. 136.

[2] Там же, стр. 189.

Если в XVIII в. влияние русского языка на сербский отражалось, главным образом, в области церковной и деловой письменности, то в XIX в. в Сербии начинает шириться воздействие стилей русской художественной литературы. В 20—40-е годы этот процесс ещё только развивается. В частности, имя Пушкина становится известным в Сербии в 1826 г.; первый перевод из Пушкина («Полтава» в прозе) относится к 1831 г. Переводы из Гоголя появляются в 1852 г. С 60-х годов XIX в. русское влияние на сербскую литературу и сербский литературный язык делается шире и разнообразнее. Тургенев, а затем Л. Толстой завоёвывают себе внимание всей сербской печати. Достоевский известен в переводах на сербский язык с конца 70-х годов. Но особенно интенсивной работа по переводу русских писателей на сербский язык стала после революции [1]. Всё это является ярким симптомом мощного культурного влияния русского языка на развитие сербской литературной речи.

В истории того национально-патриотического движения первой половины XIX в., которое охватило хорватов и известно под именем иллиризма, влияние русской литературы и русского языка также играло большую роль. Это обстоятельство дало повод немцам и мадьярам видеть в народном движении хорватов проявление панславизма, возбуждённого Россией, и объявлять всякую попытку славян создать свою литературу или выработать

---

[1] См. Slavia, 1930, ročn. IX, seš I, стр. 211. Резюме доклада проф. А. Л. Погодина об итогах его библиографической работы по изучению сербской Rossica за период с 1800 по 1925 г. Ср. Г. Т. Чуич, Русская литература на сербском языке. Опыт библиографии русской литературы за период с 1860 по 1910 год. «Труды Воронежского госуд. университета», III, Воронеж, 1926.

свой литературный язык делом «русских агитаторов». Взгляды славянских патриотов на русский язык, как на образцовый и сохранивший все основные черты и характер общего славянского, и на русскую литературу, как на общее достояние всех славян, к тому времени были твёрдо установлены у всех славянских народов. Известно, что некоторые вожди чешского возрождения (например, Юнгман) говорили о возможной общеславянской роли русского языка. Известна также попытка заимствований русских слов для пополнения недостающего в чешском языке периода новой литературы. Из Праги эти идеи и веяния двигались и к южным славянам. Почва для них была уже подготовлена. «Славяно-сербская литературная школа старается сблизить язык сербской письменности с русским через посредство церковно-славянского языка. Правда, при затруднительности тогдашних сношений русская книга была у славян сравнительно большой редкостью и добывалась с трудом... Несмотря на это, знание кириллицы и вместе с тем знакомство с русскою литературою и деятельностью русских учёных и писателей распространялись в славянских странах. Вместе с тем возрастали надежды на возможность опереть развитие начинающих возрождаться славянских литератур и их языка на русскую литературу и язык...»

Влияние русского языка на «иллиристов» было и непосредственным и шло через сербский язык. «Гай, Бабукич и другие первые иллиры, при самом начале своей деятельности, знакомились с кириллицею и сербскими народными песнями в издании Вука Караджича, — отсюда они черпали первое вдохновение, первую мысль о практических приёмах для создания иллирской литературы и возрождения хорватов. На преобразование хорватской письменности, упрощение правописания

и самую переделку языка литературы и на народный характер всего иллирского движения оказало своё большое влияние новое направление в сербской словесности. Иллиризм стал народным движением и выдвинул действительные интересы народные, понимаемые... в смысле прав и нужд народной массы и вообще югославянской народности в широком объёме»[1].

«Первые иллирские деятели полагали, что принятием сербской штокавщины в качестве общелитературного языка для всех юго-западных славян они содействуют осуществлению более высокой задачи — всеславянского литературного объединения. В первых своих статьях о реформе правописания Гай говорит об «общем славянском море, в которое должны плыть все наречия славян»[2]. Проф. Маретич насчитывал в составе хорватского языка 137 несомненно заимствованных из русского языка слов.

Действие иллиризма отразилось далеко за пределами Хорватии, на сербах и словенцах, язык и литература которых под влиянием того же иллиризма приняли в течение нескольких десятилетий совсем иной вид[3]. Впрочем, у словенцев и раньше давали себя знать живой интерес к русскому языку и стремление к углублению народных начал в литературе и письменном языке.

Характерны рассуждения о русском языке начинателя нового периода словенской литературы словенца Вал. Водника в первой словенской

---

[1] Проф. П. Кулаковский, Иллиризм, Варшава, 1894, стр. 402—403.

[2] Там же, стр. 410.

[3] См. рецензию акад. И. В. Ягича на «Иллиризм» П. А. Кулаковского в «Отчёте о присуждении премий проф. Котляревского в 1895 г.», СПБ, 1896, стр. 2 и 9.

газете «Lublanske Novize» («Люблянске новице», т. е. «Люблянские известия») за 1799 г., № 26, от 29 июля:

«Теперь мы видим своими глазами, каких могучих и великих братьев имеем на свете. Они сохранили в совершенной чистоте наш славянский язык. К ним должны мы приближаться, если хотим очистить свой язык. И у них мы должны учиться, как надо защищать родину от врага»[1].

В другом месте Водник объяснял читателям, что краинцы — одна ветвь великого славянского народа, который простирается от Адриатического до Ледовитого моря, от Чехии до Камчатки, что для познания значения различных местных имён в Крайне нужно знать москвитарский язык.

«Краинский язык наиболее подобен москвитарскому (т. е. языку Московского государства), более, чем всем другим славянским языкам. Москвитари, т. е. русские, много слов сохранили, которые нами позабыты или вышли у нас из употребления»[2].

Болгары позднее других славянских народов вступили в фазу национального самоопределения. В Болгарии после утраты ею политической самостоятельности были подавлены все стороны народной жизни. Народ был простой рабочей силой, у него не было школы, почти не было даже письменности. Во второй половине XVIII в. рост национального сознания у болгар

---

[1] Проф. П. Кулаковский, Иллиризм, 1895. Примечания и дополнения, 081—082. Ср. Г. Воскресенский, Валентин Водник, Сборник статей по славяноведению, составленный и изданный учениками В. И. Ламанского, СПБ, 1883, стр. 151.

[2] В. И. Ламанский, Три мира азийско-европейского материка, Петроград, 1916, стр. 108.

выражается лишь в интересе к истории своего народа, в составлении учебников для широких масс. Но господствующим явлением оставалось полное подчинение болгарской буржуазии греческому языку и культуре. Высокий подъём национального самосознания у болгар начинается лишь с начала XIX в.

Проф. П. А. Заболотский так писал о новоболгарском литературном возрождении:

«Много веков тяготел мрак культурной отсталости и сурового турецкого произвола над страной, подарившей в древности славянству и человечеству старославянскую письменность, литературу и зарекомендовавшей себя с выгодной стороны в культурном отношении на заре своего исторического существования. Выступившая в старину раньше всех других славян на путь народного просвещения, Болгария вынуждена была в новое время в силу тяжёлых исторических условий позже всех других славянских стран начать своё культурно-национальное возрождение. Лишённая своей родовой аристократии, бесправная и экономически разорённая, эксплоатируемая и турецкими чиновниками, и фанариотским духовенством, несчастная страна даровитого болгарского народа обречена была на жалкое прозябание, пока в её, борющийся между жизнью и смертью, новый ещё организм не влилась живительная струя, возродившая его к новой жизни. Этой живительной струёй было воздействие на Болгарию со стороны национально окрепнувших и шедших по пути культурного прогресса её славянских сестёр, особенно России и Сербии»[1].

---

[1] Из первых лет новоболгарского литературного возрождения. Iagič-Festschrift. Zbornik u Slavu Vatroslava Iagiča, 1908, стр. 189.

Влияние русского языка на болгарский язык и болгарскую литературу стало особенно усиливаться с 30-х годов XIX в. С этого времени становятся теснее культурные сношения между Болгарией и Россией.

Акад. Н. С. Державин пишет о культурных связях болгарского и русского народов с конца XVIII в.: «На русском культурном наследии в Болгарии вырастает, начиная с конца XVIII в., и широкое литературное движение эпохи Возрождения. Это движение нашло своё отражение в литературных трудах автора знаменитой в истории культуры болгарского народа «Истории славено-болгарской» (1762) Паисия Хилендарского и в многочисленных трудах его современника Софрония Врачанского (умер, предположительно, в 1813 г.). Оба названных писателя пользуются славено-российско-болгарским языком, который, в основном, господствует в болгарской литературе вплоть до второй половины XIX в. В это время благодаря горячим заботам лучших представителей болгарской общественности, науки, педагогики и литературы—Неофита Рильского, Богорова, Константина Фотинова, Априлова и других—постепенно на основе славено-русского и болгарского языков вырабатывается современный болгарский литературный язык»[1]. Под сильным русским влиянием вырабатывается и новоболгарский литературный язык, насквозь пропитанный руссизмами, особенно в словаре и фразеологии. По словам проф. Шишманова, русский язык «открыл болгарскому народу целый новый мир». Влияние русского языка,

[1] Акад. Н. С. Державин, Племенные и культурные связи болгарского и русского народов, Изд. Академии наук СССР, 1944, стр. 64.

русской поэзии и науки подготовило путь для самостоятельного развития болгарской литературы и языка. Этому развитию сильно содействовало политическое освобождение Болгарии, осуществившееся благодаря помощи России.

Покойный болгарский проф. Б. Цонев в своей работе «История на българский език» (т. II, София, 1934, стр. 344—350) указывал на то, что в болгарском языке насчитывается около двух тысяч слов, заимствованных из русского языка. Среди этих слов находятся общеизвестные научные термины и выражения отвлечённых понятий, например, кислород, личинка, пищеварение, предисловие, равновесие, впечатление, влияние, свойство, действителен, значителен и т. п.[1]. Проф. Цонев говорит: «Русской литературе мы обязаны своим духовным освобождением точно так же, как обязаны русскому государству своею политической свободой. Через русскую книгу мы очень рано усвоили множество культурных понятий, очень легко познакомились с русской и европейской мыслью, словом, в короткое время подняли народный интеллект, а это польза, которая стоит гораздо выше тех не очень обильных варваризмов, из которых многие наш язык с течением времени сам выбросит, по мере того как мы усвоим и поймём хорошенько те понятия, для которых мы пользуемся сейчас русскими выражениями... Многие из русских слов, во всяком случае, навсегда останутся в нашем языке, и надо, чтобы они остались, во-первых, потому, что мы вполне их усвоили, а во-вторых, для того, чтобы они были

---

[1] Ср. также Б. Цонев, Русско-български паралели. Славянски глас, кн. 1, София, 1902. Ср. акад. Н. С. Державин, Племенные и культурные связи болгарского и русского народов, 1944, стр. 51—55.

вечными памятниками взаимной связи между двумя братскими народами»[1].

Не менее велика была историческая роль русского языка и в истории формирования национального чешского языка.

Чешский язык в эпоху своего национального возрождения в конце XVIII в. и в первой половине XIX в. находил в русском языке мощную опору [2].

Национальное пробуждение чехов сложилось под углом всеславянского единения, и это раз навсегда определило характер чешских национальных движений. В славянстве чехи воскресли для своей национальности, и славянству они оставались верны и впоследствии, сделавшись главными носителями идей славянской культурной взаимности и всеславянского политического единения[3].

Любопытны отражения влияния языка русской народной словесности на такие чешские стилизации народного эпоса, как «Суд Любаши».

Знаменитый чешский поэт периода чешского возрождения Челяковский перенёс в свои «Отголоски русских песен» («Ohlas pisni ruskych», Praha, 1829) не только содержание и тон русских былин про Илью Муромца и других богатырей, но и множество особенностей их языка и стиля, которые утвердились затем и в чешской поэзии.

Проф. А. А. Кочубинский в труде своём «На-

---

[1] Б. Цонев, Русско-български параллели, стр. 9 и след.

[2] См. В. А. Францев, Очерки по истории чешского возрождения, Варшава, 1902. Я. Якубец и А. Новак, История чешской литературы. Перевод Е. Матвеевой, Прага, 1926, ч. I, гл. V—VIII.

Ср. V. Flajšhans, Naš jazyk materšky, 1924, стр. 304—307. Iosef Iirasek, Rusco a my, Praha, 1929.

[3] Проф. А. Л. Погодин, Славянский мир, 1915, стр. 221.

чальные годы русского славяноведения» так изображает то увлечение русским языком и русской литературой, которое царило среди чешских патриотов в 20—40-е годы XIX столетия: «В своей преданности русскому языку, России бедные ученики Добровского последний свой нищенский грош кладут на русскую книгу, платят втридорога какому-нибудь немецкому посреднику из Лейпцига, особенно за словарь, чтобы только выбиться из удушливой атмосферы своего прихода, выйти на свежий воздух. Они образовывали артели для выписки; книги циркулировали по пайщикам и возвращались нередко в лохмотьях, к их ужасу»[1].

Знаменитый деятель чешского возрождения Иосиф Юнгман (1773—1847) был убеждён в том, что чешский национальный язык, стеснённый немецкими насильниками, найдёт мощную поддержку и опору в русском языке. Заботясь об обогащении старого чешского языка запасом новых славянских слов и выражений, он вводил слова русские (напр., vzduch, přiroda, pyl, napěv, doba и др.)[2] и польские и заявлял (предисловие к переводу «Потерянного рая» Мильтона), что чехам «надо постепенно итти навстречу общеславянскому литературному языку». И другой великий чешский патриот, Вацлав Ганка (1791—1861), мечтая об общеславянском литературном языке, «готов был думать, что этим языком должен сделаться русский, принявши в себя инославянские стихии, как язык самого многочисленного и сильного славянского племени. Поэтому в его славянских сочувствиях первое место занимали именно

[1] А. А. Кочубинский, Начальные годы русского славяноведения, Одесса, 1887—1888, стр. 219.

[2] V. Flajšhans, Naš jazyk mateřský, 1924, стр. 325.

русские: он старался распространить между своими соотечественниками знание русского языка... Он до конца надеялся, что спасение славянства от ига чужой власти и чужой народности заключается в России. Когда он умирал, последние слова его были русские[1].

Наконец великий чешский поэт эпохи национального возрождения Ян Колар (1793—1852) в своей книжке «О литературной взаимности между различными племенами и наречиями славянского народа» (1837) призывал всех славян, особенно русских, сербов, поляков и чехов, к тесному языковому взаимодействию и обмену, к созданию великой всеславянской литературы и сулил славянству руководящую роль в мировой цивилизации и просвещении.

«В наше время, — говорил он, — недовольно быть хорошим русским, горячим поляком, совершенным сербом, учёным чехом и только исключительно, хотя бы и хорошо, говорить по-русски, по-польски, по-чешски... Дух нынешнего славянства налагает на нас другую, высшую, обязанность, именно: считать всех славян братьями одной великой семьи и создавать великую всеславянскую литературу».

И надежды Яна Колара направлялись на русский язык, на русскую литературу как на вершину славянской духовной мощи.

Знаменитый словацкий патриот, учёный лингвист и публицист Людевит Штур, также мечтал о распространении русского языка как языка общеславянского.

Таким образом, в эпоху славянского возрождения многим западнославянским деятелям ка-

---

[1] А. Н. Пыпин и В. Д. Спасович, История славянских литератур, 1881, т. II, 939—940.

валось, что распространение и освоение русского языка в славянском мире подвинет вперёд решение внутренних вопросов жизни западного и северного славянства, примирит племенную рознь между ними и даст возможность бороться с влиянием других наций, стремившихся к господству над славянством.

В словацкой литературе (так же как и в чешской) с начала XIX в. всё растёт количество выражений и терминов, заимствованных из русского языка, всё шире распространяется его могучее влияние. «Когда начались первые попытки мадьяризации словаков, негодующий Добровский (патриарх славяноведения) писал Копитару: «Словаки довольно мужественно действуют против, но если придётся менять свой язык на какой другой, то для них окажется л у ч ш и й выбор» (письмо от 22 июля 1811 г.). Пояснять ли, что старик разумел здесь язык русский?»[1]

Нельзя не признавать разностороннего и разновременного благотворного воздействия русского языка и на польский язык.

Вслед за старославянским и латинским языками русский язык ещё в древнейший период своего развития оказывает влияние на польскую культуру. Правда, тут все другие языковые веяния сталкивались с латинским языком и наступательным движением немецкого языка.

С XIV в., со времени присоединения Литовско-Русского государства к Польше, большинство народонаселения Польского государства было русское по происхождению. Поставленные в близкие взаимные отношения, обе народности, русская и польская, неизбежно должны были влиять одна

---

[1] Проф. А. А. К о ч у б и н с к и й, Начальные годы русского славяноведения, Одесса, 1887—1888, стр. 239.

на другую, и русский язык должен был проникать в государственную и общественную жизнь старой Польши. Перенесённый литовским великим князем Ягайлом в Краков, русский язык употребляется при польском дворе в XIV — в первой половине XV вв. Он же был дипломатическим языком Литовско-Польско-Русского государства. Лишь с Сигизмунда-Августа он оттесняется польским языком, который в XVII и в XVIII вв. насильственно насаждается в западных областях Украины и Белоруссии. При польском дворе лишь со второй половины XV в. утверждается польский язык вместо прежних латинского, немецкого, чешского, русского. Между тем Литва и Русь продолжали управляться, судиться, учиться и писать не на польском, а на западнорусском языке, который включал в себя белоруссизмы и украинизмы. Русский язык оставался официальным языком на Литве и дипломатическим для сношений не только с русскими, но и с татарами [1].

Влияние русского языка на старопольский не отвергают и сами поляки. Это влияние шло двумя путями. С одной стороны, поляки, жившие в украинских и белорусских землях, перенимали русские, белорусские и украинские слова и выражения, усваивали пословицы, поговорки, песни и другие жанры народного творчества. С другой стороны, русские, украинцы и белоруссы, писавшие по-польски, невольно или преднамеренно вносили слова и формы своих языков в польскую речь.

Правда, в XVI—XVII вв. усиливается польское влияние на русский язык и на русскую культуру, но преимущественно на верхи дворянского класса.

Эта тесная связь, эти близкие отношения с поль-

---

[1] В. В. Макушев, Следы русского влияния на польскую письменность. Славянский сборник, Петербург, 1876, стр. 167.

ским языком в XVI, а особенно в XVII в. и в самом начале XVIII в., проявилась в культурном посредничестве польского языка между русским языком и западноевропейскими языками. Это посредничество позднее, в XIX в., было щедро вознаграждено теми идейными и художественными ценностями, которыми делилась русская литература с польской.

Историками польской культуры отмечалось, что блестящее развитие польской поэзии в первой половине XIX в. было связано преимущественно с школами литовской (Мицкевича, Кондратовича), украинской (Залесского, Гощинского, Грабовского) и галицкой (Белёвского, Семевского, Цейского) и что самая локализация этих школ в Литве и Украине указывала на известное оскудение духовной производительности центров полонизма.

Любопытно, что в первой трети XIX в., когда складывалась живая и для нас форма нового русского литературного языка, многие литературные деятели, например, А. Ф. Вельтман, В. И. Даль, Н. И. Надеждин, некоторые из декабристов «Северного общества», как, например, К. Ф. Рылеев, А. И. Одоевский, деятели декабристского «Общества соединённых славян», подчёркивали необходимость сближения русского языка с другими славянскими языками. «Наш язык, — писал Н. И. Надеждин в статье «Европеизм и народность» («Телескоп», 1836, т. I), — принадлежит к многочисленному семейству славянскому: итак, вот где рудники его богатства». Это — целый «рой живых наречий, которыми оглашается половина Европы — от лагун Венеции до болот Померании», это — языки народов, которые, «несмотря на вековые угнетения, мужественно борются с враждебной неметчиной». Надеждин считал, что

верное средство ещё больше обогатить русский язык — это более тесное культурное единение с родственными славянскими языками.

«Только подать голос, и славянские братья с радостью откроют нам свои сокровища, усердно пойдут с нами на общее дело. Мы будем работать не одни, и наша работа, сделавшись дружнее, будет удачнее».

И было бы ошибкой забыть о том драгоценном вкладе, который уже внесли в сокровищницу русской культуры иные славянские языки и славянские народы.

Вершиной достижений славянства в области мировой культуры являются русский язык и русская литература, в которых уже издавна многие славянские народы видели яркий символ и наглядное выражение великой исторической роли славянства.

Старославянский язык и преемник его культурной роли — русский литературный язык и позднее воспринимаются как идеальные нормы славянской речи. В XVII в. хорват Юрий Крижанич, жаловавшийся на засорение большей части славянских языков заимствованиями, кроме своего родного — хорватского, замечал о русском языке: «В нём несколько передвинуто уже ударение и изменены формы, но зато пригодных и коренных слов у русских гораздо больше, чем у хорватов, благодаря употреблению русского просторечия в делопроизводстве приказов и всех присутствий».

Так как старославянский язык и его ответвления в истории отдельных славянских народов к XVII—XVIII вв. уступают место народным языкам, то единственным и естественным претендентом на роль общеславянского языка остаётся язык русский. Многие общественные деятели славянства в XIX в. высказывали твёрдое убежде-

ние в том, что русский язык должен стать общеславянским международным языком, что в нём полнее и разнообразнее выразилась духовная культура славянства.

Словак Ян Геркел в своём сочинении «Основы общеславянского языка» (1826) заявлял: «Нормы общего (общеславянского) языка должны быть выведены из сравнительного изучения отдельных наречий и поднаречий. Относительно ближе к этим нормам русский диалект, получивший бóльшую логическую обработку, чем церковно-славянский»[1].

Карл Кузмани, редактор словацкого журнала «Hronka», прямо провозглашал русский язык духовным «орудием, объединяющим всех славян». «Я того мнения, что мы должны принять русский язык. Русское племя — самое сильное, литература — самая богатая и язык — самый всеславянский...»[2]

Позднее Людевит Штур в своей знаменитой книге «Славянство и мир будущего» (русск. перев., СПБ, 1867) писал: «При вопросе об общеславянском литературном языке может быть выбор только между древнеславянским и русским языком. Но древнеславянский язык уже вышел из общежития, почти мёртвый, лишён гибкости и увлекательности живого языка, а мы нуждаемся в живом слове. Остаётся, значит, один русский язык, как исключительно на то способный, ибо это язык величайшего... и на обширном пространстве земли господствующего славянского племени, которому и без

---

[1] Ioan. Herkel, Elementa universalis linguae slavicae e vivis dialectis eruta et sanis logicae principiis suffulta, Budae, 1826, стр. 40.

[2] В. И. Ламанский, Изучение славянства. «Журнал Министерства народного просвещения», 1867, ч. CXXXIII.

того по праву принадлежит главенство в нашей народной семье. Сверх того, из всех славянских языков это — самый богатый, сильный и полнозвучный, запечатлённый могуществом»[1].

Л. Штур справедливо думал, что русской литературе и русскому языку предстоит далеко «двинуть вперёд человеческое развитие».

Словенец Франц Подгорник, редактор журнала «Slovanski svet», в статье «О литературном языке вообще и общеславянском в частности» (1878) доказывал, что главные преимущества русского языка заключаются не только в превосходстве его по силе государственной, народной, литературной, но и в достоинствах его структуры. По мнению Подгорника, звуковой и формальный строй русского языка занимает как бы середину между прочими славянскими языками и носит в себе залог продолжительного и прочного развития. Логическое расчленение его форм строже и тоньше, чем в других славянских языках, за исключением старославянского. Его лексикон безграничен благодаря разнообразию естественных и нравственных условий жизни бесчисленных ветвей русского народа[2].

Сербский проф. П. Сретькович в 1887 г. писал: «Все народы славянского происхождения имеют свой славянский язык, свои предания, свои творения ума, и это доказывает, что они дети одной матери — Славии. Все славяне составляют одну общую славянскую задругу... В славянстве международный язык — русский» [3].

---

[1] Л. Штур, Славянство и мир будущего, СПБ, 1867, стр. 188—190.

[2] А. С. Будилович, Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, Варшава, 1892, т. II, стр. 343.

[3] «Известия славянского благотворительного общества», 1887, № 11—12, стр. 548. А. С. Будилович, Общеславянский язык, т. II, стр. 347.

Во второй половине XIX в. многие русские и инославянские учёные, например, знаменитый славист В. И. Ламанский, русский народник и славянофил А. Ф. Гильфердинг (в своей «Общеславянской азбуке», 1871), литературовед акад. А. Н. Пыпин[1], историк славянства акад. И. В. Ягич и другие с теми или иными вариациями развивали мысль о громадном международном значении русского языка в истории славянской культуры и в деле славянского единения[2].

Эту мысль о великой организующей роли русского языка и русской культуры в истории славянства не надо смешивать и сливать с разного рода славянофильскими мечтами, фантазиями и реакционно-политическими теориями. Эти идеи неприемлемы для нас. Так далеко от нас и чуждо нам в этих суждениях всё то, что отзывается шовинистическим панславизмом, стремившимся к политическому подчинению славянских народностей российскому царизму. Любопытно, что во второй половине XIX в. чешский «Научный словарь» (т. е. чешская энциклопедия) давал такое определение панславизму: «Панславизм есть мнимое стремление славян к политическому единству всех их племён, какое в новейшее время приписывают им главным образом немцы, сами делая из этого пугало. Повод к такому мнению дала отчасти врождённая симпатия всех славянских народов с их единоплеменниками и общая ненависть их врагов, отчасти идея литературной

---

[1] См. его статью «Литературный панславизм», «Вестник Европы», 1879, сентябрь.

[2] См. проф. Кулаковский, Очерк истории попыток решения вопроса о едином литературном языке у славян. «Мефодиевский юбилейный сборник», Варшава 1885.

славянской взаимности, провозглашённая особенно Коларом»[1].

Все славянские народы любят свой язык и свою культуру. Известный чешский историк Палацкий с справедливой гордостью заявлял: «Чехи более тысячи лет бились за свою национальную индивидуальность и сохранили её ценой бесчисленных жертв... Мы никогда не покинем своего языка; мы никогда не пожертвуем своей литературой» [2]. Советской идеологии чуждо отрицание национальных культур, самостоятельного национального развития. И в этом направлении есть общность между интересами западного и южного славянства и русской культурой. Право народности, защита этого права — лозунг и знамя всего славянского движения. Тяжесть нарушения этого права, особенно со стороны немцев, испытывали различным образом почти все западные и южные славяне. Влияние русского языка и русской литературы, широкий интерес к ним в славянских странах являются лишь естественным результатом роста и расцвета русской культуры. Сознание её величия и вместе с тем родства глубоко внедрилось в народные массы всех славянских государств. Русский язык и русская литература оказывали и оказывают великое оплодотворяющее действие на развитие национальных языков и литератур разных славянских народов.

IV

Связи и взаимодействия русского языка и других славянских языков зависели как от общности письменно-речевой культуры у славян, так и от

---

[1] А. Н. Пыпин, Панславизм в прошлом и настоящем, 1913, стр. 152.

[2] Там же, стр. 153.

близости славянских языковых систем, нередко обнаруживающих однородные тенденции в исторических изменениях их строя. Сознание близкого родства славянских языков проявляется уже на страницах нашей начальной летописи и не затухает на протяжении всей русской истории. Оно поддерживалось и практическим знакомством русских с иными славянскими языками.

Так, например, во время гуситского движения, которое сильно содействовало сближению славян вообще, один из деятелей западной Руси заметил, что «чехове суть люди мало от русского языка отторгняны». Когда русские послы в XVI в. ехали через Хорватию, то, наблюдая быт хорватов и слушая их говор, пришли к заключению, что у хорватов «язык с Руси, а вера латинская». И позже русский путешественник В. Г. Барский, пользуясь в разговоре с болгарскими купцами русским языком, был уверен в том, что их язык тот же, что и его [1].

Термин р у с с к и й в XV—XVII вв. свободно применялся не только к церковно-славянскому языку, но и к живым славянским языкам юга и запада. Недаром великий князь всея Руси Иван III Васильевич, заключая (в 1490 г.) союз с императором Максимилианом, требовал от него «писати грамоту русским письмом, будет у него писец сербин или словеник, а не будет такого писца, кому по-русски писати, ино писати по-латынски

---

[1] И. П е р в о л ь ф, Славяне, их взаимные отношения и связи, т. II, стр. 397—398. И. Б е л я е в, О географических сведениях в древней России до XV в. («Записки Императорского русского географического общества», 1852, кн. VI). С а х а р о в, Сказания русского народа (Путешествия русских людей, стр. 84, 88, 99). «Странствования В. Барского», изд. 1886 г., т. II, стр. 127, 169.

или по-немецки»[1]. В сношениях между Польшей, Литвой и Москвою русский язык прямо был принят как дипломатический.

Но из всех славянских языков особенно близки русскому языку языки украинский и белорусский. Это — языки одной восточно-славянской ветви, связанные между собою тесными братскими отношениями. Они возникли на основе древних племенных наречий восточного славянства путём длительной перегруппировки их в пределах более крупных средневековых государственных объединений. Образование трёх ближайше родственных национальных языков — русского, украинского и белорусского—было органически связано с процессом формирования трёх восточно-славянских наций — великорусской, украинской и белорусской. Во всех трёх языках живо сохраняются одинаковые особенности как наследие общей племенной жизни (например, полногласие, ж на месте древнего общеславянского дj, ч на месте тj, общие особенности морфологического и синтаксического строя, словарные соответствия и др.). Живая связь между ними не прерывалась и тогда, когда разные племенные языки и наречия восточного славянства под влиянием изменившихся общественно-экономических и культурно-политических условий начали складываться и затем сложились в три самостоятельных национальных языка. Сближал их и старославянский фонд в составе книжной речи. Кроме того, языковая культура Киевской Руси послужила фундаментом литературно-языкового развития Руси северо-восточной. Культура русского Севера была преемницей культуры киевского Юга. И позднее

---

[1] «Памятники дипломатических сношений России», т. I, стр. 41.

между языком русским и языками украинским и белорусским происходил постоянный культурный обмен, непрекращающееся взаимодействие. Они братски делились друг с другом культурными достижениями и идейными ценностями. Конечно, сильнее и разнообразнее было, особенно со второй трети XVIII в., влияние русского языка как языка наиболее передового и развитого, на процесс развития и обогащения украинского и белорусского языков. Но и для истории русского яыка это живое общение с украинским и белорусским языками было в высшей степени плодотворно. Достаточно привести несколько исторических иллюстраций.

В Россию с юго-запада, из Украины и Белоруссии, с конца XVI — начала XVII в. направляется широкий поток учёных, художников и ремесленников, которые несут с собою и общие навыки научного языка и мышления, и свою профессиональную терминологию. В это же время — не без украинского влияния — в среде московской интеллигенции и знати всё больше распространяется интерес к изучению латинского и польского языков, наметившийся ещё в XV в.[1].

В XVII в. украинский язык, глубже и шире в эту эпоху воспринявший достижения цивилизации и гуманитарных наук, в силу своего географического положения и социально-политических условий своего развития активнее осваивавший общеевропейский фонд терминологии, поделился с русским литературным языком своими культурными достижениями. В XVII в. киевская традиция книжно-славянского языка возобладала над московской. Первые попытки писать рифмо-

---

[1] И. А. Шляпкин, Св. Димитрий Ростовский и его время, СПБ, 1891, стр. 56—68.

ванные стихи (вирши) были сделаны украинскими литераторами. Эта виршевая украинская и белорусская поэзия оказала сильное влияние на русский стихотворный язык XVII и начала XVIII в. Украинские учёные риторы и проповедники в значительной степени определили путь развития русской риторики, т. е. теории высокого слога с его славянизмами, в речевой культуре XVIII в. В XVII в., преимущественно через Киев, шло на Москву западноевропейское схоластическое образование, которое на Украине восторжествовало над восточно-византийским просвещением [1].

Развитие книжной русской драмы, формирование стилей драматической речи в XVII и начале XVIII в. также не обошлось без помощи украинской литературно-речевой культуры. Конечно, все эти дары Украины были самобытно использованы русским народом. Но они были существенным вкладом в русскую языковую культуру, они содействовали её быстрому расцвету.

Помимо основного великорусского фонда русский литературный язык принял в себя немало элементов из украинских и белорусских говоров (ср., например, завзятый, мещанин, местечко в значении: город, населённый пункт, буханка, галушки, плахта и многие другие).

Передатчиками украинских и белорусских достижений и ценностей, сверх непосредственного влияния живой устной речи, были многочисленные русские учёные и поэты, родом украинцы

---

[1] И. А. Шляпкин, Св. Димитрий Ростовский и его время, СПБ, 1891. П. И. Житецкий, К истории литературной русской речи в XVIII в. «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», 1903, т. VIII, кн. 2. См. мои «Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв.», 1938, гл. I и II.

или белоруссы. Так, для XVIII в. достаточно назвать духовных писателей: Амвросия Юшкевича, Кирилла Флоринского, Анатолия Братановского, Иоанна Леванду, проповедника и историка Георгия Конисского, путешественника Василия Григоровича Барского, поэта Ипполита Богдановича и др.; для XIX столетия — Гнедича, Гоголя, С. Глинку, Гребенку, Костомарова, Гр. Данилевского, Вс. Крестовского, Марко-Вовчка, Мордовцева и многих других [1].

Недаром акад. В. И. Ламанский говорил о русском литературном языке: «По своему происхождению и образованию он есть общее достояние Великой, Малой и Белой Руси» [2].

Характерно, что многие украинские общественные деятели и писатели работали и в области украинской литературы и языка, и в области русской. Достаточно вспомнить Квитку, Кулиша, Марко-Вовчка, Афанасьева-Чужбинского, даже Шевченко, который свой дневник и повести писал на русском языке.

Проф. А. С. Будилович заметил: «Правда, количество вкладов в общий язык, сделанных с XVIII в. разноречиями великорусскими, несравненно больше, чем со стороны разноречий малорусских (украинских), благодаря чему и самый тип нашего языка значительно ближе к первым, чем последним. Но эта близость не доходит до тождества и не исключает важности услуг, оказанных общему языку белоруссами и украинцами. Они имеют вследствие того полное право называть этот

---

[1] Проф. Т. Флоринский, Малорусский язык и украiньско-руський литературный сепаратизм, СПБ, 1900, стр. 40—41.

[2] В. Ламанский, Национальности итальянская и славянская в политическом и литературном отношениях, «Отечественные записки», 1864, ноябрь, стр. 187.

язык плодом и своих усилий на поприще общественно-литературной» [1].

Русская художественная культура на протяжении всего XIX в. поддерживала тесные сношения с украинской и многое от неё восприняла [2]. Общеизвестно великое значение Гоголя в истории развития стилей русской прозы XIX и XX вв. Между тем в гоголевском стиле русская и украинская языковые стихии слились в оригинальное художественное единство. Формы словесного выражения, порождённые тонким украинским народным юмором, приёмы лирического стиля, выработавшиеся у Гоголя под влиянием украинских дум, обогатили систему художественных средств русского прозаического языка.

Не подлежит сомнению, что Гоголь, вводя в русский литературный язык новую свежую струю народной речи, широко пользовался словами, общими для русского и украинского языков. В стиле Гоголя слова и выражения этого рода своеобразно совмещали в себе, как бы синтезировали, оттенки значений, присущие им в том и другом языке.

Кроме того, украинский колорит гоголевского стиля сказывается в оригинальном подборе оборотов, известных и в народном русском языке, но не вошедших в норму литературного общерусского употребления («Чуден Днепр при тихой погоде», ср. «в тихую погоду», «пока не зарябит тебе в очи»; ср. «зарябило в глазах» и т. п.). Понят-

---

[1] А. С. Будилович, Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, т. II, Варшава, 1892, стр. 250.

[2] См. статью А. И. Комарова, Украинский язык и литература в русском обществе начала XIX в., «Учёные записки Ленинградского государственного университета». Серия филологических наук, вып. 4, 1939.

но, что, сверх этого, Гоголь прибегает и к чистым украинизмам, однако применяя их с большим художественным тактом, не разрушая русского типа речи и не создавая никаких затруднений для своего читателя.

V

Русский литературный язык, как это не раз подчёркивал М. Горький, находится в самом тесном взаимодействии с устным народным языком. Отношения между русским литературным языком и живыми народными говорами настолько близки, границы между ними настолько подвижны, что академик А. А. Шахматов, как редактор академического «Словаря русского языка», не считал целесообразным резко обособлять словарь литературного языка от словарей народных говоров [1]. Шахматов ссылался на то, что великие художники русского слова, например, Тургенев, Толстой, Достоевский, Чехов, свободно, хотя и с выбором, включали народные, даже областные слова в стиль авторского повествования [2].

Проф. А. С. Будилович утверждал, что «взаимодействие всех областных разноречий в выработке нашего образованного языка составляет его преимущество перед другими языками, имеющими более узкую диалектическую почву» [3].

Писатель И. А. Бунин в «Автобиографической

---

[1] Словарь русского языка, составленный II отделением Имп. Академии наук, т. II, Предисловие, стр. V—VIII.

[2] Там же.

[3] А. С. Будилович, Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, т. II, Варшава, 1892, стр. 280.

заметке» заявил, что крестьянам он «обязан и первыми познаниями в языке—нашем богатейшем языке, в котором благодаря географическим и историческим условиям, слилось и претворилось столько наречий и говоров чуть не со всех концов Руси»[1].

Можно сказать, что русский литературный язык, оказывая огромное объединяющее и культурно развивающее влияние на народную речь, постепенно впитывал в себя и продолжает впитывать всё выразительное, идейно-ценное и практически-целесообразное из арсенала народных русских говоров. Он притягивает к себе из областных наречий всё то, что лишено узко местного колорита, всё то, что может рассчитывать на общенациональное признание.

Ведь такие привычные общелитературные слова, как *земляника*, *клубника*, *паук* (ср. *паутина*), *цапля*, *пахарь*, *вспашка*, *верховье*, *задор*, такие, как *улыбаться*, *хилый*, *напускной*, *назойливый*, *огорошить*, *чепуха*, *чушь*, *очень*, *прикорнуть*, *попрошайка*, *костить*, *очуметь*, *гуртом*, *мирволить*, *кулак*, *мироед*, *батрак*, *наобум*, *неуклюжий*, *мямлить* и т. п., по своему происхождению являются областными и некоторые из них профессионально-народными выражениями. Ещё В. И. Даль писал, что литературный язык «должен выработаться из языка народного. Другого равного ему источника нет, а есть только ещё притоки; если же мы, в чаду обаяния, сами отсечём себе этот источник, то нас постигнет засуха, и мы вынуждены будем растить и питать свой родной

---

[1] И. А. *Бунин*, Полн. собр. соч., 1915, т. VI, стр. 323.

язык чужими словами, как делают растения тунеядные, или прищепой на чужом корню»[1].

Этот неисчерпаемый родник или рудник, живой язык русский, обогащает литературную речь не только новыми словами. «Богатство слов не составляет ещё богатства языка: гибкость, плавность, выразительность и вразумительность, разнообразие, наконец, удобное согласование живого слова с понятиями умственного языка, вот что необходимо; но богатство выражений есть уже по себе хороший запас для богатства и роскоши языка»[2]. Органическая связь литературного языка с народным придаёт русскому языку образность, яркую живописность, меткость, красочность, мужественную сжатость. Вместе с тем близость русского литературного языка, по крайней мере некоторых стилей его, к народной речи придаёт ему необыкновенное стилистическое разнообразие. Системы русского письменного и устного языка, не сливаясь одна с другою, но постоянно влияя друг на друга, находятся в непрекращающемся движении, развитии. Они не окаменевают, приняв стройный и однообразный вид. Устный литературный язык ближе к народному и служит постоянным источником обновления языка книжного. Народные обороты и выражения всё глубже входят в строй письменной речи, «чтобы пошлое и слабое заменить свежим, ясным, живым и сильным»[3]. Широта и свобода литературного использования разных наречий и говоров составляет важное преимущество русского национального языка.

Пушкин убеждал русских писателей: «Вслуши-

---

[1] В. И. Даль, Полн. собр. соч., т. X, стр. 243. Ст. «Напутное слово».

[2] Там же, стр. 548. Ст. «Полтора слова о русском языке».

[3] Там же, т. X, стр. 550.

вайтесь в простонародные наречия, молодые писатели, — вы в них можете научиться многому, чего не найдёте в наших журналах» (1828. Ответ на статью «Атенея» о «Евгении Онегине»).

В другом месте Пушкин заявил: «Разговорный язык простого народа (не читающего иностранных книг и, слава богу, не выражающего, как мы, своих мыслей на французском языке) достоин также глубочайших исследований. Альфиери изучал итальянский язык на флорентийском базаре». (1830. Наброски возражений критикам языка «Евгения Онегина»).

Этот «удивительно чистый и правильный» живой русский язык бытового разговора обнаружил в поэтическом стиле Пушкина всё разнообразие и богатство своих красок.

К тому же единению книжного языка с народным призывали все последующие передовые русские писатели XIX в. «Изучать надо нам народный язык, спознаться через него с духом родного слова, и принимать или перенимать с толком, с чувством, с расстановкой. Освоившись с упрямым и самобытным духом родного слова, мы облагородим, обусловим и перенесём на родную, но более тучную и возделанную почву, всё то, что стоит пересадки, да приучим цветок свой к погоде и непогоде под открытым небом, а не в теплице» [1].

Всё это было не абстрактной проповедью, а практической программой литературной деятельности. В истории русского литературного языка не было такого периода, когда литературный язык во всех своих основных стилях был бы совсем оторван от народной почвы. Акад. С. П. Обнорский в своих последних работах доказывает, что при самом

---

[1] В. И. Даль, Полн. собр. соч., Недовесок к статье: «Полтора слова о русском языке», т. X, стр. 567—568.

возникновении древнерусской письменности стихия живой народной речи играла очень существенную, организующую роль в образовании государственно-делового языка Киевской Руси.

«Если начинать, как и следует, историю русского письменного языка не с церковно-славянских текстов, вроде Остромирова евангелия и Сборников 1073 и 1076 гг., а с договоров Олега, Игоря, Святослава с греками, то перед нами откроются живые и чистые ключи древнерусского делового языка», — писал в конце XIX в. проф. А. С. Будилович[1]. Акад. А. А. Шахматов с ещё большей убедительностью вскрыл связи московского государственного языка с народной речью населения средней и северной Руси. «Лучшим доказательством того, что создание Московского государства было делом прежде всего самого народа, служит указание на то, какие элементы поддерживали великого князя. Чёрный люд, молодшие люди, пригороды, — вот обыкновенные сторонники московского князя»[2]. А прямым последствием этого московского собирания было образование нового общерусского языка.

Процесс образования Московского государства, объединившего постепенно все феодальные княжества и севернорусские народоправства, сопровождался концентрацией общерусских или способных стать общерусскими элементов в составе литературного языка. И тут роль народной струи стала ещё более значительной, чем в киевскую эпоху. Сама эта народная струя — иная по

---

[1] А. С. Будилович, Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы, т. II, стр. 240.

[2] А. А. Шахматов, К вопросу об образовании русских наречий и русских народностей. «Журнал Министерства народного просвещения», 1899, № 4, стр. 3.

своим племенным и социально-политическим основам, струя великорусская, была более пестра и разнообразна. Несмотря на то, что южнорусская литературно-языковая культура не могла быть целиком пересажена на почву Руси северо-восточной, — в новую этнографическую и культурно-политическую среду, здесь поток народных жизненных сил оказался не менее мощным и, во всяком случае, в силу большего разнообразия живых народных говоров гораздо более богатым этническими и областными красками.

Показательно, что даже те произведения северо-восточной Руси XIV—XV вв., которые были ближе к устно-деловой речи, обнаруживают поразительную свежесть и своеобразие языковых красок. Вот суждение о стиле «Хождения за три моря» тверского купца Афанасия Никитина, принадлежащее акад. И. И. Срезневскому:

«По времени, когда писаны, его записки принадлежат к числу самых важных памятников своего рода: рассказы Ди Конти и отчёты Васко ди Гама одни могут быть поставлены вровень с «Хождением» Никитина. Не ниже их это «Хождение» ни по слогу, хотя и может он нам теперь казаться слишком мало-литературным, ни по простодушию и отрывочности замечаний, ни по доверчивости к рассказам туземцев, заставившей его иногда повторять и невероятное. А что умно-разнообразна была наблюдательность Никитина, в этом, кажется, нельзя сомневаться. И в этом отношении Никитин не ниже, если не выше его современников»[1].

Вопрос о вкладах, которые сделаны в сокровищницу общерусского национального языка, от-

---

[1] «Учёные записки II отделения Имп. Академии наук», 1856, кн. II, вып. 2, стр. 305—306.

дельными областями России, у нас почти не затронут. Жорж Ренар в своей книге о научном методе в истории литературы писал о французской культуре: «В известные эпохи та или другая провинция берёт первую роль; она интеллектуально первенствует, идёт во главе Франции, поставляет для неё крупнейших людей... Без сомнения, есть социальные причины, объясняющие богатство человеческой жатвы, собранной поочерёдно из разных провинций... Но каковы бы ни были причины, переносящие из одной области в другую интеллектуальное превосходство, отсюда следует, что дух известной эпохи может иметь окраску гасконскую, нормандскую или парижскую. Если тщательно анализировать и сравнивать произведения людей, которые выходят из главенствующей провинции, можно найти много речений, местных событий, особых обычаев, обиходных образов, которые составляют вклад этой провинции в национальную цивилизацию» [1].

В историографии русского литературного языка почти нет работ, которые затрагивали бы и разъясняли проблему взаимодействия словаря московского делового языка XIV—XVII вв. со словарями областных культурных центров северо-восточной Руси (новгородско-псковского, тверского, муромо-рязанского и других) [2]. Больше того, ни роль киевского литературно-языкового наследства, ни соотношение северно-великорусской и южно-великорусских стихий в составе

---

[1] Georges Renard, La méthode scientifique de l'histoire littéraire, Paris, 1900, pp. 140—142.

[2] См. указания B. Unbegaun'a: московск.—товар, живот, рухлядь при новг.-тверск.—собина, московск. татаризмы — алтын, армяк, кафтан и т. п. «La langue russe au XVI siècle», 1935.

лексики государственного языка допетровской Руси полностью не раскрыты. Еще меньше найдено конкретных фактов в литературной лексике и фразеологии, которые вели бы своё начало от вполне определённых местных говоров. Таким образом, народно-областные основы литературного словаря полностью не очерчены. А без этого нельзя воспроизвести ту сложную сеть путей, какими двигалась русская языковая культура в её развитии.

«Со второй половины XV в. русский народ неудержимо растёт и множится силою естественного нарождения и постепенного мирного уподобления... всё далее раздвигает границы своей речи и государства, постепенно расширяет круг своей материальной и умственной деятельности, открывая новые и совершенствуя разработку старых источников духовного развития и материального богатства [1].

Государственный язык Московского государства складывался на народной почве среднерусских говоров. В него входили и севернорусские и южнорусские элементы. При этом до середины XVI в., по общепринятому мнению, в нём явно преобладала севернорусская стихия. Южно-великорусское влияние на литературный язык, несколько усилившееся со второй половины XVI в., едва ли до второй половины XVIII в. могло резко изменить севернорусский лексический фонд московской речи. Речевая культура русского севера была выше культуры замосковной. Новгород в XV и XVI вв. делился с Москвой своими культурными достижениями. От него с конца XIV — начала XV в. Москва восприняла

---

[1] В. И. Ламанский, Три мира азийско-европейского материка, Петроград, 1916, стр. 17.

поток европеизмов (комната, тюрьма, шкипер, берковец, ласт—баласт, буса — судно и проч.). Переводческие кадры Москвы XVI — XVII вв. были связаны прямым культурным преемством с новгородскими толмачами.

В петровское время разные диалектные струи пришли в новое столкновение и соприкосновение в составе русского литературного языка. Но и в это время перевес остаётся на стороне северорусских элементов. Русский Север, Поморье в первой трети XVIII в. было одной из самых оживлённых и культурных областей России. Здесь процветали промыслы — морские, речные и сельские. Здесь велась обширная торговля по речным, морским и сухим путям. Поддерживались непрерывные сношения с Англией, Норвегией, Голландией. Работали огромные корабельные верфи, многочисленные и разнообразные механические мастерские. В монастырях собирались рукописи, книги, изучались словесные науки, процветало живописное искусство. Северная архитектура — гражданская и церковная — в это время поражала богатством своих форм.

Эта культура Севера подготовила Ломоносова к восприятию столичной и европейской культуры. Академик С. П. Обнорский полагает даже, что северорусские нормы, вводившиеся Ломоносовым и утвердившиеся в русском литературном языке вплоть до 20—30 годов XIX в., «смягчали московские устои прежнего литературного языка. Это было общим воздействием на литературный язык живой северорусской стихии, это было формирующее начало в истории русского литературного языка. Не всё, конечно, что проводилось в язык Ломоносовым, из северорусской языковой среды должно было войти и вошло в оборот литературного языка. Черты,

которые должны были восприниматься как более или менее резкие местные, областные особенности, не могли ассимилироваться в общем литературном употреблении. Можно было бы в числе таких черт отметить отдельные элементы лексики»[1].

Таким образом, в истории русского языка XVI—XVII и XVIII столетия характеризуются всё большим расширением и укреплением связей книжного языка с народной речью и областными говорами (реформы Тредьяковского, Ломоносова, литературная деятельность Державина, Радищева).

Общеизвестно, что на резко местные северноруссизмы, широко употреблявшиеся в простом, а иногда и в среднем и высоком слоге произведений Ломоносова и его подражателей, школой Сумарокова было наложено veto. Новиков и его сторонники, Карамзин и его школа продолжали эту работу по очищению общерусского литературного языка от диалектизмов, от провинциализмов, чуждых московской столичной норме. Понятно, что в категорию областных нелитературных слов больше всего попадало северноруссизмов.

К русскому литературному языку второй половины, особенно последней трети XVIII в., применима характеристика, данная П. Лафаргом французскому аристократическому языку XVII в.: «Не задумываясь, заимствовали дворяне из народного языка слова, выражения и обороты, которые им были нужны для повседневного обихода, но они просеивали их и сохраняли лишь ограниченное количество. Лишь после того как их много раз развешивали, одобряли и, наконец, клали на них аристократический штемпель, допу-

---

[1] С. П. Обнорский, Ломоносов и русский литературный язык. «Известия Академии наук СССР». Отделение литературы и языка, 1940, № 1, стр. 63—64.

скались они к обращению в обществе и печатных произведениях, которым общество покровительствовало»[1].

Этот отбор особенно строго проводился Карамзиным и другими насадителями «нового слога российского языка».

В начале XIX в., как указано акад. Л. А. Булаховским, в составе русского литературного языка, кроме тех областных выражений, которые уже получили общенациональное признание, были употребительны в стиле переписки, повести, очерка, басни, эпиграммы, главным образом, те провинциальные слова, которые были свойственны преимущественно среднерусским, близким к Москве говорам [2].

Но в языке М. П. Погодина, Н. А. Полевого, В. И. Даля и других писателей 20—30-х годов XIX в. областные слова и выражения выходят за границы среднерусских говоров и, главным образом, в сторону южно-великорусского наречия.

Дальнейшее развитие русского литературного языка с эпохи Пушкина протекает под знаком всё более тесного сближения с народной речью в её разных вариациях.

До Пушкина влияние народной речи ограничивалось, главным образом, областью простого или низкого стиля, хотя отдельные народные элементы достигали и высокого славянизированного слога. Но Пушкин разрушил все запруды, все преграды, созданные старой литературной эстетикой на пути движения народной речи к литературному языку. Русский литературный язык

---

[1] П. Лафарг, Французский язык до и после революции. Соч., т. III, изд. Института К. Маркса и Ф. Энгельса, 1931, стр. 218.

[2] Л. А. Булаховский, Русский литературный язык первой половины XIX в. Харьков—Киев, 1941.

XIX в., особенно язык художественной прозы, всё шире и разнообразнее охватывает жизнеспособные и характеристические формы народной речи с её областными вариантами.

В течение XIX в. русский литературный язык сближался с потоками живой народной речи по разным направлениям, в разных своих стилях. Говоры устной речи, народно-областной, врывались в стили повести, романа, драмы, очерка и даже лирического стиха. Эта свобода употребления и литературного приспособления самых разнородных элементов живого языка обеспечивала общерусскому языку необычайное стилистическое разнообразие. Все выразительные средства устной речи, все её краски находили целесообразное применение в художественной литературе, обогащая сферу значений и оттенков литературного слова. Ведь «есть чувства и мысли, которых не вызвать на общелитературном языке известного народа никакому таланту, но которые сравнительно легко вызываются на областном наречии. Есть писатели, которые — сама посредственность, когда выбирают своим органом литературный язык, но которые на родном наречии глубоко художественны и правдивы. Их творения, как научные материалы, незаменимы никакими изданиями памятников народной поэзии, сборников слов и оборотов, обычаев, поверий и пр.» [1].

Такова русская фольклорная литература с 30—40-х годов XIX в.

Гоголь в «Мёртвых душах» прибегает и к южнорусским (ср. склизкий вместо скользкий; куряка — курильщик — III, 213;

---

[1] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 174—175.

«А газ так и шибнул приятным кручком изо рта в нос» — IV, 373 и т. п.) и к севернорусским словам и значениям (напр., шанишки; «Собакевич пришипился так, как будто и не он, и... тыкал вилкою в какую-то маленькую рыбку» — III, 149; «После таких бурь, испытаний, превратностей судьбы и жизненного горя он удалится... в какое-нибудь мирное захолустье уездного городишка и там заклёкнет навеки в ситцевом халате» — III, 239 и др.). Проф. Е. Ф. Будде заметил: «На южнорусскую основу наслоились в языке Гоголя ко времени написания «Мёртвых душ» элементы языка московского и петербургского, а также элементы диалектического строя речи Калужской, а может быть, и других губерний, так как герой «Мёртвых душ» побывал и в Симбирской, и в Рязанской, и в Пензенской, и в Вятской губерниях» (III, 169) [1].

С расцветом «натуральной школы» в 40-х годах русский литературный язык подвергается новому натиску со стороны областных стихий народной речи. Как уже не раз подчёркивалось историками русской культуры и литературы (в последнее время — М. Горьким), в этот период явно возобладало влияние южно-великорусских говоров (Рязанской, Тульской, Орловской, Пензенской, Воронежской и смежных областей). Достаточно сослаться на местоположение тех районов России, где формировались народные основы творчества Д. В. Григоровича, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого, Н. П. Огарёва; достаточно указать на областные связи Кольцова, Никитина, Н. Успенского.

В 60—70-е годы волны народнической литера-

---

[1] Е. Ф. Будде, Значение Гоголя в истории русского литературного языка. «Журн. Министерства народного просвещения», 1902, июль, стр. 18.

туры приносят в литературную речь новые серии севернорусcизмов (ср. лексику Решетникова, Наумова, Златовратского, Степанова, позднее Мамина-Сибиряка и др.). Но одновременно продолжается и напор южно-великорусской и среднерусской стихий (ср. словарь Гл. Успенского, Селиванова, Левитова и других писателей).

В этот период развития русского литературного языка происходит быстрое расширение пределов художественной литературы в сторону народного языка. В условиях капиталистического развития общества — при разрыве между городом и деревней — этот процесс, конечно, не мог привести к стиранию границ между отдельными областными говорами или к их унификации, к их вытеснению литературным языком. Но сам литературный язык, особенно в стилях повествовательной прозы, вплотную придвинулся к народной речи и непосредственно питался её жизненными соками.

Характерен такой пример. В ранних стихотворениях И. А. Бунина, в его «Песнях о весне», печатавшихся в «Вестнике Европы» (1893), есть стих:

Ржи наливают и цветут.

Редактору журнала, петербуржцу М. М. Стасюлевичу, этот стих показался сомнительным с точки зрения норм литературного языка. «Не говорю о том, что р о ж ь не употребительна во множественном, но вот где явная ошибка: н а л и в а т ь — действительный глагол, напр., в и н о н а л и в а ю т; но я б л о к и, а также и р о ж ь наливаются. Нужно этот стих исправить по требованию грамматики» (письмо А. М. Жемчужникову от 23 мая 1893 г.) [1]. А. М. Жемчужников, оценив-

[1] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», 1912, т. IV, стр. 370.

ший талант Бунина, горячо защищал этот народный диалектизм в ответном письме М. М. Стасюлевичу (18 июня 1893 г.): «Ваши замечания относительно стихов молодого поэта Бунина, конечно, совершенно правильны в грамматическом отношении; тем не менее я вас убедительнейше прошу дозволить ему употребить р о ж ь во множественном числе: р ж и и сказать, что они н а л и в а ю т, а не н а л и в а ю т с я. Это выражения чисто деревенские и в средней России общепринятые. Мы говорим: р ж и, о в с ы, п р о с а. Чуть ли не одна только п ш е н и ц а употребляется преимущественно в единственном числе. И притом всегда говорят, что хлеба н а л и в а ю т. В сельских стихотворениях г. Бунина такая вольность не только простительна, но и не лишена прелести. Стих р ж и н а л и в а ю т и ц в е т у т исполнен того, что называется couleur locale»[1].

Областные элементы легко обнаружить и в литературном словообразовании и формообразовании. Например, просторечно-фамильярная, ласкательно-презрительная форма д р я н ц о (от слова женского рода д р я н ь) должна быть отнесена к севернорусским образованиям (ср. ещё в «Российской грамматике» Ломоносова ссылки на формы вроде б а б е н ц о и т. п.). Например, у М. Горького в «Исповеди»: «Ах, ты, думаю, дрянцо с пыльцой». Ср. у Ф. М. Достоевского в «Преступлении и наказании» (в речи Раскольникова): «Там у меня тоже заклады есть, так, дрянцо, однакож сестрино колечко».

Ср. в «Словаре Академии Российской» (1789—1794, ч. II, 778) пример из «Собеседника любителей российского слова» (XI, стр. 25):

---

[1] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», 1912, т. IV, стр. 371.

Парижская ж дрянца получше русской дряни.
Достойна налагать на дам российских дани [1].

Напротив, южно-великорусским влиянием объясняется укрепление в русском литературном языке с 20—30 годов XIX в. уменьшительно-ласкательной формы женского рода *коленка* вместо старой севернорусской *коленко*, господствовавшей до этого времени. Например, у Лермонтова: «Я упёрся *коленкой* в дно» («Тамань»); у Л. Толстого: «Князь Василий сидел в зале, на *коленку* упирая локоть» («Война и мир»).

Ср. «Золотой луч солнца, скользнув мимо соломенной крыши, упадал на его *коленко*» (Лермонтов, «Вадим»).

«Был ранен, матушка, и под *коленком*, и пуля так странно прошла, что *коленка*-то самого не тронула, а по жиле прохватила» (Гоголь. «Женитьба»).

«Паншин пододвинул *коленком* стол» (Тургенев, «Дворянское гнездо»).

«Упаковывал, ухватив веревку и крепко упираясь *коленком*» (Фурманов. «Мятель»).

«В *коленко* вгрызается злая сольца» (С. Кирсанов, «Золушка»).

Гоголь так писал о связи русского литературного языка XIX в. с народными говорами в статье «В чём же наконец существо русской поэзии и в чём её особенность?». В русском языке «все тоны и оттенки, все переходы звуков от самых твёрдых до самых нежных и мягких; он беспределен и

[1] Любопытно, что в «Словаре Академии Российской» (IV, 200—201) была включена севернорусская форма, свойственная церковному диалекту: *памятцо*. В Академическом словаре 1847 г. уже находим вместо неё форму — «памятца» (т. II, 328). Ср. М. И. *Сухомлинов*. История Российской академии, в. VIII, стр. 392.

может, живой как жизнь, обогащаться ежеминутно, почерпая, с одной стороны, высокие слова из языка церковно-библейского, а с другой стороны, выбирая на выбор меткие названия из бесчисленных своих наречий, рассыпанных по нашим провинциям, имея возможность, таким образом, в одной и той же речи восходить до высоты, недоступной никакому другому языку, и опускаться до простоты, ощутительной осязанию непонятливейшего человека». В этом отношении замечается резкая разница между русским языком и таким высокоразвитым европейским языком, как язык французский.

Актёр и драматург П. А. Каратыгин, брат знаменитого трагического артиста, в первой половине XIX в. писал о русском языке: «Он не так окончательно обработан, как у французов, но зато так богат, что под пером талантливого писателя может быть лёгок, гибок и разнообразен до бесконечности» [1].

Французский литературный язык застывает в стройных и изящных, освящённых обычаем и временем и как бы окаменелых формах. Ф. Энгельс в письме к К. Марксу (от 29/XI 1873 г.) так оценивал отстоявшийся стандартный французский язык: «Возможность для писателя изящно выражать свои мысли покупается за счёт кастрации языка. На этом современном скованном правилами французском языке становится всё более невозможным высказывать мысли» [2]. Напротив, по справедливым наблюдениям А. С. Хомякова и других русских писателей, «в русском языке ничего или почти ничего осадочного или кристаллического: всё волнуется, дышит, живёт».

---

[1] П. А. Каратыгин, Записки, 1929, т. I, стр. 294.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., XXIV, 1931, стр. 423.

Реалистическая живописность, разнообразие экспрессивных красок, свобода выражения, широта стилистических вариаций сообщаются русскому языку его непрекращающимся взаимодействием с живой народной речью, с народными говорами. Ещё А. С. Хомяков сказал: «Язык, чтобы быть послушным и художественным орудием нашей мысли, должен быть не только частью нашего знания, но частью нашей жизни, частью нас самих»[1].

Между литературным выражением и народно-бытовым словом у нас не было непреодолимых преград, а с начала XIX в. всё уменьшается количество ограничений, особенно в сфере художественной речи. Достаточно в качестве иллюстрации сослаться на отношение к народному языку таких русских классиков, как Тургенев, Достоевский, Некрасов, Л. Толстой, А. Чехов, М. Горький.

Некрасов ловит всякое неизвестное ему народное слово. Он пишет Тургеневу (21/X 1852 г.) о своей охоте около Ленинграда: «В три мои поездки туда убил я поболе сотни белых и серых куропаток, не считая зайцев, — и услыхал одно новое слово, которое мне очень понравилось — п а м о р х а. Знаешь ли ты, что это такое? Это — мелкий, мелкий нерешительный дождь, сеющий как сквозь сито и бывающий летом. Он зовётся паморхой в отличие от изморози, идущей в пору более холодную. Это словцо Новгор. губ.»[2].

П. Д. Боборыкин заметил, что общение с народом придавало некрасовской манере говорить, бытовому, обиходному языку поэта безыскусственную оригинальность[3].

---

[1] А. С. Х о м я к о в, Полн. собр. соч., М., 1878, т. I, стр. 20; ср. также стр. 767.

[2] А. П ы п и н, Н. А. Некрасов, стр. 109—110.

[3] «Наблюдатель», 1878, № 6.

Г. И. Успенский вспоминал замечание Некрасова о поэме «Кому на Руси жить хорошо», что в ней должны были найти отражение все сведения о народе, «накопленные по словечку в течение 20 лет»[1].

Тем же живым интересом проникнуто отношение Некрасова к профессиональным диалектам рабочего люда, связанным с народным языком. П. М. Ковалевский передаёт такой разговор с Некрасовым по поводу употреблённого им выражения «освежать новичка»:

«— А что значит «освежать»? — полюбопытствовал я.

— Это, отец, хорошее слово. Я ему научился у нашего повара: когда он потрошит птицу, так говорит, что ее «освежает». Вот и мы тоже, когда потрошим горячего игрока, то говорим, что освежаем его»[2].

Некрасов внимательно следит за воспроизведением крестьянской речи в художественной литературе, восхищается «отличными мужиками» в «Артели» Писемского[3], отмечает «мелочные погрешности в народном языке» в «Письмах из провинции» П. В. Анненкова[4].

В письме В. П. Боткину от 16 сентября 1855 г. Некрасов, сопоставляя «Плотничью артель» Писемского с «Записками охотника» Тургенева, замечает: «У Писемского иногда больше меткости в языке, больше подслушанных у самого народа фраз, но у Тургенева всегда больше ума, не говоря

---

[1] Гл. Успенский, «Кому на Руси жить хорошо». Литературные приложения к «Пчеле», 1878. г.

[2] П. Ковалевский, Встречи на жизненном пути, стр. 442. См. Д. В. Григорович, Воспоминания, 1928, изд. «Academia».

[3] А. Пыпин, Н. А. Некрасов, стр. 136.

[4] «Анненков и его друзья», стр. 632.

уже о преимуществах второстепенных: вкусе, такте и т. п.».

Значение народной речи как основного источника обновления литературного языка, как неиссякаемого родника национальной оригинальности и самобытности так определено Г. И. Успенским: «Оригинальность и самобытность народной речи... делает эту речь и это народное слово совершенно свободным, не знающим никаких стеснений, особливо если дело идёт «промежду себя». Это преимущество народного разговора, важное само по себе, приобретает особенную важность и интерес ввиду того огромного материала, взятого непосредственно из жизни, который имеет в своём бесконтрольном распоряжении эта свободная народная мысль, выражающаяся в свободном слове».

Таким образом, сам влияя на народную речь, питая её новыми формами выражения, новыми идеями, русский литературный язык в то же время никогда не отрывался от корней народной мысли, народного словесного творчества.

Необходимо вспомнить, что и научный русский стиль создавался в тесном взаимодействии не только с старославянским языком, но и с живой народной речью, её говорами. В этом отношении очень показательна роль натуралистов, специалистов по естествознанию, в создании первого толкового словаря русского языка — «Словаря Академии Российской» (1789—1794), в котором проявился интерес русских учёных XVIII в. к народной — ботанической, зоологической, медицинской, промысловой и технической номенклатуре. Так, академик Лепёхин, объясняя «все слова, изъявляющие естественные произведения в отечестве нашем, также орудия, употребляемые в рыбных и звериных промыслах», широко

воспользовался для научной номенклатуры множеством народных названий [1]. Академик Озерецковский опирался на народные обозначения в работе над ботанической терминологией [2].

Астроном Иноходцев составил сборник областных слов, относящихся к ремёслам, промыслам, обрядам и обычаям в различных местностях России [3].

А. Н. Пыпин в своей «Истории русской этнографии» отметил эту огромную роль народного языка в формировании русской научной терминологии XVIII в.: «То обстоятельство, что законодательство в языке досталось здесь в руки натуралистов, было очень благоприятно для признания этого права народного языка. Как учёные исследователи, они приготовлены были предположить в языке известные требования и законы исторические, о которых иные из них и догадывались; в своих путешествиях они встречали подлинную народную жизнь, видели воочию богатство и разнообразие народной речи, и им естественно представлялась мысль, что это богатство не должно было лежать втуне и оставаться мёртвым капиталом, — напротив, оно должно стать общим достоянием, послужить обогащением для всего русского языка» [4]. И позднее даже плоды мировой научной мысли, результаты общечеловеческого опыта самостоятельно переводились на язык русского народного опыта, облекаясь прежде

---

[1] Акад. М. И. Сухомлинов, История Российской академии, в. II, стр. 483—514.

[2] Там же, стр. 280—293.

[3] История Российской академии, в. III, стр. 234, 243, 247 —251.

[4] А. Н. Пыпин, История русской этнографии, СПБ, 1890, т. I, стр. 184.

всего в кровь и плоть русского литературного языка, срастаясь с творческими достижениями самой русской мысли и деформируясь под их влиянием.

VI

Квинт-эссенцией народного языка является словесно-поэтическое творчество народа, фольклор. Устная народная словесность — кристаллизация семантики народного языка. Поэтому народная поэзия нередко рассматривается как воплощение основных тенденций системы народной речи, основных начал народного духа. Об этом так писал Н. Г. Чернышевский: «Существенные качества народной поэзии, достойной своего имени, очевидны из качеств народа, которому она принадлежит, из обстоятельств её происхождения и роли, какую играет она в народной жизни. Народная поэзия развивается только у народов энергических, свежих, полных кипучей жизни, искренности, достоинства и благородства. Поэтому она всегда полна свежего, энергического истинно-поэтического содержания. Она всегда возвышенна, целомудренна, если можно так выразиться, чиста, проникнута всеми началами прекрасного, которые вполне развиваются в человеке, правда, только цивилизацией, но которые, однакоже, лежат в сущности нашей нравственной организации, потому инстинктивно владычествуют человеком, если он не испорчен неблагоприятными обстоятельствами. Она принадлежит целому народу, потому чужда всякой мелочности и пустоты, которой в неиспорченном народе может поддаваться только отдельный человек, а не целая масса, она вообще полна жизни, энергии, простоты, искренности, дышит нравственным здоровьем, та-

ково её содержание, такова и форма её: проста, безыскусственна, благородна, энергична» [1].

Л. Н. Толстой считал, что язык, которым говорит народ, «есть лучший поэтический регулятор» [2].

Русская народная культура поражает своей целостностью, внутренним единством. К. С. Аксаков писал: «В русской земле (народе) единство во всех её проявлениях; всюду проводится то же начало и тот же образ: язык, одежда, общественное устройство, песня (содержание), музыка (напев), поэтическая речь (стих), сказка, пословица, шутка, обычаи, пляска, — одним словом, все проникнуто тем же духом. Чрезвычайно замечательны обычаи, где вся жизнь, не переходя в мир искусства, а оставаясь вполне жизнью, проникается духовным светом и мыслию, где слово также просветлено и становится поэтическим. Все разговоры, все действия, всё проникнуто значением высоким, внутренним смыслом жизни» [3].

Русская народная поэзия составляет гордость и украшение нашей литературы. Если письменной литературой мы присоединились к общему европейскому течению главным образом в XVIII в., то народной поэзией мы с древнейших времён соединены с самыми разноязычными народами мира.

Русский литературный язык на протяжении всей своей истории пользовался этим народно-поэтическим регулятором. Устная языческая словесность широким потоком влилась в древнерусский письменный язык ещё в период его

---

[1] Н. Г. Чернышевский, Полн. собр. соч., 1906, т. I, стр. 184.

[2] «Русские писатели о литературе», 1939, т. II, стр. 184.

[3] К. С. Аксаков, Полн. собр. соч., М., 1889, т. I, стр. 597—598.

формирования. Почти вся древнерусская письменность проникнута отражениями, отзвуками и языком старорусской эпики и лирики. В сказаниях, летописях, повестях и многих других видах древнерусского литературного творчества заключается огромное количество цельных произведений и фрагментов, непосредственно и посредственно восходящих к народной творческой стихии. Изучение, впрочем, далеко ещё не полное, этого материала обнаруживает целую цепь географических и хронологических этапов в развитии того, что мы условно называем народной словесностью.

Богатство и свежесть красок языка народной поэзии, сила её проникновения в древнюю литературу ярко обнаружились в поэтическом языке «Слова о полку Игореве». В XIV в. под напором книжно-славянской струи поток народно-поэтической речи несколько сузил свои пределы в русском письменном языке, во всяком случае, в его высоких стилях. Но даже в период феодальной раздробленности, когда на роль государственно-деловых языков отдельных княжеств претендовали поместно-территориальные диалекты, устная народная поэзия и её язык выступали как великая культурно объединяющая сила, как фактор национального сплочения. Именно в недрах устного народного творчества закладывался фундамент будущего национального языка. Стили народной поэзии (особенно былины, исторической песни, сказки, пословицы) были чужды местной, областной исключительности. Они развивались как общерусский народно-поэтический язык. Их усилившееся влияние на русский письменный язык в XVI—XVII и в начале XVIII в. было симптомом роста национального самосознания. Оно отражало напряжённый процесс образования общерусского национального языка.

Любопытно, что сборники пословиц и поговорок, идущие от XVII в., отражают в основном ещё до сих пор не выветрившийся, не вышедший из употребления фонд народной фразеологии. Это является доказательством того, что связь между системами общерусского языка на разных ступенях его развития, самая крепкая и жизненная, создаётся с помощью элементов и форм народной речи, народной поэзии. Словесное творчество народа служит непоколебимым и не подверженным разрушению фундаментом русского литературного языка.

«Пословицы и поговорки выражают мышление народной массы в полноте особенно поучительной». Они «образцово формируют весь жизненный социально-исторический опыт трудового народа» [1]. Народные сказки — «замечательно яркие образцы живописи словом»[2].

«Песни, сказки, былины, весьма простые, будут читать, пока будет русский язык», — сказал Л. Толстой [3].

Таким образом, язык народной поэзии был источником и опорой развития древнерусского языка. Он же стал основным цементирующим элементом в системе русского национального языка. Связь русской языковой культуры XVIII в. с фольклором общепризнана. Специфически-дворянская и тем более придворная культура была в России XVIII в. достоянием сравнительно небольшого слоя населения, окружённого морем народной стихии, — в искусстве — фольклора. Впрочем, и

---

[1] М. Горький, Литературно-критические статьи Гослитиздат, 1937, стр. 346.

[2] М. Горький, О литературе. Статьи и речи, «Советский писатель», 1937, стр. 361.

[3] П. И. Бирюков. Биография Л. Н. Толстого. изд. 3-е, 1923, т. II, стр. 63.

двор не терял вкуса к народной поэзии. «Сам Пётр, настойчивый ученик Европы, не стеснялся и никогда не скрывал своих московских привычек и вкусов: допускал к себе во дворец народную песню; есть известие, что при нём нередко певали свои «думы» бандуристы, которых особенно любила слушать царица Прасковья. В 1722 г. Пётр издал даже указ, которым разрешались «в храмовые праздники при монастырях и знатных приходах, по совершении литургии и крестного хождения, народные забавы для народного полирования, а не для какого безобразия» [1].

Не только деревня XVIII в. пела песни Московской Руси, но и купеческая молодёжь не искала иных форм проявления себя в слове, да и дворяне в большинстве не отказывались от старинного фольклорного ритуала ни при обряде свадьбы, ни в эстетических утехах.

Известный знаток и собиратель произведений народного творчества П. Бессонов так отзывался о роли народного языка и народной устной словесности в общественном обиходе XVIII в.: «Вся сфера русской жизни, особенно семейной и бытовой, оглашалась ещё народной песнью и переполнена была живейшими к ней интересами. В такой-то сфере питательными соками народного слова и творчества, по преданию или положительным данным, воспитаны были, между прочим, Потёмкин, Румянцев-Задунайский, Чернышев, Суворов, Державин, Дмитриев, Нелединский-Мелецкий, позднее Карамзин и др.»[2].

---

[1] Н. Трубицын, О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в., СПБ, 1912, стр. 3—4.

[2] П. Бессонов, О влиянии народного творчества на драмы имп. Екатерины, «Заря», 1870, IV, стр. 1—2.

Фольклор оставался в быту всех слоёв общества, более или менее признанный, в течение всего XVIII столетия. Близость к фольклору вносила характерные черты в облик русского классицизма, чуждые и классицизму Буало и Расина и немецкому классицизму Готшеда. Эта близость к стихии народной речи отразилась и в метком, остром реалистическом слове Фонвизина, и в неорганизованной никакими учёными канонами речи Державина со всеми её «неправильностями» с точки зрения школьной грамматики литературного языка дворянства, и даже в свободных рифмах его поэзии. «Само собой разумеется, что демократические и даже буржуазные течения русской литературы использовали фольклор сознательно — как национальное и демократическое искусство русского народа, как своё собственное искусство. В этом ряду стоит отношение к фольклору Радищева. Вообще же говоря, влияние, оказанное фольклором на все ответвления русской литературы XVIII в., свидетельствует об огромном удельном весе народной культуры. Колоссальные фонды этой народной культуры оказывались настолько мощны, что эта культура не только удерживала позиции под напором дворянских форм эстетического бытия, но и вела наступление на враждебные ей позиции» [1]. Даже «в обиходе высшего класса обеих столиц в первой трети XIX в. было ещё много старинного, близкого к непосредственно народному или, по крайней мере, напоминающему народное. Разрыва между в е р х а м и и н и з а м и в области навыков или обиход-

---

[1] А. Н. П ы п и н, История русской этнографии, СПБ, 1890, т. I, стр. 61 и след. Гр. Г у к о в с к и й, Очерки по истории литературы и общественной мысли XVIII в. Л., 1938, стр. 10—13.

ных стремлений и за это время не наблюдается»[1].

В «Петербургских записках» (1836) Гоголь так писал о живой народной русской песне и её значении в русском быту: «Покажите мне народ, у которого бы больше было песен. Наша Украина звенит песнями. По Волге, от верховьев до моря, на всей веренице влекущихся барок заливаются бурлацкие песни. Под песни рубятся из сосновых брёвен избы по всей Руси. Под песни мечутся из рук в руки кирпичи, и как грибы вырастают города. Под песни баб пеленается, женится и хоронится русский человек».

С эпохи Пушкина язык народной поэзии становится семантическим центром разных стилей литературной речи. «Во всех областях народного творчества, — писал академик В. Ф. Миллер, — мы видим у Пушкина добросовестное изучение подлинного народного достояния, нередко из первых рук, руководимое вполне сознательным убеждением в необходимости такого внимательного исследования народности»[2].

Стиль народной поэзии представляется Пушкину воплощением духа русского языка, тем бродильным началом национальности, которое несёт новую жизнь и движение в литературную речь. «Изучение старинных песен, сказок и т. п., —говорил Пушкин,— необходимо для совершенного знания свойств русского языка». В пушкинском языке была впервые найдена общенародная норма русского языка. После Пушкина русский литературный язык всё шире и разнообразнее использует

---

[1] Н. Трубицын, О народной поэзии в общественном и литературном обиходе первой трети XIX в., СПБ, 1912, стр. 23.

[2] Акад. В. Ф. Миллер, Пушкин как поэт-этнограф, стр. 32—33.

фонды народно-поэтической речи. Гоголь заявлял, что до 20—30-х годов XIX в. русская языковая культура «ещё не черпала из самой глубины» словесного творчества народа, из его песен и «многоочитых пословиц». Фольклор для Гоголя— «сокровище духа и характера народа», основа русского национального стиля. Недаром гоголевский стиль с его тяготением к живой народной речи, к крестьянскому языку, к областным диалектам, к разнообразным жаргонам городского просторечия, носивший на себе яркую печать демократизма, стал, наряду со стилем Пушкина, знаменем новой русской реалистической школы XIX в. Это погружение в глубину народно-поэтического языка особенно ярко сказалось в творчестве Некрасова, Л. Толстого и М. Горького.

Некрасов по преимуществу является истинным поэтом в тех случаях, когда он излагает народные темы народным говором («В дороге», «Зелёный шум», «Коробейники», «Влас», «Кому на Руси жить хорошо», «Крестьянские дети» и т. п.)[1]. «Некоторый пуризм, которого держались в отношении народной речи Кольцов и Никитин, был совершенно отброшен Некрасовым: он пустил её всю целиком в поэзию» [2].

Народность некрасовского стихового языка поразила современников. А. М. Скабичевский заявлял: «Если вы возьмёте его чисто народные произведения, то все они написаны таким простым и общепонятным языком, что всякий безграмотный простолюдин способен понять их и усвоить от слова до слова. Я говорю это не наобум: я сам на опыте имел случай убеждаться, что Некрасов делался любимейшим поэтом для совершенно

[1] С. А. Андреевский, Литературные очерки, СПБ, 1902, стр. 170.
[2] Там же, стр. 172.

неразвитых людей, услыхавших и прочитавших его стихотворения вроде «Огородника», «Тройки» или «Коробейников» [1].

Русская писательница А. Г. Степанова-Бородина писала в 70-х годах: «Кто из наших поэтов так глубоко прочувствовал и понял русский народ, кто искреннее и честнее относится к нему, кто думает его думами, говорит его языком, плачет его кровавыми слезами, кто как не певец родной земли? Ни одна народная книга, написанная со специальной целью поучать народ, не будет ему так понятна, как «Коробейники» и «Кому на Руси жить хорошо». А всё потому, что каждый крестьянин найдёт в них отголосок своих понятий и стремлений; всё потому, что он найдёт в них простое, безыскусственное человеческое чувство, переданное характерным и родным ему языком, всё потому, что поэт изучал народ наш и знает его, как никто» («Новое время», 1873, № 61).

Усердно изучая язык крестьянства, язык народной поэзии и придавая ему громадное общечеловеческое значение, Л. Н. Толстой не раз высказывал свой взгляд на отношение русской литературы и русского литературного языка к фольклору. В письме к Н. Н. Страхову от 3 марта 1872 г. он писал: «Заметили ли вы в наше время в мире русской поэзии связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: упадок поэтического творчества всякого рода — музыки, живописи, поэзии, и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода — музыки, живописи и поэзии? Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности. Последняя волна

[1] А. М. Скабичевский, Мысли по поводу текущей литературы, «Биржевые ведомости», 1878, № 6.

поэтическая — парабола была при Пушкине на высшей точке, потом Лермонтов, Гоголь, мы, грешные, и ушла под землю. Другая линия пошла в изучение народа и выплывет, бог даст... Счастливы те, кто будет участвовать в её выплывании»[1].

А. И. Эртель так писал (от 24 сентября 1885 г.) Толстому о народном языке и о том стиле литературного языка, каким надо писать для народа: «Какие у меня средства в руках, чтобы писать для народа? В его языке, пожалуй, не ошибусь, тем более, что полагаю — его язык не есть «говор» или какое-то особливое «арго», а просто язык общероссийский, взятый в своих основах, очищенный от «литературной окраски» [2].

М. Горький оценивал фольклор как высшую и наиболее полноценную форму художественного творчества: «В простоте слова, — писал он, — самая великая мудрость, пословицы и песни всегда кратки, а ума и чувства в них на целые книги» [3].

«В народном творчестве сокрыты беспредельные богатства. Только тут можно изучить родной язык, а он у нас богат и славен» [4].

Глубина горьковского проникновения в язык и дух народной русской поэзии выражается в том, что сам Горький в совершенстве владел стилями устного народного творчества. Он сам создавал подлинно народные произведения, и специалисты-фольклористы тщетно разыскивали их источники. Проф. В. А. Строев-Десницкий рассказывает:

---

[1] Письма Л. Н. Толстого, 1848—1909. Под ред. П. А. Сергеенко, стр. 97—98.

[2] Письма А. И. Эртеля, М., 1909, стр. 55.

[3] М. Горький, Материалы и исследования, т. I, Изд. Академии наук, Л., 1934, стр. 114.

[4] Н. К. Пиксанов, Горький о фольклоре, «Советский фольклор», 1936, № 2—3, стр. 338.

«Я спрашивал Алексея Максимовича, в каком отношении к памятникам народного творчества находятся многочисленные фольклорные нити, которыми ярко пронизана цветная ткань большинства, если не всех, его произведений.

В ряде произведений, особенно в автобиографических повестях («Детство», «В людях»), даны цельные законченные вещи — песни, духовные стихи, и всюду — пословицы. Откуда они?

Указал ему на смущение специалистов-фольклористов, которые перерыли безрезультатно все сборники в поисках «первоисточника» и склонялись к выводу, что в лице М. Горького они имеют нового собирателя и хранителя сокровищ народного творчества, что он дал «записи» до сих пор неизвестных произведений или новых вариантов.

— Не совсем это так, — добродушно улыбаясь, разъяснил Алексей Максимович. — Верно, я записывал; были целые тетрадки, а потом тетрадки затерялись, да и не хранил их...

Народность творчества М. Горького не в том, что он включал в свои произведения подлинные народные песни, сказки, пословицы, — на основе народной он создавал свои, возводя их на более высокую ступень сознания и мастерства»[1].

VII

Развитие национального языка сопровождается укреплением и расширением в его системе интернациональных средств выражения. В. И. Ленин указал в качестве одной из основных исторических тенденций развивающегося капитализма на

[1] В. Десницкий, М. Горький, Л., 1940, стр. 54.

«ломку национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.» [1].

В «Манифесте коммунистической партии» этот международный обмен в области духовного производства изображается так: «Плоды умственной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся теперь всё более и более невозможными, и из многих национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература» [2]. Рядом с обиходной бытовой лексикой на национальных языках складывается интернациональная терминология науки и культуры, в основном одинаковая у всех европейских народов и примыкающая к античной латино-греческой языковой традиции.

Русский язык, как один из самых богатых и мощных языков мира, заключает в своём составе несколько десятков тысяч заимствованных слов. Конечно, разнообразнее и глубже всего связь русского языка именно с международной системой европейских языков. Тут у русского языка особенно много общего и в словарном фонде и в конструктивных формах.

Есть особые «странствующие слова», которые обходят все европейские страны, проникая во все языки и обозначая, как вехи, пути культурного развития [3]. Сюда относится терминология военной техники (батальон, бригада, атака и т. п.), морского судостроительства и снаряжения, де-

---

[1] Ленин В. И., Сочинения, т. XVII. Ст. «Критические заметки по национальному вопросу», стр. 140.

[2] К. Маркс, Сочинения, т. V, стр. 487.

[3] В. М. Жирмунский, Национальный язык и социальные диалекты, 1936, стр. 174 и след.

нежного хозяйства и кредита (банк, баланс, миллион и т. п.), административного управления (директор, бухгалтер и т. п.), железнодорожного дела (вагон — англ. waggon, рельсы — англ. rails, трамвай — англ. tramway и т. п.), светского этикета, предметов моды и роскоши, кулинарии, спорта, явлений художества и политики, разных отраслей промышленности и техники, разных сфер науки и т. д.

Этот общий словесный фонд мировой цивилизации, складывавшийся, главным образом, на основе античных языков — греческого и латинского, пополнялся разноязычными элементами. В него внесли свой вклад в разной мере и в разных областях все остальные европейские языки, особенно итальянский, французский, английский, в меньшей степени — немецкий. Но за последние десятилетия и особенно после Октябрьской социалистической революции наиболее активным очагом международных языковых влияний становится русский язык, государственный язык Советского Союза. Он несёт всему человечеству идеологические влияния социалистической революции, из него входят в интернациональную мировую сокровищницу термины и выражения, в которых воплощается новый мир быта и мышления, формирующийся на основе марксистско-ленинской идеологии в процессе развития новых, невиданных ещё человечеством форм общественной жизни.

В речи на торжественном заседании Московского совета, посвящённом годовщине III Интернационала, Ленин говорил: «Несмотря на то, что мы называемся партией коммунистической, что название «коммунист» является научным, общеевропейским, оно в Европе и других странах меньше распространено, чем слово «большевик». Наше русское слово «Совет» — одно из самых

распространённых, оно даже не переводится на другие языки, а везде произносится по-русски»[1].

Точно так же слово «стахановец» вошло в языки всего мира. «Для него нет равнозначного слова в иностранных словарях, потому что нет равнозначного понятия в капиталистическом мире» («Правда», 1940, № 328, от 26 ноября. Статья «Ценить фактор времени в работе»).

Кроме советских слов, непосредственно заимствуемых разными языками мира в русской языковой форме, ещё больше распространяются по всему миру такие словесные образования, которые служат для обозначения новых предметов и понятий, созданных социалистической революцией, и представляют собой кальки, точные морфологические снимки наших советских выражений, например, ударник — Stossarbeiter или Udarnik, англ. Shoc-worker, французск. ouvrier de choc, социалистическое соревнование — немецк. Sozialistischer Wettbewerb, английск. — socialiste competition, французск. émulation socialiste и т. п. Этот метод усвоения и перевода советских понятий широко применяется и за пределами европейской языковой системы. Так, ещё в 1933 г. «Правда» (7/X, стр. 4, в рецензии на китайский перевод доклада И. В. Сталина «Итоги первой пятилетки») указывала, что «многие революционные политические термины приобрели мировую популярность среди китайских трудящихся масс», «вросли в китайскую разговорную речь, в китайскую письменность» (например, такие понятия марксизма-ленинизма, как «пролетарская власть» по-китайски — у ч а н д з и е д з и г э м и н, «со-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, т. XXV, стр. 72.

ветская власть» — по-китайски — «с у в е й а й-д ж е н ц и ю а н ь» и др. подобные).

Особенно большое место занимают такие интернациональные «советизмы» в языках народов СССР, принимающих непосредственное участие в социалистическом строительстве.

«Будучи результатом коллективного опыта революционной перестройки общественных отношений и сознания людей, они отражают в национальной языковой форме интернациональное содержание новой, социалистической, культуры» [1].

Всесторонне осваивая интернациональные языковые сокровища мировой культуры, сам русский язык в XIX в. и в начале XX в., особенно активно после Октябрьской Социалистической революции, стал поставщиком новых идей и выражений мировой общественной жизни и культуры в сокровищницу будущего языка всего человечества.

Этим значением источника — резервуара новых творческих возможностей, этой ролью социалистического воспитателя отнюдь не исчерпывается глубокая самобытность русского языка в его отношениях к иностранным языкам.

Занимая промежуточное географическое положение между языками Европы и Азии, окружённый языками разных ветвей и систем, русский язык на протяжении своей истории обогащался самыми разнородными языковыми элементами, но всегда сохранял все существенные признаки славянской языковой системы.

Создаваясь в условиях многовекового обмена

---

[1] В. М. Ж и р м у н с к и й, Национальный язык и социальные диалекты, стр. 184—185.

духовными ценностями с народами финской, монгольской, тюркской и многих других ветвей, пользуясь достижениями византийской и западной культуры, русский язык вбирал в себя разнообразнейшие элементы человеческой мудрости, рождённой столкновением Запада и Востока. Щедро делясь всем, что в нём было славянского, русский язык обогатил себя оригинальным опытом научно-практической и поэтической восприимчивости, каким отличалось всё многоплеменное иноязычие на безграничных пространствах русской земли. Русский язык захватывал в свой кругооборот множество чужих слов с их музыкой, с их своеобразием значений и представлений, всё это перерабатывая на свой лад. Ещё в период дописьменного своего бытия русский язык пережил процессы разнообразного смешения и скрещивания с языками народов Восточной Европы и Азии. Богатый запас художественных средств выражения, выработанный восточно-славянской народной поэзией и легко пополняемый ею, обогащался влиянием литературного языка, который в свою очередь питался соками не только византийской, славяно-болгарской и западноевропейской, т. е. латинской книжной культуры, но и живых течений разноязычной речи народов Востока и Запада.

Однако русский язык не был ассимилирован ни тюркскими, ни финскими, ни германскими языками. Он не воспользовался их оборотами, конструкциями, хотя брал от них необходимые слова. Французский лингвист Gauthiot доказывал, что влиянием угро-финских языков объясняется устойчивость и распространённость в русском языке чисто именных предложений типа: «дома новы, но предрассудки стары», «завтрак готов» («Mémoires de la société de linguistique de Paris», t. XV,

p. 225). Но это указание невероятно. Оно не обосновано.

«Влияние финских и других племён, не вымерших, а поглощённых русскими, на образование русской народности не подлежит сомнению, но указания на частные случаи этого влияния, кроме некоторых лексикологических заимствований, большею частью ложны. Так, мнение, что великорусские племена со стороны языка своим существованием обязаны влиянию финнов, остаётся ложным, так как при нынешних средствах языкознания в грамматическом строе великорусских наречий не может быть открыто никаких посторонних влияний» [1]. Древнейшие соприкосновения восточных славян с готами, иранцами, гуннами, хозарами, литовцами и скандинавами не изменили хоть сколько-нибудь существенно восточно-славянского строя [2].

Громадная цивилизующая и ассимилирующая сила русского племени особенно рельефно обнаружилась в полном языковом и культурно-бытовом поглощении им скандинавских или варяжских конунгов и дружин ещё в X—XI вв. Характерно, что самое этническое имя варягов «уже в XII в. совсем исчезло из литературного употребления» и отголоски его сохраняются лишь в областных крестьянских говорах [3].

---

[1] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 182.

[2] В. И. Ламанский, Об историческом изучении греко-славянского языка в Европе, СПБ, 1871, стр. 308—309.

[3] Акад. А. А. Шахматов, Древнейшие судьбы русского племени, 1919, стр. 47. Ср. И. Е. Забелин, История русской жизни, т. II, стр. 68. Ср. Даль, Толковый словарь, под словом варяг. Ср. также А. Г. Пре-

Очень небольшое количество скандинавизмов вошло в русскую официально-деловую и бытовую речь. В московском государственном языке осталось только несколько слов, как след древних культурно-политических связей: крюк, ларь, ларец, ябеда, клеймо и некоторые другие.

Период татарского владычества также не привёл к ломке русской языковой системы. Но этот период не прошёл бесследно для самой татарской культуры. Прекратившееся движение татар на запад, образование золотоордынского царства, а затем и ряда других татарских царств, естественно пришедшая оседлость, хотя бы и в преобладании оригинальных форм хозяйства (скотоводчество), накопление материальных богатств, связь с иноземными центрами, вообще «мировые» задачи, возникшие перед татарским племенем, многие другие причины и отношения вызывали общение татарской и русской культур. Понятно, что вторжение татар в пределы русского племени не могло не отразиться отрицательно на развитии русской культуры и русского языка. Однако и тут сказалась глубокая самостоятельность русского народа. Он воспринял лишь определённые стороны материальной культуры татар. Это обнаруживается и в языке. Достаточно сказать, что русское слово таможня ведёт своё начало от татарской тамги (тамга — клеймо, пошлина). Рядом со своими у нас существовали и татарские меры веса, например, ансырь в 128 золотников, в конце XVI в. сравнявшийся с нашим фунтом в 96 золотников, или батман в 10 пудов, специально называвшийся казанским весом (существовал и полубатман

образженский Этимологический словарь русского языка, т. I, стр. 66—67.

в 5 пудов). Исследование русских одежд, утвари и оружия говорит об освоении доставляемых татарами предметов текстильного и металлического производства (ср. басманные кожаные изделия: басма — узорчатый чеканный металлический лист — получила широкое распространение по полям икон с XV—XVI вв.). От Востока и, в частности, татар русские восприняли з и п у н ы (зибун — узкая домашняя одежда до колен), к о л п а к и (высокие меховые шапки), б я з ь (бумажная ткань), наконец, б а ш м а к и. Самое слово кинжал или, как говорили в древности, к о н ч а р, является исковерканным татарским х а н д ж а р.

Таким образом, струя тюркских элементов в составе русского языка оказалась более широкой, чем варяжская. Она охватывала область управления, денежное хозяйство, финансовую сферу (т а м г а, т а м о ж н я, д е н ь г и, я м, откуда позднейшее: я м щ и к, а л т ы н, к а б а к, к а б а л а и др.), названия одежды, утвари (б а ш м а к, к а б л у к, к о л п а к), снаряжения (к о л ч а н) и коннозаводческое дело (название лошадиных мастей).

Но эти тюркизмы всасывались в русский язык веками.

Академик В. Ф. Миллер писал о тюркизмах в составе древнерусского языка: «Быть может, и многие слова, которые считаются татарскими, ещё раньше татар проникли в русский язык, ибо, если слово в письменных памятниках появляется в XIV—XV вв., то это ещё не значит, чтоб оно не существовало раньше. Оно просто случайно могло не быть употреблено в дошедших до нас памятниках письменности. Такое сомнение может быть высказано относительно очень многих русских слов тюркского происхождения, кото-

рых хронология для нас не ясна. Можно, например, указать ряд русских слов, которых оригинал находится в половецком словаре, но нельзя при этом утверждать, что эти слова взяты нами у половцев, а не у татар, таковы: алтын, алмаз, аркан, казна, казначей, камыш, вьюк, торба, толмач, шатёр, чепрак, сундук, сычуг, базар, башмак, бурав, булат и др.»[1].

Так уже в древнейший период истории русского языка начали определяться методы взаимодействий русского языка с другими языками. Русский язык, будучи, по выражению Пушкина, «переимчивым и общежительным в своих отношениях к чужим языкам», воспринимал от них лишь необходимые слова и выражения, приспособляя их к потребностям русской жизни. Внутренний строй русского языка развивался самостоятельно и не поддавался ассимиляции с чужими языками. Более глубоким было воздействие на русский язык греко-византийского языка. Это влияние осуществлялось и непосредственно и при посредстве старославянского языка. Оно сыграло огромную роль в истории русской культуры. Это был мощный импульс к быстрому и всестороннему культурному развитию, полученный могучими и свежими восточно-славянскими языками от богатой греко-византийской цивилизации, уже имевшей за собой сложную культурную традицию.

Благодаря единению с старославянским языком молодой русский литературный язык оказался способным охватить, воспринять и само-

---

[1] Всеволод Миллер, Экскурсы в область русского народного эпоса, I—VIII, 1892, стр. 214.

стоятельно переработать во всей широте, во всём разнообразии сокровища греческой языковой культуры. В этом отношении ему нет параллелей в истории западноевропейских языков.

Русский книжный язык на заре своей исторической жизни вырабатывает очень богатый словарь отвлечённых понятий и научных терминов, сложные конструктивные формы синтаксиса. Вместе с тем он оказывается необыкновенно разнообразным в средствах художественного выражения. «В церковно-славянском языковом облике русской литературы была передана пышная образность библейских книг, в значительной мере своими корнями уходящая в фольклор народов древнего Востока; через византийских церковных ораторов и их болгарских подражателей на русскую почву была пересажена изысканная риторика античной литературы, своеобразие приёмов которой сохранялось и в переводе» [1].

Таким образом, ещё в древний период своей истории русский язык приобрёл ту национальную самобытность и творческую силу, которые навсегда предохранили его от опасности разрыва с народной речью. Поэтому даже в период наибольшего увлечения верхов русского общества западноевропейской цивилизацией в XVIII в. национальные основы русской языковой системы остались не только не поколебленными, но и не замутнёнными. Только небольшой слой общества, состоящий из царского двора, бюрократической верхушки и космополитической консервативно настроенной аристократии, ока-

---

[1] «История русской литературы», т. I, Изд. Академии наук, 1941, стр. 44.

зался далёким от русской речи и чуждым ей. В других сферах тесное соприкосновение и даже скрещение русской языковой системы с системами западноевропейских языков привело лишь к обогащению русской отвлечённой лексики, научной терминологии и поэтической фразеологии. «В этом смешении было сильное, здоровое зерно,—заметил ещё академик А. Н. Пыпин, — этот язык служил живому делу, которое становилось государственным делом великого народа, его новизны не были повторением из вторых или третьих рук чужих понятий, а были выражением жизненного факта, результатом приобретаемого свежего реального знания. Формы тогдашнего языка указывали путь, каким с этих пор предстояло развиться русской речи; в основу должен был стать язык жизни, язык народной деятельности; в него должны были войти новые приобретения, которые дала наука в её многоразличных отраслях, с её практикой и теорией. С этого возбуждения, данного новым образовательным содержанием, собственно и началось первое полное проявление всего богатства и жизненности русского языка» [1]. Достаточно сослаться на ту поистине грандиозную работу, которая была проделана русскими учёными XVIII в. по созданию национального русского научного языка, располагающего необходимым фондом интернациональной терминологии, но имеющего под собою широкую базу живой народной речи. Академик М. И. Сухомлинов в «Истории Российской академии» писал: «Русские академики от Ломоносова до Севергина составляли учебники и руководства на русском языке, читали публичные

---

[1] А. Н. Пыпин, История русской этнографии, т. I, стр. 165.

лекции, помещали научные общедоступные статьи в повремённых изданиях и т. д. Членам Академии наук и Российской академии принадлежит честь создания и усовершенствования русской научной терминологии. Благодаря их усилиям наука впервые заговорила у нас на родном языке — событие в высшей степени важное не только в истории русского литературного языка, но и в истории русской образованности вообще. В литературе всех просвещённых народов считается эпохою введение родного языка в область науки»[1].

Известно, что в этом процессе формирования национальной русской терминологии, отвлечённой лексики, общественно-бытового и социально-политического словаря значительную роль сыграло тесное сближение русского языка с языком французским — «ясным и точным языком прозы, языком мыслей», как характеризовал его Пушкин.

«Галлолюбие или французомания не враждебны правильному развитию русской речи. Французский язык, своею точностью, ясностью, логическими оборотами речи, может служить хорошим курсом и преподаванием для правильного образования слога и на другом языке. Влияние немецкого языка и немецкой фразеологии там, где оно у нас встречается, оказывается вредным. Немцы любят бродить и отыскивать себе дорогу в тумане и в извилинах перепутанного лабиринта. Тёмная фраза для немца находка, головоломная гимнастика вообще немцу понутру. Французы любят или любили ясный день и прямую, большую

---

[1] М. И. Сухомлинов, История Российской академии, в. IV, стр. 2—5.

дорогу. Русской речи также нужны ясность и столбовая дорога»[1].

В истории европейской буржуазной культуры французскому языку выпала миссия — выработать значительно большую, сравнительно с другими западноевропейскими языками, сумму идей, понятий и представлений, в среде которых двигалась и развивалась жизнь европейца. В XVII в., в царствование Людовика XIV, французский язык сделался общим языком западноевропейской аристократии и шире — западноевропейской интеллигенции. Вместе с тем он стал международным дипломатическим языком. Таким образом, на определённой стадии развития европейской культуры французский язык был как бы воплощением и высшим выражением европеизма. Сближение русского языка с французским с середины XVIII в. и до 20—40-х годов XIX в. сыграло большую роль в истории русской речевой культуры. Аналитические приёмы выражения и различения отвлечённых понятий и их оттенков, тонкая диференциация значений, относящихся к явлениям внутренней психической жизни, тщательно обработанные лексика и фразеология светского общежития — вот что было влиятельно и заманчиво во французском языке.

В истории русской литературно-речевой культуры связь и соприкосновение с французской речевой культурой выразились в заимствовании довольно скромного запаса слов, оборотов, значений и определений. Но зато русским язы-

---

[1] П. А. Вяземский, Старая записная книжка. Сочинения, т. VIII, стр. 487.

ком в конце XVIII—в начале XIX в. был воспринят от французов и самостоятельно переработан самый метод ограничения и диференцирования понятий и их оттенков. Достаточно сослаться на семантическую историю таких слов, как тонкий, утонченность, острый, живой, влечение, развлечение, рассеяние, рассеянный, чувствительность, состояние, положение, расположение, вкус, умеренность, умеренный, влияние, склонность, наклонность, развитие, участие, сдержанность, сдержанный, честь, достоинство, человечность, бесчеловечный, предмет, вещь, личность и т. п.

Однако оценка значения этой европейской прививки к русскому языку была, несомненно, преувеличена среди западнически настроенной русской интеллигенции с 40-х годов XIX в.

Подражательность подражательности рознь. Не всякое постороннее влияние обезличивает народ и его язык. Освоение приёмов творческого выражения, свойственных чужому языку, позаимствование от него некоторых понятий и оттенков нередко отвечают глубоким внутренним потребностям самого воспринимающего языка и свидетельствуют об ускорении его внутреннего роста.

«Можно принять за правило, по крайней мере для нового времени, — писал А. А. Потебня, — что расцвету самостоятельного народного творчества в науке и поэзии всегда предшествуют периоды подражательности, предполагающие более или менее теоретическое или практическое, более или менее глубокое и распространённое знание иностранных языков; что, соразмерно с увеличением количества хороших переводов, увеличивается в народе запас сил, которые рано или

поздно найдут себе выход в более своеобразном творчестве»[1].

«То, что с одной точки кажется изменою известным началам, с другой — представляется лишь их развитием, ибо развитие здесь есть лишь другая сторона предыдущего момента»[2].

На протяжении своей истории русский язык с необычайной широтой и свободой пользовался словами и выражениями чужих языков, погружая их в русскую национальную стихию и ассимилируя с ней. При этом метод национального освоения европеизмов, выработавшийся в XVIII в. и усовершенствованный Карамзиным, подвергается решительному преобразованию в языке Пушкина и других писателей XIX в., когда определилась норма общерусского национального языка. Заимствования сразу же проходят теперь через внутреннее испытание духом русского языка. Они оцениваются с точки зрения семантических норм общерусского языка. Пушкинская реформа пресекает немотивированное проникновение в русский язык калькированных слов — понятий и выражений, как это было нередко в XVIII в. (например, строить куры, дева красоты, вместо красивая девушка, на дружеской ноге, и т. п.). Наличие прочных национальных основ литературной речи решительно изменяло самые принципы заимствований европеизмов. Образование литературно-языковой нормы устраняло всякие опасности наводнения иностранных слов. Рецензируя «Карманный словарь иностранных слов» Кириллова (Петрашевского), Белинский писал:

---

[1] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 177.

[2] Там же, стр. 182.

«Создатель и властитель языка — народ, общество... Общество не примет, например, «*побудки*» вместо *инстинкта*, «сверкальцев» вместо *алмазов* и *бриллиантов*». Но, с другой стороны, галломаны писали «ондируется», «имажинация», и эти нелепости не удержались. Страж чистоты языка — дух народа». «Все народы меняются словами и занимают их друг у друга». «Как бы в награду за понятие, рождённое народом, переходит к другим народам и слово, выражающее это понятие» [1].

«Взаимное влияние народов есть лишь взаимное возбуждение» (Потебня). Национальные языки, несмотря на объединяющий их мощный фонд международных средств языкового выражения, представляют собою глубоко различные системы приёмов мышления. Но «язык не есть только известная система приёмов познания, как и познание не обособлено от других сторон человеческой жизни. Познаваемое действует на нас эстетически и нравственно. Язык есть вместе путь сознания эстетических и нравственных идеалов, и в этом отношении различие языков не менее важно, чем относительность познания» [2].

Интересно то обстоятельство, что русский литературный язык, в XVII в. и в первой половине XVIII в. едва справлявшийся с переводами, к началу XIX в. приобретает способность выражения самых разнообразных понятий, настроений и музыкальных впечатлений, идущих от всех литератур и языков мира. При этом даже поэты второстепенного значения оказывались превосходными пере-

---

[1] В. Г. Белинский, Сочинения, М., 1876, ч. 10, стр. 85—86.

[2] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, глава «Язык и народность», стр. 167.

водчиками. Не только такие гении русского слова, как Жуковский, Пушкин, Лермонтов, но и такие поэты, как Гнедич, Слепцов, Козлов, Плещеев, Михайлов, Мей, Гербель, Курочкин, Минаев, значительно раздвинули перед умственными взорами русского читателя перспективы мировой поэзии. В отдельных случаях переводы оказывались гораздо лучше оригиналов. Русские переводчики XIX и XX вв. (такие, как Курочкин, гениально пересадивший Беранже на русскую почву, как М. И. Михайлов, переводчик Гейне, как Брюсов, М. Л. Лозинский и др.) показали, до какой высоты может дойти техника русского стихотворного перевода, как богат русский язык разными оттенками. Русская литература и русский язык как бы вместили в себя художественные ценности целого мира.

В русском языке XIX в. центр тяжести в вопросе о заимствовании переместился из области общелитературной и бытовой фразеологии в сферу общественно-политической и научно-философской лексики. Белинский, Добролюбов, Чернышевский, сближая журнально-публицистический стиль с языком передовой науки и философии, в то же время содействуют обогащению интеллигентского словаря отвлечёнными понятиями и научными терминами, нередко заимствованными. Белинский призывал к переносу в самый простой разговор таких слов, как *субъект*, *объект*, *индивидуум*, *индивидуальный*, *абсолютный*, *субстанция*, *конкретный*, *универсальный*, *абстрактный*, *категория*, *рациональный*, *рационализм*, *индиферентизм*, *специальный* и т. п. Искусственные преграды между литературным языком и научно-технической и общественно-философской терминологией и фразеологией постепенно устраняются.

К началу XX в. русский язык не только осваивает весь живой фонд интернациональной лексики, но и активно сам пополняет его новообразованиями. Именно об этих интернациональных словах Ф. Энгельс писал: «Ведь необходимые иностранные слова, в большинстве случаев представляющие общепринятые научно-технические термины, не были бы необходимыми, если бы они поддавались переводу. Значит, перевод только искажает смысл; вместо того, чтобы разъяснить, он вносит путаницу» [1].

Вместе с тем русский язык послепушкинской эпохи становится настолько обработанным и богатым, что свободно довольствуется собственными ресурсами не только для национального творчества в самых разнообразных областях быта, науки, техники и литературы, но и при освоении завоеваний западноевропейской мысли. Русский интеллигент второй половины XIX в., выведенный Тургеневым в лице Потугина в романе «Дым», так характеризует этот процесс самостоятельного переваривания русским языком понятий, воспринимаемых со стороны:

«Понятия привились и освоились, чужие формы постепенно испарились, язык в собственных недрах нашёл, чем их заменить, и теперь ваш покорный слуга, стилист весьма посредственный, берётся перевести любую страницу из Гегеля... — не употребив ни одного неславянского слова».

Своеобразной чертой русского языка в его отношении к другим языкам является самостоятельное развитие тех понятий, которые воспринимались им от античных и западноевропейских языков. Богатство конструктивных средств русского

---

[1] Ф. Энгельс, Развитие социализма от утопии к науке, Политиздат, при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 8.

языка сказывалось в том, что наряду с заимствованиями русский язык употреблял и однородные слова, образованные по их образцу из собственных элементов. Например, положительный — позитивный; отрицательный — негативный; переворот — революция; развитие — эволюция; пакт — договор; аморальный — безнравственный; мораль — этика — нравственность и т. п.

Можно заметить также, что русский язык в оценке и отборе заимствований занимает совершенно самостоятельную позицию среди европейских языков. Так, английский язык, перегруженный синонимами, скоро выходящими из употребления, с чрезвычайной лёгкостью пополняет их из своего обычного источника — латыни и из случайных источников —других иностранных языков. Он, так сказать, живёт больше чужим добром, чем своим собственным. Французский язык также, по отзыву Ж. Вандриеса, «пожалуй, слишком усердно усваивает новые слова, хотя старые, ещё совершенно годные, достаточны для выражения мысли» [1]. Он падок на моду и новизну.

Немецкий язык гораздо реже прибегает к заимствованиям. Он националистически сторонится их, удовлетворяя свои лексические потребности богатством словарных расхождений своих диалектов и легко увеличивая число своих слов посредством словосложения.

Русский язык обнаруживает больше свободы в отношении иностранных слов, чем немецкий; он «переимчивее и общительнее» его (говоря словами Пушкина), и вместе с тем он шире и изобретательнее использует свои природные национальные ресурсы, чем языки французский и английский.

---

[1] Ж. Вандриес, Язык, русский перевод, 1934, стр. 213.

Сила сопротивления национальной речевой стихии всем внешним иноязычным натискам зависит не только от жизненных свойств народа и условий его исторического развития, но и от крепости языковой связи между разными его группами. Национальная своеобразность русского языка стиралась бы лишь в том случае, если бы общение русского народа с другими возрастало в большей прогрессии, чем внутренняя связь всех его элементов в пределах нации.

«Особенность и своеобразность народов существует не наперекор их взаимному влиянию, а так, что возбуждение со стороны меньше того, какое получается изнутри, является одним из главных условий, благоприятствующих развитию народа... Взаимное возбуждение народов предполагает не ассимиляцию, а лишь взаимное приспособление, которое можно сравнить с тем, какое возникает между цветами, питающими насекомых, и насекомыми, содействующими оплодотворению цветов»[1].

И. С. Тургенев, доказывая, что русский язык и русская культура не могут быть стерты или повреждены влиянием романо-германского мира, шутливо заметил: «Нас хоть в семи водах мой, — нашей русской сути из нас не вывести».

VIII

«Язык, по самой природе своей, есть орудие общения. Литература — расцвет языка, его наибольшая полнота, — есть великое о б щ е с т в е н н о е дело», — сказал В. Г. Короленко[2].

---

[1] А. А. П о т е б н я, Из записок по теории словесности, стр. 180.

[2] И. В. К о р о л е н к о, Письма, Гослитиздат, 1936, т. III, стр. 169.

Могучему расцвету русского языка со второй половины XVIII в. и особенно в XIX в. способствовало быстрое, ослепительное по блеску талантов развитие стилей художественной и публицистической речи, имевших громадное влияние на общелитературный язык.

Творчество Пушкина устанавливает грань между языком старой и новой России. В языке Пушкина ярко обозначилась общенациональная норма нового русского литературного языка. «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа», — сказал Гоголь. «В нём русская природа, русская душа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла». По словам Тургенева, «русское творчество и русская восприимчивость стройно слились в великолепном языке» Пушкина, «не говоря уже о мужественной прелести, силе и ясности его языка, — эта прямодушная правда, отсутствие лжи и фразы, простота, эта откровенность и честность ощущений — всё это хорошие черты хороших русских людей поражают в творениях Пушкина не одних нас, его соотечественников, а тех из иноземцев, которым он стал доступен».

В стиле Пушкина был произведён отбор выразительных средств русского языка, осуществлён синтез всех жизнеспособных элементов старой русской речевой культуры и указаны пути дальнейшего —свободного и широкого демократического— развития стилей национального русского языка [1]. Вместе с тем язык Пушкина представлял собой своеобразную квинт-эссенцию национального рус-

[1] См. мою книгу «Стиль Пушкина», 1941

ского словесного искусства, русского поэтического стиля.

«Каждое слово в поэтическом произведении,— писал В. Г. Белинский, — должно до того исчерпывать всё значение требуемого мыслию целого произведения, чтоб видно было, что нет в языке другого слова, которое тут могло бы заменить его. Пушкин и в этом отношении величайший образец: во всех томах его произведений едва ли можно найти хоть одно сколько-нибудь неточное или изысканное выражение, даже слово»[1].

Являясь высшим воплощением национально-русской художественной нормы, словесное искусство Пушкина так же народно, как народны пословицы, песни, сказки, былины. «Пушкин — знамя, точка соединения всех жаждущих образования и развития, потому что он наиболее художествен, чем все наши поэты, следовательно, наиболее прост, наиболее пленителен, наиболее понятен. Тем-то он и народный поэт, что всем понятен» [2].

Белинский сказал: «Писать о Пушкине — значит писать о целой русской литературе: ибо как прежние писатели русские объясняют Пушкина, так Пушкин объясняет последовавших за ним писателей» [3].

В стиле Пушкина все разнородные элементы русского языка пришли в гармоническое согласие. Разложив стиль Пушкина при помощи научных реактивов, мы откроем в нём много составных стихий, много разноместных, разнодиалектных, разностильных наслоений. Однако разнообра-

---

[1] В. Г. Белинский, Сочинения, под ред. С. А. Венгерова, 1903, т. VI, стр. 61.

[2] Ф. М. Достоевский, Сочинения, Гиз, 1930, т. XIII, стр. 74.

[3] В. Г. Белинский, Сочинения, М., 1874, ч. 8, стр. 102.

зие составных частей не подрывает художественного единства целого, а, наоборот, ещё более оттеняет его.

В стиле Пушкина русский язык показал свою способность оригинально отражать и самостоятельно перерабатывать художественные достижения всей мировой литературы. В творчестве Пушкина нашли отголосок и самобытное истолкование стили всех крупнейших поэтов Запада и Востока. Об этом хорошо сказал академик Н. А. Котляревский: «Мы проходим курс международного университета, но долго на его скамьях не засиживаемся и быстро приступаем к самостоятельной работе. На нашем искусстве, нашей литературе, науке и критике это легко проверить. Пушкин был прообразом этой черты нашей даровитости. Учителями его были художники всех веков. Нет ни одного великого имени в мире поэтического творчества, которое бы он не произнёс, имея о нём своё суждение. Он сделал больше: он своё имя приписал к их списку. Сколько иноземных мотивов, которые под его пером стали русскими вариациями на мировые темы, русским толкованием мирового текста!» [1]

Только великий поэт мог обнаружить такую смелость и свободу в перечеканке иноземной монеты на русскую. Жизнь и творчество Пушкина стали для многих символом русского национального духа. Гений писателя отождествился с гением России. Это сближение вызывалось и тем, что Пушкин был горячим патриотом. Его патриотизм становился воинствующим, когда что-нибудь затрагивало национальную честь России, русской культуры и русского языка.

---

[1] Н. Котляревский, Пушкин и Россия, 1922, стр. 14. Ср. также мою книгу «Стиль Пушкина».

Когда П. А. Вяземский в своей работе о Фонвизине обрушился с упрёками на Фонвизина за его нападки на французских писателей, Пушкин нашёл эти упрёки несправедливыми и непатриотическими. Пушкин как-то инстинктивно страдал, когда задевались достоинства русского языка. Он любил русский язык как великий национальный русский поэт, как создатель русской национальной литературы. Так, около 1826 г. Вяземский говорил Пушкину, что наш язык беден рифмами. Поэт глубоко обиделся на это. «Оскорбление русскому языку принял он за оскорбление, лично ему нанесённое». По словам А. И. Тургенева, Пушкин «думал, что без патриотизма нельзя быть поэтом».

Патриотическое одушевление русской литературы XIX в. ярче всего выразилось во всё углубляющейся народности её языка, в её бережном отношении к тем самостоятельным началам национального словесно-художественного творчества, которые обозначились в предшествующей культуре русского слова. Об этом свидетельствует уже напряжённый характер борьбы между архаистами и новаторами по вопросам языка и стиля в первой четверти XIX в. В этом же убеждает и самое решение вопроса о роли русской литературно-языковой традиции в новой системе русского литературного языка, решение, отразившееся в творчестве Батюшкова, Жуковского и особенно широко в творчестве И. А. Крылова, Грибоедова, Пушкина, Лермонтова и Гоголя.

Русская литература XIX в. и её язык напряжённо вбирают в себя всё выразительное и ценное из предшествующих языковых и стилистических систем. И этот процесс отбора — при богатстве и свежести нового языкового материала — протекал в начале XIX в. так быстро и интен-

сивно, что у поверхностного наблюдателя исторических изменений может возникнуть впечатление разрыва между старым литературным языком и новым. Обычно эту грань находят или в языковой реформе Пушкина на рубеже 10—20-х годов XIX в., или несколько ранее, в стилистических преобразованиях Карамзина. Между тем это общее впечатление очень обманчиво. В нём заключается лишь та доля истины, что стремительный рост русской литературы и национально-русского языка XIX в., эволюция, расширение и изменение системы литературных стилей, обогащение её элементами устной, народной речи были связаны с быстрыми и резкими изменениями художественного и лингвистического вкуса русского общества. Но литература и письменность предшествующих эпох, их язык и стиль только с 40—50 годов XIX столетия стали казаться старомодными, примитивными и лишёнными современной остроты. В этом отношении наблюдается крупное различие между историей русского и, например, историей французского языков. Об этом хорошо сказал академик Л. В. Щерба:

«Французская революция XVIII в. хотя и внесла в (французский) язык XIX в. очень много нового, однако не создала непроходимой грани между произведениями XVII и XVIII вв., с одной стороны, и произведениями XIX и XX вв., с другой, в смысле их понятности.

И сейчас ещё французская молодёжь воспитывается на классической литературе, на Мольере, Расине, Лафонтене и других великих писателях XVII в. Я не говорю уже о писателях XVIII в., Руссо, Вольтере, Бомарше и других, которых читаем и мы и которые занимают почётное место во французской языковой сокровищнице. Наша актуальная литература начинается лишь с XIX в.,

но мы читаем и кое-что из XVIII в. и безусловно в какой-либо мере приобщаемся к народному творчеству в виде былин, сказок, песен и т. п. Однако мы должны помнить, что ещё в XVIII в. жива была сокровищница нашей древней литературы, накопление которой началось ещё в IX в. и которая наполнена всем тем, что имела греческая литература и культура того времени.

Мы утратили эту сокровищницу в том смысле, что перестали читать нашу древнюю литературу,— и это более чем естественно. Однако наша современная сокровищница успела вобрать в себя из старой всё ценное, и хотя сама она и начинается только с XIX в., но начинается не с нуля, как в этом легко убедиться хотя бы на Пушкине» [1].

Можно сказать, что в русском литературном языке с начала XIX в., наряду с беспримерным обогащением и расширением активного фонда средств выражения, происходит и накопление архивного фонда общерусского языка. Этот архивный фонд при первой необходимости мобилизуется для создания тех или иных стилистических и экспрессивных эффектов в кругу ли жанров художественной литературы, например, в историческом романе, в исторической повести или драме, в пределах ли публицистической или научной исторической литературы. Достаточно сослаться на широкое использование старорусского и церковно-славянского словаря в исторических драмах Островского, в повествовательной прозе Лескова, в сатирическом стиле Салтыкова-Щедрина, в научном языке В. О. Ключевского. «Чем богаче прошедшее литературы и обширнее пользование им, тем, при равенстве прочего,

---

[1] Л. В. Щерба, Литературный язык и пути его развития, «Советская педагогика», 1942, № 3—4, стр. 50—51.

разнообразнее могут быть новые произведения»[1].

Итак, в области языка, так же как и в других сферах культуры, развитие русского народа в XIX—XX вв. поражает необычайными и неожиданными темпами движения. За двести лет—такой ничтожный срок! — от московской Руси до социалистической революции и в сто лет от письмовника Курганова до «Войны и мира» и «Братьев Карамазовых»[2].

Русский литературный язык со второй половины XVIII в. стремительно проходит сложный путь развития. Пушкинская реформа русского литературного языка произвела синтез всех жизнеспособных элементов предшествующей речевой культуры. В послепушкинскую эпоху протекает невиданный по темпу и интенсивности в истории других языков процесс расширения границ литературного языка, объединяющего и обобщающего самые разнообразные виды устной и письменной речи. А этому процессу сопутствует столь же напряжённый процесс стилистического расслоения и семантического (смыслового) обогащения русского литературного языка.

Литературный язык тем совершеннее, чем богаче и шире его сокровищница. Сокровищница выразительных средств русского языка, возраставшая с поразительной быстротой, восхищала всех своей свежестью, эмоциональной силой, глубоким разнообразием своих красок, своего содержания. Она свидетельствовала о юных, неизрасходованных творческих силах русской нации, вступив-

---

[1] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 147.

[2] Н. Котляревский, Пушкин и Россия, 1922, стр. 12.

шей в высшую фазу своего духовного роста. Этот быстрый внутренний рост русского народа, выразившийся в расширении и углублении значений слов, в рождении массы новых смысловых оттенков, в появлении новых фразеологических оборотов и словосочетаний, в образовании новых слов, в развитии грамматических категорий, в диференциации стилей, в создании новых стилистических контекстов и т. п., сопровождался столь же стремительным отмиранием многих старых, обветшавших языковых форм. Но отмирание старого, ставшего ненужным и даже вредным, ничего в системе живых средств языка не разрушает. Более того: переходя в архивный фонд языка, оно потенциально существует в его границах и остаётся в его сокровищнице. Например, А. И. Герцен, изображая контраст Петербурга и Москвы николаевского времени, прибегает для характеристики Петербурга к европеизированному петербургскому стилю первой половины XVIII в.:

«Петербург как едукованный юноша, афишировал решпект и атенцию Москве, окружал её знаком величайшего внимания; а она, как добрая русская помещица, готовая всех угостить и послать всякие гостинцы, любила иногда пожурить Петербург так, как бабушки журят внучат-юнкеров, приезжающих в отпуск, зачем трубки курят и постных дней не соблюдают».

Точно так же старославянская и более поздняя русская церковно-славянская и основанная на ней канцелярская лексика и фразеология не выбрасываются из арсенала выразительных средств русского языка, а используются как стилистический резерв. Они придают языку русской художественной литературы необычайное богатство экспрессив-

ных красок. Сфера торжественного, патетического стиля и область иронии — с тонкими переливами её тонов и оттенков — особенно богаты в русском языке благодаря церковно-славянскому наследству и его новому, идеологически оправданному применению. В этом легко убедиться, вникая в стиль таких произведений, как «Мёртвые души» Гоголя, «История одного города» Салтыкова-Щедрина, «Запечатленный ангел» Н. С. Лескова или «Матвей Кожемякин» А. М. Горького.

В русской литературе XIX в. обогащение национальной сокровищницы языковых средств происходило самыми разнообразными способами. Возникают новые слова и обороты, расширяющие и обогащающие состав языка (например, *творчество*, *содержательный*, *мракобесие*, *мракобес*, *впечатлительный*, *разновидность*, *мировоззрение*, *самодеятельность*, *причинность*, *суть* в значении имени существительного, *крепостник*, *крепостничество*, *собственник* и т. п.). Заимствуются выражения и способы выражения из чужих языков. Особенно интенсивны процессы освоения интернациональной и отвлечённой лексики (*экспансивный*, *эмоция*, *идеализм*, *реализм*, *социализм*, *интеллект*, *интеллигенция*, *интеллектуальный*, *юмор*, *пролетарий*, *гуманизм*, *гуманность* и т. д.).

Ведь всякая мысль, всякое изображение и, совершенно наравне с ними, всякое слово, выражающее новые, расширяющие круг общественного сознания понятия и представления, являются общим достоянием, где бы и у кого бы они ни появились. Великий народ, не имеющий охоты замыкаться в национальной исключительности, обязан ими овладеть и усвоить их. Глубина и полнота

освоения русским языком XIX в. этого мирового фонда культурных слов, терминов и выражений достойны удивления. Развиваются и усложняются конструкции, формы синтаксического построения. Литературный язык захватывает в свою орбиту всё больше и больше слов, оборотов, конструкций из разных говоров устной речи, из разных её профессиональных диалектов, из разных арго и специальных языков. Но, главное, всё разностороннее, всё тоньше разрабатывается система значений общерусского словаря, всё разнообразнее и сложнее становится гамма стилистических оттенков слов. «Мы встречаемся тут с весьма любопытным фактом: с наложением, так сказать, новых граней на подвижной состав языка, на его термины, чтобы отразить в них всякий новый оттенок, всякое новое движение в мыслях и представлениях, в чувствованиях и отношениях развивающейся и усложняющейся жизни. Перед нашим воображением таким образом рисуется удивительная картина: язык представляется нам в виде огромной коллекции многогранных светящихся предметов (т. е. терминов), вращающихся в нём и оборачивающих к нашему умственному взору различные грани, в которых искрится, отражается и переливается бесконечное разнообразие психической жизни и внешнего быта» [1]. Мысль свободно распоряжается материалом языка и находит с помощью его богатых средств новые комбинации идей и представлений, выражая их в разнообразии оборотов речи.

Различные области жизни, различные идеологические функции, различная среда и различные цели накладывают на манеру словесного выраже-

---

[1] П. Хохряков, Язык и психология, Казань, 1889, стр. 5.

ния свой отпечаток, создают своеобразные типы речи, своеобразные стили.

С эпохи Пушкина, когда была окончательно сдана в архив истории старая система трёх стилей — высокого, среднего и простого, характерная для развития русского языка, начиная с XVI в., происходит напряжённая стилистическая диференциация русского литературного языка. Она была органически связана с расширением его пределов. Толковые словари русского языка XIX и XX вв. недостаточно полно и точно отражают это стилистическое расслоение и стилистическое богатство русского языка, выражающееся в наличии множества параллельных, синонимических средств и способов для выражения одного и того же понятия. Однако и в толковых словарях русского языка можно найти несколько десятков стилистических помет, обозначающих различия в кругах употребления тех или иных слов и выражений и в их экспрессивных оттенках. Вот несколько иллюстраций к мысли о стилевом разнообразии русского языка, опирающемся на богатый фонд славянизмов и на разнообразные средства устной народной речи с её областными говорами, профессиональными делениями и жаргонами.

1) Русский язык необыкновенно богат синонимами. Самые разнородные по своему происхождению элементы собираются в синонимические серии (например, очаровательный, обаятельный, обворожительный). Обилие синонимов ведёт к поразительному разнообразию красок, стилистических оттенков как в области конкретных значений, так и в сфере отвлечённых понятий.

Процесс образования синонимов из слов разного происхождения можно наблюдать в истории

выражений — **подоплёка**, **подкладка** и **изнанка**.

Слово **подоплёка** в современном русском языке употребляется, главным образом, в значении: действительная, но скрытая основа, причина чего-нибудь (каких-нибудь действий, событий). Например, социальная подоплёка, вскрыть подоплёку дипломатических интриг и т. п. Это значение и употребление сложилось не раньше второй половины XIX в. Первоначальное значение слова **подоплёка** связывает его с областью крестьянской речи: «Подоплёка — подкладка на крестьянской рубахе на спине и груди» [1].

В таком значении это слово и бытовало в русской разговорной речи до середины XIX в., когда

---

[1] А. **Мотовилов**, Симбирская молвь. К материалам для изучения областных наречий русского языка. СПБ, 1888, стр. 27. Ср. «Толковый словарь», В. И. Даля, изд. 3, т. III, стр. 494. В «Толковом словаре» В. И. Даля: «Подопле(ё)ка ж., подоплечье ср. подкладка, подбой у крестьянской рубахи, от плеч по спине и груди, до полпояса. **Знает одна грудь да подоплека**, заветная, задушевная тайна. **Знают горе мое одна грудь да подоплека**, люди не понимают, не заботятся о нем. **Своя подоплека к сердцу ближе. Виноват, так знай грудь да подоплека. Не ручайся и за свою подоплеку.** Тверск. крестьянский рабочий кафтан, подбитый до пояса холстом». В «Словаре Академии Российской» читаем: «Подоплёка, ки, с. ж. 1 скл. Подоплечье, чья, с. ср. 2 скл. В простонар. У крестьянских рубах холщёвая подкладка, «спереди и сзади от ворота до пояса бывающая» (ч. IV, стр. 1310). Ср. в «Опыте областного великорусского словаря» (1852): «Крестьянский кафтан, покрытый холстом до пояса. Тверск. Новоторж». (стр. 164).

Любопытно, что в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. при слове **подоплёка** повторено определение «Словаря Академии Российской», но устранена стилистическая квалификация этого слова как простонародного (2 изд., 1868, т. III, стр. 564).

с тем же значением оно попало и в язык художественной реалистической литературы.

У Н. А. Некрасова:

Бумажки сторублёвые
Домой под подоплёкою
Нетронуты несут.

Кроме прямого, номинативного, значения, которое спорадически применялось лишь отдельными писателями при изображении крестьянского обихода, слово **подоплёка** было широко известно русскому литературному языку в народно-поэтической поговорке: «Про то знает только грудь да подоплёка». Эта поговорка отмечена уже «Академическим словарём церковно-славянского и русского языка» (1847), так объясняющим её значение: «Существует скрытная или тайная печаль» (2 изд., 1868, т. III, стр. 564). У В. И. Даля в повести «Отец с сыном»: «Вар у сердца мне Миша этот, вот что. Знают одна грудь да подоплёка, чего он мне стоит»[1]. Ср. у Мельникова-Печерского в романе «На горах»: «Но про злобу ту знали только грудь её да подоплёка» («На горах», ч. I, гл. 2). У Островского это выражение употреблено в драме «Кузьма Захарыч Минин»:

Я на мирскую нужду не жалею,
Уж только знает грудь да подоплёка,
Как мне легко.

Салтыков-Щедрин в очерке «Дети Москвы» писал: «Сколько было по этому случаю выпито водки — про то знает только грудь да подоплёка». У И. И. Железнова в повести «Василий Струняшев» (1854—1887): «Всё это видели, дивились...

[1] В. И. Даль, Полн. собр. соч., т. I, стр. 112.

но причины не знали, не ведали; знала, ведала только грудь да подоплёка Лари. Запала в сердце зазнобушка, полюбил он, видите, красную девушку» («Уральцы», 1888, т. II, стр. 120)[1]. В 40-х годах XIX в. в слове подоплёка развивается переносное значение: изнанка, внутренняя, скрытая основа чего-нибудь. Семантической параллелью может служить переход значений в слове подкладка (ср. подкладка событий, подкладка происшествия). Ср. у Салтыкова-Щедрина в «Отголосках»: «Это... дело душевное... Это, так сказать, наша подоплёка».

Точно так же слово подкладка до середины XIX в. сохраняло свои прямые, конкретные значения. В «Словаре Академии Российской» оно определяется так: «1) Вещь, подкладываемая подо что-нибудь. Подкладка деревянная под половицы. Подкладка из бумаги. 2) Подбой, ткань какая-нибудь, под испод платья подшиваемая. Подбить платье шёлковою, гарусною подкладкою. Кафтан без подкладки»[2]. Те же значения указываются и в «Академическом словаре» 1847 г.[3]. С некоторым изменением формулировки те же значения могут быть отмечены и в современном употреблении этого слова: а) Материал, подшитый к внутренней, не лицевой поверхности одежды, домашней вещи. Пальто на шёлковой подкладке. Подкладка одеяла.

---

[1] Ср. В. И. Даль, Полн. собр. соч., т. I, стр. 154. У Даля в повести «Отец с сыном» в речи купца слово подоплёка метонимически употреблено вместо слова рубашка в значении — своё добро: «А вот оно что! — закричал Гребнев: — Дорого! Небось — и тебе своя подоплёка ближе чужой!»

[2] «Словарь Академии Российской», 1822, ч. IV, стр. 1274—1275.

[3] «Словарь церковно-славянского и русского языка», 2 изд., 1867—1868, т. III, стр. 545.

б) Предмет, подложенный подо что-нибудь для опоры (спец.). Рельсовая подкладка [1].

В половине XIX в. слово **подкладка** приобретает переносное значение: скрытая основа, суть чего-нибудь, подоплёка. Ср. в письме А. И. Эртеля М. М. Стасюлевичу (10 дек. 1880 г.): «Мне всегда кажется, что «Мирович» и «Потёмкин на Дунае» и другие исторические повести Данилевского... ну без подкладки что ли (извините за термин, относящийся до портняжного ремесла)» [2]. У А. Ф. Писемского в «Мещанах»: «Бывают случаи, что люди, знающие хорошо подкладку дела, сейчас же продают свои паи и продают очень высоко... а люди, не ведающие того, покупают их и потом плачутся». У Салтыкова-Щедрина в «Круглом годе»: «В последние двадцать пять лет чувство человечности... сделалось как бы естественной подкладкой общественных порываний и отношений» («1 мая»). «Поликсена Ивановна слушала этот разговор и, кажется, даже радовалась, но, немного погодя, спохватилась и даже тут усмотрела какую-то «политическую подкладку»[3]. У Н. И. Пирогова в «Дневнике старого врача» (1779—1881): «Я знаю, что моё мировоззрение не имеет той фактической подкладки, которая в наше время требуется от всякого серьёзного размышления» (Соч. Н. И. Пирогова, т. II, стр. 76). У М. А. Антоновича в статье «Из воспоминаний о Н. А. Некрасове»: «Добролюбов в глазах литераторов, сверстников и друзей Некрасова был мальчишкой, не имевшим солидной подготовки и подклад-

---

[1] «Словарь русского языка», под редакцией Д. Н. Ушакова, т. III, стр. 391.

[2] «М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке», СПБ. 1913, т. V, стр. 512.

[3] М. И. Михельсон, Русская мысль и речь, ч. 2, стр. 54—55.

ки и умевшим скрывать их заносчивостью и самоуверенностью» («Шестидесятые годы». Воспоминания М. А. Антоновича, 1933, стр. 188).

В том же синонимическом кругу оказывается и слово изнанка, которое также до 30—40 годов XIX в. только означало внутреннюю, обратную сторону (ткани, одежды), противоположную лицевой [1]. Но в 30—40-х годах XIX в. и это слово приобретает переносное значение: скрытая сторона события, явления, подоплёка [2]. Однако в слове изнанка ярко выступал отрицательный оттенок: скрытая, закулисная и, следовательно, тёмная, теневая, не заслуживающая одобрения, положительной оценки сторона явления. Для безусловного обозначения этой отрицательной стороны явлений в русском литературном языке второй половины XVIII в. употреблялось переведённое с французского выражение: оборотная сторона медали (revers de la medaille). Например, у П. А. Каратыгина в «Записках»: «Отдавая справедливость полезной деятельности покойного Александра Михайловича (Гедеонова) в продолжение первых годов его управления театрами, та же справедливость обязывает меня показать и оборотную сторону медали» (1929, т. I, стр. 16).

2) Слова кара, карать носят яркий отпечаток книжно-поэтического и официально-юридического стиля. Этот стилистический оттенок придаёт своеобразную окраску их значению и употреблению. От синонима наказание (за проступок, преступления) слово кара отличается своим книжно-торжественным ореолом

---

[1] См. напр. «Словарь церковно-славянского и русского языка», 2 изд., 1867—1868, т. II, стр. 243.

[2] Ср. «Толковый словарь» В. И. Даля, т. II, стр. 25.

и фразеологическими контекстами своего употребления. Например, у И. С. Тургенева в стиле «Иродиады»: «Если ты будешь притеснять его, тебя постигнет кара». У Батюшкова в «Послании к Д. В. Дашкову» (1812):

Мой друг, я видел море зла
И неба мстительного кары,
Врагов неистовых дела,
Войну и гибельны пожары.

У Пушкина в «Полтаве»:

Но в искушеньях долгой кары,
Перетерпев судеб удары,
Окрепла Русь.

Те же стилистические оттенки ярко выступают и в употреблении глагола карать (нейтральный синоним его — наказывать). Ср. карать тюремным заключеньем («Закон карает взяточничество»).

У Кольцова в «Вопле страдания» (1840):

Напрасно я молю святое провиденье
Отвесть удар карающей судьбы.

У Пушкина в стихотворении «К друзьям»:

Тому, кого карает явно,
Он втайне милости творит.

У Некрасова в стихотворении «Блажен незлобивый поэт»:

Питая ненавистью грудь,
Уста вооружив сатирой,
Проходит он тернистый путь
С своей карающею лирой.

3) Каламбурное сопоставление лексики разных стилей остро использовано А. И. Левитовым при изображении толков нищих, ожидающих подачки от богатой купчихи, в очерке «Московские нищие на поминках»: «Вдруг у окна показалась сама хозяйка. Она подошла, вероятно, с тем намерением, чтобы обозреть число нищих и смекнуть: по скольку примерно следует раздавать из предназначенной суммы. Мужчины все поскидали шапки, а женщины кланялись.

— Вот поклоняемся-то золотому тельцу, — сказал нищий в халате.

— И не тельцу! — подхватил взрослый мальчик.

— То бишь, тёлке! — спохватился, улыбаясь, прежний.

— И не тёлке!

— Кому же?

— Корове холмогорской! — сказал, смеясь, мальчик. — Смотри-ка, ишь её распучило: видно, что жирно ест».

4) Иллюстрацией к синонимическому употреблению подчёркнуто разнородных стилистических рядов могут служить и такие фразы из шутливого письма А. П. Чехова к Плещееву: «Простите, что так долго не писал вам. В леностн житие мое иждих, опихся, без ума смеяхся, объедохся, или, выражаясь более выспренно, был малодушно погружён в заботы суетного света, ничего не делал и никому не писал»[1].

Стилистическая квалификация слова в значительной мере зависит от его идеологического наполнения, от его экспрессивной окраски и сферы социального бытования. Изменения в смысловой структуре слова почти всегда отражаются и на

---

[1] Письма А. П. Чехова. т. II, стр. 434.

его стилистическом употреблении. Новые значения и оттенки значений вводят слово в новые семантические ряды и в новые стилистические контексты. Завязываются иные стилистические связи слова. Его стилистические функции или расширяются, или решительно преобразуются.

Таким образом, в русском литературном языке XIX в. происходит напряжённый процесс сплочения и объединения всех жизнеспособных элементов предшествующей русской культуры и вместе с тем процесс созидания новых форм выражения, новых категорий языка. Живые соки прошлого как бы сгущаются, концентрируются, и такой своеобразной эссенцией, очищенной от архаического и мёртвого языкового груза, они вливаются в язык Пушкина и в стили последующей литературы. Обветшалое заменяется живым, народным. Устная речь и устная поэзия широким потоком врываются в литературный язык. Без этих творческих элементов «откуда взялось бы их сосредоточие в Пушкине, Гоголе и последующих романистах? Откуда быть грозе, если в воздухе нет электричества? Даже более: поэтические стихии языка даже и не могут существовать только в виде элементов. Сила сберегается только трудом. Должны были быть и поэтические произведения, но лишь в других сферах. Расцвет поэзии (т. е. письменной) есть результат известной степени взаимодействия до того различных течений мысли»[1]. Растущая демократизация литературной речи усиливает яркость её экспрессивных и стилистических красок, расширяет область значений и оттенков, содействует конкретности, прочности, значительности её образов. Ибо «всё,

---

[1] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, Харьков, 1908, стр. 116.

что суживает круг наблюдаемых явлений, делает одностороннее точки зрения, ограничивает средства выражения, ведёт к падению искусства»[1].

В языке художественной литературы XIX в. послепушкинского периода, находившейся в полном контакте и взаимодействии со стилями публицистики и науки, происходит творческая переплавка, объединение и мощное движение самых разнообразных форм речи — книжной, научно-деловой и устно-народной. В произведениях публицистической и художественной литературы выковывались выразительные формы русского литературного языка, кристаллизовалось идеологическое его своеобразие, оформлялись разные типы мировоззрения. «Русская литература, — писал М. Горький в очерке «О современности» (1912), — была очень сильна своим демократизмом, своим страстным стремлением к решению задач социального бытия, проповедью человечности, песнями в честь свободы, глубоким интересом к жизни народа, целомудренным отношением к женщине, упорными поисками всеобщей, всеосвещающей правды». Великие русские писатели, по словам Горького, «воплощают дух народа с наибольшей красой, силой и полнотой»[2].

Язык художественной литературы шире и свободнее, чем общий разговорный и письменный язык, вбирал в себя живые средства выражения, слова и значения, фразеологические элементы из разных социальных диалектов. Например, в XIX в. язык рабочего класса более разно-

---

[1] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, Харьков, 1908, стр. 117.

[2] М. Горький, Материалы и исследования, под редакцией В. А. Десницкого, Изд. Академии наук, 1934, т. 1, стр. 68.

образно входил в разные стили передовой реалистической литературы, чем в общую норму буржуазного литературного языка. Таким образом, язык русской художественной литературы содействовал полноте охвата живой народной речи, её разных диалектов и стилей в системе литературного языка. Здесь же происходила напряжённая культурная переработка сырого материала народной речи, как на это указывал и М. Горький. Героический характер русского народа, его идеалы, его борьба нашли своё высшее выражение в героическом характере русской литературы, в её богатом языке.

«От художественного произведения, которое ставит целью своей изобразить скрытые в фактах смыслы социальной жизни во всей их значительности, полноте и ясности, требуется чёткий, точный язык, тщательно отобранные слова. Именно таким языком писали «классики», вырабатывая его постепенно, в течение столетий. Это подлинно литературный язык, хотя его черпали из речевого языка трудовых масс, он резко отличается от своего первоисточника, потому что, изображая описательно, он откидывает из речевой стихии всё случайное, временное и непрочное, капризное, фонетически искажённое, не совпадающее по различным причинам с основным «духом» (т. е. строем) общеплеменного (т. е. общенационального) языка»[1].

В этой поразительной быстроте развития русского языка в XIX и XX вв., в этом свежем разнообразии его стилей кроется одна из причин его яркой оригинальности, его индивидуально-национальной своеобычности. Слишком глубока колея национальной самостоятельности, проры-

---

[1] М. Горький, О литературе, М., 1937, стр. 313.

тая русским народом, чтобы русский язык мог выйти из неё и пойти по чужой дороге. Ему не грозит опасность денационализации. «Чем архаичнее язык народа, чем менее резкие перевороты в нём совершаются в течение времени, отделяющего его от начала, тем более возможна для него денационализация»[1]. Она состоит в таком навязанном извне преобразовании народной жизни, при котором традиция народа, заключённая главным образом в его языке, или вовсе прерывается или крайне ослабляется. История русского языка не знает таких потрясений и отрывов его от народной почвы. Русский язык, будучи восприимчив к достижениям иных языков, становится лишь многограннее и национально колоритнее от своих новых приобретений.

Вместе с тем язык русской художественной литературы XIX—XX вв. активнее всего содействует развитию «интернационала духа», как выражался Горький. Он подготовляет путь будущему великому единству «общечеловеческого языка». «Я считал бы, — писал М. Горький, — что необходимо всюду, где является эта возможность, указывать на взаимные влияния романского, англо-саксонского и славянского творчества. XIX век достаточно насыщен фактом идеологических и формальных связей в области духовной жизни, и эти связи необходимо ценить очень высоко, — может быть, они являются началом того великого единства, последствия которого хотя и трудно представить себе, но во всяком случае они будут благостны» [2].

Развитию и осложнению смысловой системы

---

[1] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 178.

[2] М. Горький, Материалы и исследования, Изд. Академии наук, стр. 258.

русского языка, его всемирному значению много содействовала широта охвата разных стилей культуры и быта, свойственная русской литературе XIX в. Недаром К. С. Аксаков заметил: «Русская история имеет значение всемирной исповеди» [1]. И тот же публицист, историк и филолог, говоря о широте и свободе отражения всемирной действительности в русской культуре, выразился так: «Русский народ... это — человечество; народом является он от того, что обставлен (т. е. окружён) народами с исключительно народным смыслом, и человечество является в нём потому народностью» [2].

Стиль русской литературы XIX—XX вв. воплощает и отражает те же черты и свойства, что и другие стороны русской национальной культуры, поражающей мир своим своеобразием и своим новым оригинальным содержанием, но не чуждающейся никаких иностранных и иноязычных достижений.

Мировой роли русского языка как языка международного, по мнению акад. В. И. Ламанского, содействует и то обстоятельство, что «начала единства и разнообразия, силы центростремительная и центробежная в мире греко-славянском находятся в совершенно ином сочетании, чем в мире романо-германском»[3], западноевропейском. Там происходит соперничество великих держав и, по крайней мере, пяти языков, претендующих на мировое значение — французского, английского, немецкого, итальянского и испанского. В Во-

---

[1] К. С. Аксаков, Полн. собр. соч., М., 1889, т. I, стр. 592.

[2] Там же, М., 1889, т. I, стр. 597.

[3] В. И. Ламанский, Об изучении греко-славянского мира в Европе, стр. 49.

сточной Европе (а также в Северной и Средней Азии — до границ Китая) господствует могущественный и богатый язык русский, государственный язык великого советского государства, занимающего одну шестую часть света. Для всех народов Советского Союза орудием взаимной связи и культурного общения является главным образом русский язык.

С стремительным ростом русской культуры и гражданственности, с усилением влияния русской художественной литературы, с увеличением международного веса советского государства знание русского языка все более и более распространяется не только среди народов Восточной Европы и Северной и Средней Азии, но проникает на запад — в Европу и в страны Америки, на юг и восток — в Азиатскую Турцию, Персию, Китай и Японию.

Правда, развитие русского научного языка до второй половины XIX в. несколько отставало в своих темпах от интенсивного роста стилей художественной литературы. В буржуазной западноевропейской науке середины XIX в. раздавались даже призывы ограничить сферу научной мысли четырьмя языками — английским, французским, немецким и итальянским. Это стремление к утверждению империалистического господства избранных державных языков маскировалось указаниями на необходимость единой интернациональной науки, углублением специализации. Казалось невозможным иначе следить за научной литературой на всех языках. «В эти дурные времена, — писал известный лингвист М. Мюллер (профессор в Оксфорде, уроженец Германии), — когда становится уже мало, что человек может читать немецкие, английские, французские, итальянские, испанские, португальские, ново-

греческие, шведские и голландские книги, но когда уже напускаются на несчастного учёного за то, что он не прочёл или не может прочесть доставленной ему книги по своей специальности, написанной на русском, польском, мадьярском, финском, румынском или сербском, даже на санскритском, бенгальском, даже индусском языке, — в эти времена показалось мне уместным закричать: «Караул!»[1]. М. Мюллер напоминал, что в средние века «великий европейский учёный парламент за lingua franca (т. е. общеевропейский язык) принимал всегда латинский, на котором мог быть повсюду выслушан всякий, кто хотел, чтобы его читали лучшие люди своего времени». М. Мюллер знает, что такое положение невозвратимо, и все же он, в силу научного эгоизма, в силу национального эгоизма учёного европейца, мечтал о том времени, «когда учёные книги не будут печататься ни на одном языке, кроме четырёх всемирных».

«Было время, когда латинский язык был lingua franca духа. Это время миновало, и теперь на месте мёртвого языка стоят в Европе четыре живые, — английский, французский, немецкий и итальянский, из коих любой может быть выбран народом, вступающим на мировую арену.

Всякий учёный, философ, политик, желающий участвовать в общем разговоре, должен свободно говорить и писать на одном из этих языков, как всякий образованный должен понимать их все. Кто станет сомневаться, что рядом с этой всемирной литературой попрежнему будет процветать родная поэзия, что мы из года в год будем получать в изобилии румынские песни, сербские баллады, датские трагедии, нижненемецкие рас-

---

[1] «Deutsche Rundschau», 1881, № 11.

сказы, русские повести. Но мировых языков, у которых есть прошедшее и есть будущность, в Европе только четыре».

Нарядившись в тогу мнимого научного объективизма, М. Мюллер, во славу избранных им четырёх языков в европейской цивилизации, осуждает под видом предрассудка патриотическую любовь к родному языку в других странах. Он готов «на широком поле неразумия вырвать с корнем хоть один предрассудок. Такой предрассудок то, что истинная любовь к отечеству невозможна без отечественного языка и что первая обязанность всякого патриота в том, чтобы вовеки, на войне и в мире, носить старую тяжёлую ржавую броню местного языка. Кто может верить, что язык существует для того, чтобы люди не понимали друг друга, тот пусть останется при этом догмате»[1].

А. А. Потебня дал отповедь М. Мюллеру. Он указал на то, что Макс Мюллер в действительности стоит не за общий международный язык науки, а за монополию нескольких западноевропейских языков, «на стороне которых сильная и богатая часть этих обществ и народов». А. А. Потебня писал:

«Раздражение, которое знаменитый учёный (т. е. М. Мюллер) испытывает при мысли, что не всё замечательное, что пишется по его части, доступно ему по языку, подобно и сродно с тем, которое испытывают цари биржи и владыки рынков, распорядители судеб народов, при виде того, что не всё золото стекается в их мешки, не вся промышленность в их власти, не все вожжи в их руках»[2].

---

[1] «Deutsche Rundschau», 1881, № 11.

[2] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 627—628.

М. Мюллер хочет выгодных условий для четырёх народов и невыгодных для остальных. Это — слепота узкого национализма, основанного на пренебрежении к истории или на фальсификации её.

Вместе с тем А. А. Потебня подчеркнул, что далёкого расстояния между языком науки и поэзии не может и не должно быть. «Расцвет поэзии в новой литературе везде сопряжён с уменьшением этого расстояния (Пушкин). Существование этих расстояний вредно влияет на развитие, которое делает то, что и самые научные деятели набираются из узкого круга, скудного талантами» [1].

Расцвет стилей художественной литературы в XIX в. у нас сопровождался подъёмом научного движения — сначала в кругу гуманитарных наук. В первой половине XIX в. происходит напряжённая работа над созданием русского философского языка. Эта работа содействует развитию стилей критико-публицистического языка. С середины XIX в. русский научный язык решительно освобождается от подражательности европейским языкам.

В формировании национальных стилей русского научного языка сыграли огромную роль великие наши критики-демократы: Белинский, Добролюбов и особенно Чернышевский. В 60—70-х годах ясно вырисовывается национальный русский стиль научно-популярного изложения, охватывающий и область естественных наук.

Д. И. Писарев, оказавший сильное влияние на развитие стилей русского научно-популярного языка во второй половине XIX в., боролся с элементами мифологического языка и мифологиче-

---

[1] А. А. Потебня, Из записок по теории словесности, стр. 627.

ского мышления в языке науки. По его словам, мифологический язык «не выносим для тех писателей, которые чувствуют в себе потребность высказать обществу какие-нибудь определённые ясно осознанные мысли» [1]. И Писарев с удовлетворением констатирует, что «в настоящее время и история и политическая экономия прислоняются к изучению природы и постоянно очищаются от примеси тех фраз и гипотез, которые не имеют основания в видимых и осязаемых свойствах предметов» («Цветы невинного юмора», 1864)[2]. По мнению Писарева, высшая красота русского популярно-научного языка заключается в его «ясности и выразительности». Русский литературный язык прошёл долгий путь развития и в результате этого «сделался тем, чем он должен быть, именно средством для передачи мысли» [3]. Д. И. Писарев стремился к тому, чтобы русский научно-популярный стиль достиг совершенства в простой, ясной и художественно-выразительной передаче сложнейших идей и научных построений.

«В былое время на первом плане стояла форма, читатели восхищались совершенством внешней техники... Теперь, напротив того, внимание читателя безраздельно направляется на содержание, т. е. на мысль» [4]. «Высшая, прекраснейшая, самая человеческая задача искусства состоит именно в том, чтобы слиться с наукой и посредством этого слияния дать науке такое практическое могущество, которого она не могла приобрести исключительно своими средствами» [5].

---

[1] Д. И. Писарев, Избранные сочинения, Гослитиздат, 1934—1938, т. II, стр. 282—283.

[2] Там же, стр. 5.

[3] Там же, т. I, стр. 92.

[4] Там же, стр. 92.

[5] Там же, стр. 110.

Таким образом, в русском литературном языке во второй половине XIX в. осуществляется синтез искусства и науки, как это констатировал тургеневский Потугин в романе «Дым».

К концу XIX в. — началу XX в. русский научный язык не только осваивает все термины и понятия, выработанные мировой разноязычной наукой, но и сам занимает одно из вершинных мест в области человеческой культуры и науки.

Русский язык может и будет иметь блестящую будущность. Это доказывается не только его местом в системе европейских языков, но и его интернациональной ролью как государственного языка Советского Союза.

IX

Советский Союз — это социалистическое государство, объединяющее народы, пользующиеся разными национальными языками. Советская страна более многоязычна, чем какая-нибудь другая страна мира.

Русская речь с самого начала формирования русской государственности неудержимо распространялась по восточноевропейской территории среди разных народов. Своеобразный характер многонационального русского государства, слагавшегося вокруг Москвы, содействовал дальнейшему продвижению русской речи на восток, в пределы Азии, к её многочисленным народностям. В пределах СССР, где первенствует русский язык, рядом с ним звучит ещё около 200 разных языков. Так, одно население Крайнего Севера состоит из 26 народностей и обособленных племён [1]. Роль русского языка в

[1] См. З. Е. Черняков, Карта распространения языков народов Севера СССР. Языки и письменность народов Севера, 1937, ч. 1.

культурном развитии народностей, входящих в состав СССР, колоссальна.

Как государственный язык СССР русский язык по площади своего распространения и по внутреннему своему влиянию занимает одно из самых первых мест между общими языками Европы, Азии, Америки. Но ему ещё предстоит много мирных культурных завоеваний. Уже самый факт распространения русского языка среди одной шестой части света представляет собою историческое событие мирового значения. Для истории русской культуры и для истории русского литературного языка было чрезвычайно важно и то, что многие русские писатели и общественные деятели по происхождению своему принадлежали к другим народностям, населявшим Россию.

Русский язык имеет громадное организующее влияние на все языки народов СССР, особенно на письменные языки, которые вступили в новую стадию жизни при советской власти. Русский язык, как язык высокой культуры, является идеалом и образцом для языков других национальностей. От него они воспринимают лексику и фразеологию, связанную с идеями марксизма-ленинизма, с процессом социалистического строительства. О силе и плодотворности влияния русского языка на национальные языки народов СССР можно судить по таким фактам. В марийско-русском словаре горного наречия В. С. Шорина под редакцией С. Г. Эпина (Казань, 1920) помещено 3479 слов, из них одну седьмую часть (487) составляют русские заимствования. В словаре к горно-марийским текстам, записанным Г. Рамстедтом [1], находятся 4612 слов, из них руссизмов 620.

---

[1] G. I. Ramstedt, Bergscheremissische Sprachstudien, Helsingfors, 1902.

Русский язык стал для языков других наций в пределах СССР источником, мощным резервуаром новых понятий, новой системы осмысления действительности. Например, советская действительность, изменившая весь уклад жизни манси (вогулов), внесла резкие изменения и в лексику мансийского языка. Эти изменения, с одной стороны, шли по пути заимствования ряда терминов (как-то: sovet, kooperativ, plan, kilo, aeroplan и т. п.); с другой стороны — по линии создания новых терминов и выражений средствами самого мансийского языка для таких понятий, как руководитель, собрание, соревнование, электричество (у вогулов дословно: «самозажигающийся огонь»), самолёт (дословно: «крылатая лодка») и тому подобные [1]. Таким образом, русский язык несёт термины науки и цивилизации, отвлечённые понятия и новые идеи марксизма-ленинизма в среду тех языков, с которыми он вступил в братский союз со времени Октябрьской революции.

В хантыйский (остяцкий) язык «в послеоктябрьсий период из русского языка заимствуется новая социально-экономическая, культурная и техническая терминология» [2]. Как слова интернационального характера, заимствованные через русский язык, можно привести: skola, kniga, arifmetika, sovet, partija, socializm, kolhoz, fabrika, doktor и т. д. [3].

Точно так же создание бурят-монгольской терминологии идёт двумя путями: с одной стороны,

---

[1] В. К. Черноусов, Мансийский (вогульский) язык. «Языки и письменность народов Севера». 1937, ч. 1, стр. 191.

[2] В. К. Штейниц, Хантыйский (остяцкий) язык. Языки и письменность народов Севера, ч. 1, стр. 226.

[3] Там же, стр. 199.

создаются новые термины на национальном материале, а с другой — используются международные и в особенности советские термины[1].

Проф. А. М. Селищев, изучавший влияние русского языка на чувашей и марийцев, пишет:

«С того времени, когда поволжские области вошли в состав Русского государства, народы Поволжья испытали на себе значительное воздействие русского элемента, — воздействие, шедшее от русской администрации и от появившегося здесь русского населения. Это влияние проходило в одинаковом направлении в отношении всех народностей Поволжья, в том числе и чувашского населения. Это влияние распространялось на государственную, экономическую и бытовую жизнь. Чуваши, как и финские народы, знакомились с теми или иными новыми государственными, экономическими и бытовыми явлениями жизни — с такими явлениями, которые до того им или были неизвестны, или, что чаще, представлялись им с некоторыми особенностями сравнительно со своими соответствующими явлениями. В том и другом случае усваивались и словесные знаки этих явлений — русские слова. При сильном русском воздействии, при распространении среди чуваш (как и среди финнов) знания русского языка, русские слова вводились в чувашскую (или финскую) речь вместо чувашских (или финских) слов и выражали некоторое изменение в отношении говорящих к обозначаемым предметам или явлениям...»[2]

---

[1] «Революция и письменность». Сборник № 2, 1936, стр. 77.

[2] А. М. Селищев, Русские говоры Казанского края и русский язык у чуваш и черемис. Труды лингвистической секции РАНИОН, стр. 60.

Русские словарные заимствования сделаны чувашами в разное время. Одни восходят к XVI в., другие — к более позднему времени. Особенно много слов и выражений вошло в чувашский язык в эпоху революции. Это — экономические, социально-политические, технические, вообще культурные термины, это — лексика и фразеология, отражающая новый; социалистический быт, новый, советский строй, новую идеологию: сотсиалисам, орканисатси, курса, сопранийе, расверска, трипунале, кенеке (книга), хасат (газета) и т. п.

Однородный материал можно привести из разных языков, бытующих в пределах Советского Союза. Конечно, степень влияния, глубина его могут быть различны в зависимости от культуры того народа и того языка, которые воспринимают достижения русской речи. Но характер и общее направление воздействия русского языка более или менее однородны. Русский язык в настоящее время выступает как очаг и рассадник новых общественно-политических терминов и идей, как язык передовой науки и гражданственности.

Проф. Н. В. Яковлев в «Грамматике адыгейского литературного языка» так характеризует современный этап в развитии адыгейского языка:

«Со времени Великой Октябрьской социалистической революции начинается новая эпоха расцвета адыгейской культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию, эпоха возникновения и расцвета адыгейской письменности и литературного языка. Социалистическое строительство и рост национальной культуры не могли не отразиться и на развитии адыгейского языка. Впервые создаётся адыгейский литературный язык. В него начинает входить масса интернациональных и советских русских новых слов.

Если сравнить по содержанию эти слова с арабизмами и заимствованиями из русского языка в предшествующие эпохи, то сразу бросится в глаза огромная разница. В то время как прежде арабизмы представляли собою слова, главным образом, религиозного содержания или слова, связанные со средневековой культурой, в то время как заимствования из русского языка эпохи колониального угнетения представляют собою слова, по содержанию или отражающие колониальную политику царизма, или представляющие собой чисто бытовые культурные условия, — после Октябрьской социалистической революции адыгейский язык обогащается массой общественно-политических, научно-технических и учебных терминов. Впервые для обогащения языка создаются списки терминов и их словари. Назовем, например, следующие, уже прочно вошедшие в жизнь и быт адыгейского трудящегося интернациональные и советские слова: «Совет Власть» — советская власть; пролетарий — пролетар; революция — революц; колхоз — колхоз; рабоч — рабочий; трудодень; коммунистическе партиер — коммунистическая партия, социализм, ударник, стахановец, электричество, автоном, делегат, магазин, автомобиль и т. д. и т. д. В настоящее время разработана адыгейская терминология по географии, биологии, грамматике и т. д. Новые адыгейские слова эпохи построения социализма, прочно вошедшие в адыгейский литературный язык и живую речь адыгейских трудящихся, не только обогащают словарь адыгейского языка, но отражаются и на всём его грамматическом строе в целом. Вместе с ним в адыгейский язык проникают и новые звуки — фонемы (например, твердое «л», «в»), и новые, не привычные ранее для адыгейского языка, сочетания звуков (например, мно-

гие сочетания согласных), и новые интернациональные и советские суффиксы и префиксы (например: «-изм», «-ство» и т. д., «анти-», «все-» и т. д.).

В общем мы можем сказать, что эта последняя по времени появления и относительно непродолжительная эпоха развития адыгейского общества и его языка по силе и быстроте этого развития далеко превосходит всё то, что появилось в адыгейском языке за все предшествующие эпохи его истории»[1].

Расцвет культур, национальных по форме и социалистических по содержанию, неразрывно связан с развитием важнейшего их элемента — национальных языков. И это развитие, сказывающееся в росте научных понятий, научной терминологии, в освоении новых областей культуры и техники, в распространении интернационального словаря, в расширении отвлечённой лексики, в расцвете художественной литературы, протекает у народов СССР под непосредственным влиянием русского языка. Так, русский язык, поднимая культурный уровень других языков, становясь для них центром притяжения, создаёт условия, сокращающие в будущем путь к единому языку всего человечества. Ведь в условиях советской действительности национальная языковая форма воплощает в себе и закрепляет интернациональное социалистическое содержание нашего бытия и сознания.

В эпоху же обновления всего человечества, «когда социализм окрепнет и войдёт в быт, национальные языки неминуемо должны слиться в один общий язык, который, конечно, не будет ни вели-

---

[1] Проф. Н. Яковлев и доц. Л. Ашхамаф, Грамматика адыгейского языка, 1941, стр. 242—243.

корусским, ни немецким, а чем-то новым»[1]. И в этом новом языке многое будет от русской языковой культуры, тем более, что для многих языков русский язык уже давно был поставщиком культурных слов и понятий.

Свою цивилизующую роль в отношении соседних языков русский язык начал выполнять ещё в глубокой древности. Общеизвестно влияние русского языка на языки финской ветви. Очень сильно было влияние русского языка на литовский язык. Академик Е. Ф. Карский в своей работе «Культурные завоевания русского языка на западной окраине его области» писал: «Простой литовский народ позаимствовал из русского языка (из наречий белорусского и великорусского, а в некоторых случаях даже и из общерусского языка до его распадения на говоры и наречия) массу слов, некоторые суффиксы и даже в отдельных местах — что очень редко бывает — фонетические особенности»[2]. В разных специальных трудах, посвящённых этому предмету, например, Карловича (O języku litewskiem, 1875), Брюкнера (Litu-slavischen Studien. I Die Slavischen Fremdwörter im litauischen, 1877), Г. Геруллиса (Die Herkunft der slavischen Lehnwörter im Preussisch-Litauischen), К. Буги (Die Litauisch-weissrussischen Beziehungen und ihre Alter), Pranas Skardžuis'a (Die slavischen Lehnwörter im Altlitauischen. 1931), Jan'a Otrębskego (Wschodnio-litewsckie narzecze twereckie, cz. III) приводятся длинные списки таких заимствований. Так, Брюкнер на

---

[1] И. Сталин, Вопросы ленинизма. Политический отчет Центрального комитета XVI Съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово 27 июня — 2 июля 1930 г., Партиздат, 1936, стр. 431.

[2] «Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук», т. XXX, 1925.

92 страницах приводит до 2000 основных слов, взятых литовцами из славянских языков [1]. Если всмотреться в огромные списки заимствованных у русских литовцами слов, то окажется, что они касаются разных сторон народной жизни, как его духовной культуры, так и материальной. В большинстве случаев они вошли в литовский язык вместе с новыми понятиями и предметами, взятыми у русских (например, čẽnė, čẽnis, čenus — цена; zelkorius, zeřkolas — зеркало; zokânas, žokânas — закон; znõkas — знак и т. д.).

Менее сильным, но достаточно широким было влияние русского языка на латвийский. Латышам рано пришлось соприкоснуться с русскими, племена которых они называли krievi (чит. kriavi, т. е. кривичи). Следовательно, познакомились они с русскими ещё тогда, когда не было забыто племенное название кривичей. Из русского литературного языка много слов заимствовано было латышами и в течение XIX—XX вв.

Из латышских заимствований характерны: grãmata, krãsa (краска, цвет), lãska, rabata, slava, gatavs (готовый), klapata (хлопоты), stolers, četri, nedel'a, grèks (грех), svece (свеча) и т. п.

Но есть глубокая принципиальная разница между прежним, дореволюционным влиянием русского языка на языки соседних народностей и между влиянием русского языка на языки народов СССР в наше время.

Сходства и соответствия в языках страны Советов, обусловленные воздействием русского языка, проявляются:

1) в расширении сферы влияния русских, осо-

---

[1] См. И. М. Эндзелин, Латышские заимствования из славянских языков. «Живая старина», 1899, III.

бенно новых, советских, выражений, в калькировании их;

2) в стремительном распространении советизмов, в их движении из одного языка в другой;

3) в освоении основного фонда интернациональной лексики через посредство русского языка;

4) вообще в усилившейся тенденции к языковой интернационализации, в особенности к советской языковой интернационализации;

5) в приобщении к мировой культуре и цивилизации — в ее, так сказать, народной русской оценке, в её русском восприятии.

X

Современный русский язык представляет собою своеобразное, можно сказать, небывалое явление в истории мировой культуры. Происходящие в нём процессы полны глубокого исторического интереса. В них ещё более ярко отражается творческая мощь русского языка.

1. В грамматической структуре современного русского языка обнаруживается оригинальное сочетание приёмов синтетического и аналитического строя, причём в области словоизменения синтетические формы явно преобладают. Однако русскому языку не чужд и метод агглютинации (например, в образовании повелительного наклонения, возвратных форм на -ся).

Таким образом, следуя во многих отношениях тем тенденциям, которые унаследованы от общеславянской грамматической системы, русский язык в то же время обогащает свой строй приёмами аналитизма и агглютинации.

2. В современном русском языке укрепились качественно новые типы словообразования, например, тип сокращённых и сложно-сокращён-

ных слов (нарком, колхоз, местком, исполком, политбюро и т. п.).

3. Словарь современного русского языка находится в стадии обновления и быстрого расширения. Отмирают или меняют свою окраску, своё значение специфические слова старых классовых и сословных диалектов. В широкий общественный оборот вошли слова, понятия, фразеология марксистско-ленинской науки об обществе. Реконструкция государства, новая общественная психология выражаются в бурном рождении и быстром распространении советских неологизмов.

Новые формы политической организации и общественной жизни, новый быт, новое миропонимание — всё это привело к массовому образованию новых слов и понятий. Язык коммунистической партии, её вождей — Ленина и Сталина — оказывает глубокое влияние на литературный словарь, особенно на литературную фразеологию. Великая отечественная война дала новый толчок современному словотворчеству.

Все эти новые слова и новые значения старых слов обогащают смысловую (семантическую) систему общерусского языка такими интеллектуальными и экспрессионными средствами выражения, которые особенно ярко и остро характеризуют стиль советской эпохи.

4. Существенно видоизменяется отношение к культурному наследию прошлого в области лексики. Воспринимая всё лучшее из тех языковых формаций, которые и до революции служили целям культурного единения и развития («от Пушкина до Горького» — Ленин), современный русский язык постепенно отбрасывает или преобразует всё чуждое народу.

Параллельно с образованием новых слов, фраз, оборотов речи, комбинаций фраз и т. п.

идёт творческое приспособление старого языкового сокровища к выражению новых идей, ощущений, настроений, нового строя мыслей и чувств.

5. Вместе с общим культурным подъёмом страны, с её быстрым техническим развитием растёт фонд интернациональной лексики.

6. С развитием науки и техники связан процесс стремительного обогащения и расширения специально технических словарей. Множество технических слов и терминов, получивших широкое общественное применение, входит в литературную норму, занимая видное место в общенациональном языке.

Этот процесс отражает сдвиг в идеологии русского общества. «Нетрудовые элементы потеряли вес в обществе (постепенно и вовсе исчезают из него), и вопросы производства и его организации стали в центре внимания, элементы политического образования стали внедряться в общественное сознание вместе с стремлением в том или другом отношении заполнить пропасть между умственным и физическим трудом. Всё это привело к тому, что производственная терминология стала вливаться широкой струёй в наш литературный язык, расширяя знакомство с элементами разнообразных производственных процессов» [1].

7. Подвергается резким изменениям взаимодействие между литературным языком и народным диалектом. В социалистической культуре нет пропасти между городом и деревней. Культурное развитие низовых городских и крестьянских масс ведёт к ограничению узкоместных диалектов. Литературная речь постепенно становится ор-

---

[1] Л. В. Щерба, Литературный язык и пути его развития. «Советская педагогика», 1942, № 3—4, стр. 52.

ганическим элементом мышления передового крестьянства. Часть диалектов, способных нести более широкие коммуникативные функции, усваивается литературным языком и сливается с ним.

8. Социализм впервые создаёт предпосылки для подлинной всеобщности национального языка как национальной формы социалистической культуры. Грани между социальными диалектами постепенно стираются и теряют резкие очертания.

9. Семантическая система современного русского языка переживает новую стадию развития. Распространение марксистско-ленинских идей, рост материалистических убеждений и настроений, социалистическая реконструкция государства, строительство единой советской культуры — всё это находит отражение в семантике русского языка. Осуществляется принципиальная идеологическая перестройка национального русского языка на социалистических началах.

10. В современном русском языке происходит решительное преобразование прежней стилистической системы. Пролетарская революция вызвала широкую демократизацию разговорного и отчасти письменного языка (по крайней мере, его газетных, публицистических и научно-популярных стилей). Новая стилистическая структура русского языка, находящаяся также в процессе становления, отличается ещё более широким диапазоном разнообразных стилей книжной и разговорной речи, а также их более ярко выраженным интеллектуальным и экспрессивным многообразием.

11. Многообразие стилей в русском языке связано с многообразием синонимических средств выражения, с ярким разнообразием экспрессивных красок. Едва ли какой другой язык мира об-

ладает таким богатством синонимических оборотов, как язык русский.

12. Русский язык является не только родным языком русской нации, но он является и общим международным языком для тех почти двухсот народов и народностей, которые входят в состав великого Советского государства. При этом благодаря национальной политике советского правительства среди всех братских народов Советского Союза наблюдается стремительный культурный рост своих, родных, национальных языков, из которых многие только в советское время получили и письменную форму. Русский язык в кругу этих языков занимает первое место. Ему принадлежит великая объединяющая и культурно-образовательная роль.

У всех народов Советского Союза — общее дело, общие задачи. В новой государственной обстановке русский язык выполняет ответственную миссию идеологического руководителя. Он развивается не только как родной язык русского народа, но и как интернациональный язык социалистической культуры и советской государственности. Поэтому в его структуре всё ширятся и углубляются не только национальные, но и общечеловеческие мировые начала и основы.

Понятно, что и в «интернациональной лексике» есть сильный привкус национального своеобразия, исходящий от данного языка. В значениях внешне однозначных слов разных народов существуют большие различия. Русское слово «собственность» не равно ни латинскому «proprietas», ни французскому «la propriété», ни немецкому «Eigenthum». Понятия образуются всей совокупностью жизни данного народа, и терминология одной страны всегда есть нечто ей специфически свойственное. Лексикон констатирует только при-

близительное сходство понятий; реальное содержание их может быть в разных языках очень различно.

Русский язык является очагом, откуда излучаются и распространяются социалистические, советские термины, выражения социалистических, советских идей и чувств не только во весь круг братских языков и народов нашего многоязычного государства, но и во все языки мира.

Языковая культура — это та сложная система отвлечённых идей (государственных, общественно-политических, лично-нравственных, художественных) и форм их выражения, которая вырабатывается всей жизнью нации. Она, как продукт, принадлежит народу; как пища, как творческое начало, она принадлежит всему миру. С этой точки зрения можно сказать, что русский язык, будучи высшим выражением национальной русской культуры, является языком всемирного значения.

К. С. Аксаков сказал: «Колесо русской истории оборачивается в 150 лет»[1]. На самом же деле движение этого колеса всё ускоряется, и наша страна всё быстрее направляется к новым областям социалистической мысли и культуры. По словам В. И. Ленина, «история России шагает вперед семимильными шагами» [2].

В этом общем прогрессивном движении страны, укрепляется внутреннее единство русского народа. Русский язык — могучий фактор духовного единства русского народа. Недаром Тургенев связывал с родным языком мысль о судьбах всего русского народа. Русский язык пронёс через все испытания и бедствия, через все пропасти и враж-

---

[1] К. С. Аксаков, Полн. собр. соч., т. I, стр. 593.

[2] В. И. Ленин, Сочинения, т. V, стр. 145.

дебные станы священный огонь тысячелетней русской культуры.

В суровые и героические дни борьбы за честь и свободу отечества любовь к родному, русскому языку, к его истории пылает в русском народе особенно ярким светом. Ибо «нет, — по справедливому замечанию И. С. Аксакова, — мгновений возвышеннее тех, когда внезапным подъёмом всенародного духа, вся многовековая история страны вдруг затрепещет в ней живою движущею силой, и весь народ послышит себя единым, цельным в веках и пространстве, живым историческим организмом».